

ОСВОБОЖДЕНИЯ

50 ЛЕТ

УРАЛА

КОЛЧАКА

ОТ

7
1969

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКАЯ СТАЛЬ

Фото В. Каушанова

Литературно-художественный
Научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества

Орган Союза писателей РСФСР
Свердловской писательской организации
и Свердловского обкома ВЛКСМ

Год издания двенадцатый

7

1969

У Р А Л Ъ С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

С. ШМЕРЛИНГ,

Д. АЛЕКСЕЕВ

КРАС- НЫЕ ВСТУ- ПАЮТ В ГОРОД

— **З**десь мы тогда спешили. Ослабили седловку. Разнуздали разгоряченных коней. Пустили их на траву. Оглядел я потные бока моей резвой гнедой рысачки. Под Воткинском, перед атакой, сам начдив мне ее подарил... Пока кони паслись, перекусили и мы. Торопились. До Екатеринбурга оставался последний переход...

Мы стояли у обелиска «Европа—Азия», по дороге на Первоуральск. Старый краском Алексей Григорьевич Лобанов говорил неспешно, даже вяловато. И только быстрые, зоркие взгляды, которыми он как бы прощупывал окрестности, выдавали в нем бывшего военного.

— В ту пору все вокруг было зелено. Трава стояла высокая. Дело понятное: июль. И не обелиск нынешний тут высился, а столбик махонький, хотя слова в нем те же были: за нами лежала Европа, переди простиралась Азия. Шутили конники: «Даешь Азию!» Горячились в нетерпении. Ведь от самой Волги, от Казани, рвались сюда, к сердцу Урала...

Нам, военным журналистам, совершающим поездки по дорогам гражданской войны, доводилось встречаться со многими участниками боев за освобождение Поволжья и Урала от

белогвардейцев и интервентов. В Ульяновске познакомились с бывшими воинами дивизии легендарного Гая Дмитриевича Гая, штурмом бравшими город детства и юности Владимира Ильича Ленина. В Казани и Ижевске ветераны рассказывали о том, как рождалась боевая слава полков Владимира Мартыновича Азина, громивших белогвардейцев за Волгой, на полях Татарии и в лесах Удмуртии. В Перми нам поведали о победных ударах по колчаковцам 21-й дивизии Георгия Ивановича Овчинникова, вспомнили весну и лето 1919 года, когда после многочисленных оборонительных боев и тяжелых отходо красные войска перешли в решительное контрнаступление.

Военная судьба свела на одном общем направлении две дивизии: 21-ю и 28-ю. Обе с боями двигались на Екатеринбург.

Об этих боях и шел теперь разговор у обелиска. Вместе с бывшим командиром эскадрона 28-й Железной Азинской дивизии Алексеем Григорьевичем Лобановым сюда приехали начальник разведки артдивизиона 21-й Пермской стрелковой дивизии Александр Федорович Павлов, работник политотдела 2-й армии, один из первых председателей Екатеринбургского горсовета Анатолий Иванович Парамонов и группа молодых солдат Свердловского гарнизона.

— В июне наш штаб вернулся в только что освобожденный Сарапул, — рассказал А. И. Парамонов. — Здесь под руководством командарма Василия Ивановича Шорина, одновременно исполнявшего и обязанности командующего Северной группой войск Восточного фронта, были разработаны планы форсирования Камы и взятия Перми, Кунгура, Екатеринбурга. Воплощалась ленинская идея: «Наступление на Урал нельзя ослабить, его надо безусловно усилить, ускорить...»

Натиск красных частей был стремительным. Если белогвардейцам понадобилось пять месяцев, чтобы пройти от Екатеринбурга до Перми, то вышвырнули их обратно за две недели.

— 2 июля 1919 года наша 21-я дивизия получила телеграмму за подписью Председателя Совета Обороны Владимира Ильича Ленина: «Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца». Можете себе представить, какое воодушевление охватило всех нас. Белых обходили, громили, сминали в рукопашных схватках. На дорогах валялись содранные самими белогвардейцами их погоны — колчаковцев охватила растерянность, паника...

Участники боев за освобождение Урала от Колчака среди молодых воинов Свердловского гарнизона у обелиска «Европа — Азия».

Христианский вождь отря...

КРАСНЫЙ

(Летучая газета) **ОТКЛИК**

ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА КОМГРУППЫ ВОСТОРОНТА.
№ 15. Вторник, 17 июля 1919 года. № 15.

Новая крупная победа над Колчаком.

---

14 ИЮЛЯ ВЪЯТ ЕКАТЕРИНБУРГ.

Столица Урала в наших руках.

Все ярче сказывается бессилие „Сибирского Монарха“.

Красные волны перекинулись за Урал.

Урал Советский.
Очередь за Сибирью.

Вперед, к решительной победе!!!

Географический институт Петрограда

Это нам рассказал Александр Федорович Павлов. Питерец, артиллерист с крейсера «Олег», он в восемнадцатом в составе отряда Балтийского флотского экипажа был направлен на Восточный фронт. Сражался под Шалей и Вогулкой, участвовал в подавлении Ижевско-Воткинского контрреволюционного восстания, а затем в рядах 21-й стрелковой дивизии освобождал Осу и Кунгур.

— 12 июля был отдан приказ войскам 2-й армии, — продолжал рассказ генерал-майор в отставке А. Ф. Павлов. — В нем ставилась задача овладеть в кратчайший срок Екатеринбургом. 28-я дивизия должна была наступать через Билимбаевский и Висимо-Шайтанский заводы. Далее ее путь лежал по Сибирскому тракту на Верх-Исетский завод. А нам, 21-й, было приказано энергично продвигаться, преодолевая все препятствия, поддерживая самую тесную связь с азинцами, вдоль полотна железной дороги Пермь — Екатеринбург и нанести удар по городу с северо-запада. Сибирский тракт пересекает железную дорогу. Понятно, что и боевые порядки наступающих дивизий фактически сливались, действовать им пришлось бок о бок.

— Мой конный эскадрон, — вспоминает А. Г. Лобанов, — лесными тропами продвигался от Красноуфимска на восток. Был у нас приказ: взорвать мост на железной дороге. По ней откатывались колчаковские эшелоны. Скрытно пробрались мы к мосту.

Отвели коней в сторону, подползли к насыпи. Перед самым носом состав проскочил. Эх, думаем, жалость какая! Надо спешить, чтоб другие-то не прозевать. Четверо нас пошло: комзвода Сидоров, вахмистр Рогожников, подрывник и я. Подложили заряд. Видим, идет еще эшелон. Запалили бикфордов шнур... Нет взрыва! Оказалось, шнур был перетерт. Зато уж третий воинский состав от нас не ушел. Паровоз и два вагона слетели вниз, остальные полезли друг на друга. Уцелевшие колчаковцы выскочили на откос. Мы тогс и ждали: «Эскадрон, огонь!...» После уже, перед самым пограничным столбом «Европа — Азия», была у нас стычка с вражеской разведкой. Колчаковский дозор ехал на двух грузовиках. Остановили, заставили под огнем спешиться и бе ать...

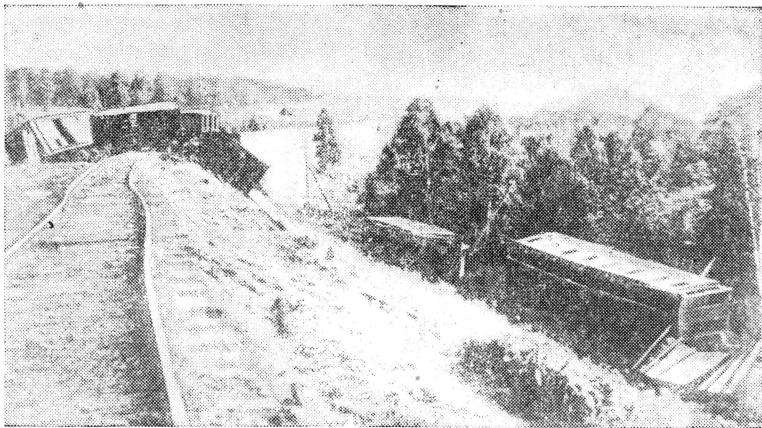
Наш автобус едет по Сибирскому тракту в сторону Свердловска тою же дорогой, по которой пятьдесят лет тому назад шел на рысях авангардный красный эскадрон. Заметно волнуется Алексей Григорьевич. На этом сорокакилометровом участке пути он то и дело отмечает знакомые места — ложбинки, повороты, крутые спуски, перелески. Только теперь перед глазами боевого кавалериста не разбитый колесами и изрытый конскими копытами грунтовый боульшак, а современное асфальтированное шоссе, по которому сплошным потоком идут машины.

А как далеко на запад выдвинулась граница города! И тут Лобанову приходится мысленно накладывать боевую обстановку тех лет на современный городской пейзаж. В этом ему помогает А. И. Парамонов.

— Доскакали мы до торфяников, — говорит Лобанов, — повернули влево, к поселку Верх-Исетского завода...

— Это тогда были торфяники, — замечает А. И. Парамонов. — Пустошь была, а за ней проматривался ВИЗ.

Мы вновь обращаемся к старой карте. Верх-Исетский завод в те времена стоял особняком от города. Это был как бы отдельный населенный пункт. На его узкие, пыльные деревянные улочки и вышли конники Алексея Лобанова вечером 14 июля 1919 года. Разведдозор из шести кавалеристов во главе с комзводом Павлом Минеевым в сумерках проскочил дальше окраиной города — к станции Екатеринбург.

Еще один белогвардейский поезд пущен под откос.

— Получив новые данные,— продолжает Лобанов,— я написал: «Начдиву-28 товарищу Азину. 2-й эскадрон достиг Верх-Исетского завода. На станции Екатеринбург два эшелона белых». С донесением поспекал тот же Павел Минеев с красногвардейцем Андреем Маминым.

Картину освобождения города мы рассматривали глазами современных свердловчан с крутой высоты у кинотеатра «Комсомолец», что на улице Репина, в которую вливается Сибирский тракт. За соснами виднелись Уктусские горы, трубы Химмаша. Внизу, на бывших Московских торфяниках, — Юго-Западный район. Правее — чаша Центрального стадиона, кварталы и корпуса сегодняшнего ВИЗа. В дымке — индустриальный массив Орджоникидзевского района.

— Обстановка выглядела так,— поясняет генерал А. Ф. Павлов.— Южнее, за Уктусом, велась наступление бригада 28-й дивизии. Трудными горными подходами она вышла к станции Мраморская и перехватила железную дорогу Екатеринбург — Челябинск. В центре, по обе стороны от тракта, двигались полки бригады Пурринга. Там, за ВИЗом, точнее за линией дороги, через теперешнюю Сортировку, Уралмаш и Пионерский поселок наступала 1-я бригада нашей 21-й дивизии. А дальше, на севере, совершали свой глубокий рейд по тылам врага конники 29-й и 30-й дивизий под командованием Филиппа Акулова и Николая Томина. Заняв Горнозаводскую железную дорогу с ветками на Верхотурье и Ирбит, они отрезали войска белого генерала Пепеляева от остальных колчаковских сил.

Мощный, четко спланированный и умело организованный удар красных частей помог сохранить от разрушений город. Очень хорошо об этом по горячим следам событий сказал Валерий Владимирович Куйбышев: «Необыкновенно быстрым, почти волшебным натиском взят ключ к колчаковскому царству — красная жемчужина Урала — Екатеринбург».

«Новая крупная победа над Колчаком,— сообщила во вторник 15 июля 1919 года летучая газета «Красный отклик»,— 14 июля взят Екатеринбург. Столица Урала в наших руках».

14 июля... Эта дата вошла в историю как день освобождения нашего города, но фактически боевые действия в нем продолжались и после полуночи, и в первые утренние часы 15-го.

— В 4.15 мы начали движение через ВИЗ. Вначале рысью, затем — шире, галопом и карьером сюда вот,— Алексей Григорьевич показал на

площадь Уральских коммунаров с вечным огнем перед памятником павшим героям гражданской войны.

Дальнейший путь кавалеристов лежал по бывшей Покровской — ныне улице имени И. М. Малышева — и Каменному мосту через Исеть. Свернув на улицу Пушкина, эскадрон на рысях влетел на Главный — ныне проспект имени В. И. Ленина. У здания правительственного телеграфа придержали коней. Эскадронный знаменщик Иван Флегентов, бросив поводья товарищу, спрыгнул наземь и прикрепил красный флаг к наличнику парадного крыльца.

Красное полотнище уже реяло над улицей, когда со стороны оперного театра появились два броневика белых. Они открыли огонь. Но подошли дивизионные артиллеристы и ударили по броневикам из пушек прямой наводкой. Одна машина свалилась в канаву, другая с трудом развернулась и пустилась наутек.

Короткие стычки с казаками вспыхивали у мукомольной фабрики и на вокзале. На станционных путях горели эшелоны, в дыму были пакгаузы...

Пройдя по местам боевых действий 28-й дивизии, мы остановились на улице Карла Либкнехта, перед домом № 59. В этом здании после занятия города квартировал штаб 21-й. Но прежде пришлось с

боями овладеть восточными окраинами Екатеринбурга. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях ныне здравствующий начдив-21 Георгий Иванович Овчинников:

«Я отдал приказ 1-й бригаде обойти с севера Екатеринбург и занять станцию Шарташ, находящуюся восточнее городского вокзала. Бригаде маневр удался. После боя с автоброневиками и бронепоездом противника станция была взята. Таким образом, все железные дороги были перерезаны. Это определило участь Екатеринбурга. Последние части колчаковцев покинули город и отступили по грунтовым дорогам...»

Мы выходим на проспект Ленина, где полвека назад состоялся парад освободителей города и где на виду у всех начдивы Владимир Азин и Георгий Овчинников — каждому из них не было и двадцати пяти лет — крепко обнялись и расцеловались.

Революционный Военный Совет 2-й армии телеграфировал по прямому проводу:

«Передайте доблестным частям спасибо. Напомните им, что освобожденные трудовые массы никогда не забудут героических подвигов...»

КО ВЗЯТИЮ ЕКАТЕРИНБУРГА

*Столица Урала,
Ты в наших руках,
Войска адмирала
Разбиты в горах.*

*Сибирские степи
Хлебами шумят
И нас к себе дальше
Довольством маняют.*

*Товарищ, вперед же
Могучей волной!
С победною песней
Покончим с ордой.*

КР-ЕЦ А. Г.
Газета «Красный набат», издание Политотдела Военного Совета 3-й армии.

18 июля 1919 г.

Юные добровольцы Камышловского полка.

ПОХОДНАЯ

Зорю трубы проиграли
Гей, ребята, на коней,
Вон как белые подрали
От кумачных бунтарей.

Сабли наши крепкой ковки,
Братьев кровь зовет нас мстить...
Целься, меткие винтовки,
Белых надо угостить.

Бей, ребята, не подгадим
Толстосумов войско бить.
Мы вперед, друзья, отдадим
Колчака на Русь ходить.

На Урал, а за Уралом
Дг голодных хлеб найдем,
Смерть всем царским генералам
Мы с собой туда несем.

Бьемся мы в защиту люда,
Крепки все в походе мы.
Нас ведет не командиры,
А железные орлы.

Газета «Красный набат»
26 июня 1919 г.

Эскадрон 28-й Азинской дивизии вступает в деревню Бичурину.

Колчак со свитой,
Сброд адмиральский
Тянули лапы
К земле уральской.
Затем с Урала,
Разруху сея,
Грозилась важно:
«Прижмем Расею!»
Да напоролась
На штык народа,
И полетели
Отретья сброда:
Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский...
Погон свалился,
Табак скурился...
От адмирала,
Его затеи
Осталась только
Лишь португепя!

Этот плакат был выпущен в 1919 году. Откликаясь на обращение Ленина, он призывал красноармейцев Восточного фронта как можно скорее покончить с „верховным правителем России“ Колчаком. И это было сделано!

НА ДЕВЯТОЙ ВЕРСТЕ

В. АЛТОВ

«Ходатайство Главного командующего всеми Вооруженными силами удовлетворить. Рабочих города Оренбурга за их боевую деятельность, героизм и боевые подвиги, проявленные при защите города Оренбурга во время наступления Колчака, наградить Почетным революционным знаменем».

(Из постановления Президиума
ВЦИК. Протокол № 42 от 8 октября
1920 года).

К востоку от Оренбурга, на 9-й версте тракта, ведущего к Орску, на вершине невысокого холма стоит обелиск. На нем — барельеф воина в остроконечной буденовке и золоченые буквы: «Землякам-оренбуржцам, отдавшим жизнь за Советскую власть». Выше этой надписи — стихи:

Свой добрый век вы прожили как люди
И для людей...

В дни праздничных торжеств стоят у монумента в почетном карауле молодые солдаты и рабочие оренбургских заводов, комсомольцы и пионеры.

Ранней весной девятнадцатого года армии Колчака, наступавшие по широкому фронту, от Каспийского моря и почти до Заполярья, достигли предгорий Уральского хребта.

А через месяц Колчак собирался уже выйти к Волге, чтобы затем совместно с Добровольческой армией Деникина двинуться к первопрестольной по семи железным дорогам, идущим от Волги. Взятие Оренбурга позволило бы «верховному правителю» объединить свои войска с казачьими армиями генерала Толстого и полковника Дутова.

Положение Оренбурга было в те дни критическим. 1-й казачий корпус наступал с юга из зауральских степей, 2-й шел к городу с востока, в междуречье Урала и Сакмары, а 4-й корпус колчаковского генерала Бакича угрожал с севера и северо-востока. Этим крупным силам врага могли противостоять только три красных полка.

Особенно ухудшилась обстановка, когда всего в пятнадцать верстах от Оренбурга, в станции Благословенной, вспыхнул казачий мятеж. Белые стали обстреливать из орудий пригороды

Оренбурга, разобрали железнодорожные пути, прервали телеграфную связь.

«Придется считаться с возможным временным оставлением нами Оренбурга».

(Из доклада Реввоенсовета
Восточного фронта Главкому)

...В губкоме собрались: Иван Акулов, братья Александр и Георгий Коростелевы, Василий Мискинов, Иван Мартынов, Григорий Клейман и другие руководители оренбургских большевиков.

— Что будем делать? — спросил Акулов у товарищей. — Лучшие силы мы отдали Первой и Туркестанской армиям. Оружия — нет. Боеприпасы тоже на исходе. Но рабочие требуют не допустить Дутова в Оренбург. Если он захватит город в третий раз — начнется поголовная резня.

Наступило тягостное молчание. Его нарушил Александр Коростелев:

— Будем обороняться. Поднимем рабочих.

«Фрунзе... интуитивно понял всю важность обороны Оренбурга, всю важность помощи. Он согласился с обороной Оренбурга».

(Из выступления И. А. Акулова на
вечере воспоминаний Оренбургского
землячества 29 января 1932 года).

...Тревожно запели гудки Главных железнодорожных мастерских, заводов Эверта и «Орлес». Оренбург был объявлен на осадном по-

ложении. На площади у Главных мастерских собралась многотысячная толпа. Форменные куртки железнодорожников смешались с рабочими спецовками и солдатскими шинелями.

Речи были короткими. Тут же, у заводских ворот, началась запись в рабочие полки. Добровольцам выдавались винтовки и патроны, доставленные по приказу Фрунзе. Взялись за оружие 1200 рабочих Главных железнодорожных мастерских, 700 активных штыков выставил «Орлес». Становились в строй швейники, печатники, мукомолы, кожевники. В самый короткий срок было сформировано пять стрелковых полков. Они тут же отправлялись на передовую. Те, кто не мог носить оружие — женщины, подростки, старики, — рыли окопы, подвозили патроны и снаряды, ухаживали за ранеными.

«В восемь часов быть в Оренбурге. Святую заутреню будем праздновать в этом городе...»

Для быстрого приведения города в порядок назначить комендантом Оренбурга поручика Васильчикова.

(Из приказа Дутова 19 апреля 1919 года — в канун пасхи).

В этот день с особенным остервенением рвались к городу казацки сотни. Несколько раз они пытались смять рабочие полки и на их плечах ворваться в Оренбург. Противник захватил Нежинку, вышел на ближние подступы к городу. Казакам хорошо видны были сверкавшие золотом купола собора и форштадтской церкви.

Дрогнули красные цепи. И тогда лично пошел в бой только что сформированные, еще толком не обстрелянные добровольческие роты начальник обороны Оренбурга Эдуард Вилумсон.

С красным знаменем в одной руке и с наганом в другой, подымая бойцов в контратаку, он запел рабочую «Марсельезу». Ее подхватили один, другой, третий, и вот уже над заснеженными полями гремит боевая революционная песня:

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Вставай на врагов, люд голодный.
Раздайся, крик мести народной:

Вперед! Вперед! Вперед!

Дрогнули казаки, отступили, оставили Нежинку. Вилумсон не успел допеть песню до конца, его сразила белогвардейская пуля. Бойцы отправили командира в лазарет. Потом Нежинка еще несколько раз переходила из рук в руки. Кровопролитные схватки продолжались.

«Больше месяца находятся рабочие в бою под открытым небом, без обмундирования, надлежащего снаряжения, грязные, усталые, измученные, обессиленные сиденьем в окопах днем и ночью. Нет одежды, белья, сапог, медикаментов, ибо все Оренбург отдал еще до эвакуации первой армии и, главным образом, Туркармии. Почти нет кавалерии, нет достаточного количества артиллерии, нет абсолютно никаких резервов, ибо все силы на линии фронта».

(Из доклада председателя Оренбургского губисполкома А. А. Коростелева В. И. Ленину).

Весь апрель и май шли ожесточенные бои у стен Оренбурга. В особенно трудные минуты новый начальник обороны города Михаил Великанов сам не раз водил в атаку бойцов. Казаки снова и снова пытались прорваться в осажденный город.

Однажды под натиском белых не устоял 217-й рабочий полк, пришлось отступить на правый берег Урала, сжечь за собой мост. Белокази подошли вплотную к городу — теперь его от врагов отделяла только река. В роще, на том берегу Урала, заговорила казачья батарея, на улицах стали рваться снаряды.

«С 27 апреля по 28 мая санитарная часть группы обороны эвакуировала в тыловые госпитали только раненых 2964 человека. Потери убитыми составили тысячу человек, в том числе из руководящего состава председатель губпрофсовета Прокоров, председатель Орского исполкома Батаев, председатель профкома завода «Орлес» Кириллов и другие».

(Из сообщения председателя губкома партии И. А. Акулова в ЦК партии).

Особенно ожесточенные бои велись на берегах широко раскинувшего вешние воды Салмыша, всего в 35—40 километрах от Оренбурга. Генерал Бакич бросил в наступление 4-й корпус. Под прикрытием сильного артиллерийского огня белые полки захватили плацдарм на правом берегу реки и стали спешно переправлять главные силы на паромах и рыбацких лодках.

Снова страшная угроза нависла над Оренбургом. Единственной преградой на пути колчаковского корпуса стал 277-й Орский полк да один батальон 211-го полка.

Бой начался на рассвете 26 апреля — Салмышский бой, которому суждено было войти в историю гражданской войны. Он продолжался весь день и до поздней ночи. Первый батальон 277-го полка, не выдержав натиска втрое превосходящих сил противника, стал отходить к Янгизской горе. К отступающим галопом поскакал командир полка Михаил Юлин. Спрыгнув с коня, он взял винтовку у павшего бойца и, повернув дрогнувших красноармейцев, увлек их за собой навстречу врагу. Белые побежали к реке и были сброшены в ледяную воду.

Батарея, установленная на склоне Янгизской горы, метко била по скопившимся у переправ колчаковцам. Артиллеристам удалось перебить стальной канат, натянутый через реку, и паром с офицерами понесло по течению. Следующий снаряд угодил прямо по парому и разметал его.

Несколько раз в этот день водил в рукопашные схватки свои батальоны двадцатидвухлетний командир 211-го полка Николай Барановский. Граф по происхождению, штабс-капитан царской армии, он добровольно стал в ряды защитников революции. И погиб за нее смертью героя, идя впереди атакующих бойцов.

К ночи корпус Бакича перестал существовать. Лишь немногим удалось перебраться вплавь через холодные воды Салмыша.

«277-й стрелковый полк воспрепятствовал соединению казачьих отрядов с войсками Колчака и тем самым дал воз-

*можность удержать за нами имеющий
первостепенное значение Оренбургский
район».*

(Из приказа Реввоенсовета
Республики № 126 от 9 июля
1919 года).

В середине мая обстановка под Оренбургом особенно осложнилась. Не считаясь с потерями, дутовцы рвались к городу. В тревожную ночь с 14 на 15 мая весь аппарат губкома во главе с Иваном Алексеевичем Акуловым встал под ружье. Несколько суток в непрерывных боях с белоказаками отстаивали оренбуржцы свой город. Тогда-то в особенно критические минуты они обратились к Владимиру Ильичу Ленину с просьбой о срочной помощи.

*«Знаете ли Вы о тяжелом положении
Оренбурга? Сегодня мне передали от го-
воривших по прямому проводу железно-
дорожников отчаянную просьбу орен-
буржцев прислать 2 полка пехоты и 2 ка-
валерии или хотя бы на первое время
1000 пехоты и несколько эскадронов. Со-
общите немедленно, что предприняли и
каковы Ваши планы. Разумеется, не рас-
сматривайте моей телеграммы, как нару-
шающей военные приказания».*

(Телеграмма В. И. Ленина
М. В. Фрунзе от 12 мая 1919 года).

Помощь Оренбургу была оказана оружием и боеприпасами. Собравшись с силами летом 1919 года, рабочие полки перешли в наступление и отбросили белоказачков в пустынные степи. Удивившись в бессмысленности сопротивления, остатки белой армии сдались в плен.

120 дней и ночей продолжалась невероятно трудная героическая оборона Оренбурга. Большевицкая крепость над Уралом оказалась неприступной. Она приковала к городу огромные силы дутовских и колчаковских войск и тем самым помогла успешному решению стратегической задачи — разгрому Колчака.

...Солнечным днем 12 июня 1921 года тысячи оренбуржцев заполнили привокзальную площадь. Под звуки оркестра член ВЦИК Емельян Ярославский вручил представителям города темно-вишневое бархатное знамя с вышитыми золотом словами: «От ВЦИК. Рабочим г. Оренбурга за героизм, проявленный при защите города во время наступления Колчака».

Только три города в стране — Петроград, Оренбург и Царицын были удостоены такой высокой чести — награждены Почетными революционными знаменами ВЦИК.

ПОСЛЕДНИЙ ПРОЛЕТ

А. АРТАМОНОВ

На стене фотография: суровое, энергичное лицо красноармейца в буденовке. И тот же человек перед нами за столом, спустя сорок с лишним лет. Иван Владимирович Густ ведет неторопливый рассказ.

Вся жизнь этого человека прошла в пути. Родился в семье ссыльного поселенца в Красноярском крае, а годы детства связаны с Иркутском. Вырос — стал строить дороги, мосты. Сколько их был?

Недавно взял Иван Владимирович карту. Прочертил свои маршруты и сам поразился: вся Сибирь, Урал, Средняя Азия, Дальний Восток, Ленинградская, Вологодская, Калужская, Курская, Харьковская, Днепропетровская области, Ставропольский край... И в каждом из пунктов, где задерживался Иван Владимирович, оставлял он по себе память.

Строил он вторые пути на Сибирской дороге. Участвовал в создании Амурской и Алтайской дорог, наводил мосты через Дон, Вятку, Иртыш, Каму. В 1935 году строил Московский метрополитен. А после войны восстанавливал Московско-Курскую и Московско-Киевскую железные дороги.

В трудовой книжке не хватило места, чтобы вместить всю биографию прораба-строителя. Понадобился вкладыш.

На всю жизнь самым памятным остался для Ивана Владимировича мост через Каму.

— Восемь лет строили...

Я читаю мандат, подписанный наркомом Кратом и заведующей политотделом дороги Землячкой:

«...Выдан тов. Густ И. В. в том, что он действительно является комиссаром по сборке мостов линии Казань — Екатеринбург.

При исполнении возложенных на тов. Густ служебных обязанностей все советские и железнодорожные учреждения... обязаны оказать ему всестороннее содействие...»

Впервые Иван Владимирович познакомился с Камой осенью 1916 года, когда начал работать клепальщиком на сборке пролетов моста. Строителям оставалось собрать последний, 159-метровый пролет, когда в Прикамье пришла гражданская война.

Иван Густ стал одним из организаторов комитета общественной безопасности. В мае 1918 года он вступил в большевистскую партию и вскоре был избран секретарем партийной ячейки, фактически взявшей в свои руки строительство моста.

На плечи Густа легли заботы не только о скорейшем завершении работ. Пришлось делать такое, чего не знала до сих пор практика строительства мостов.

Под вражеским огнем сооружались деревянные подмости, на которых должна была производиться сборка пролета.

И вдруг — белогвардейский мятеж в Ижевске. К мосту подошел бронепоезд «Свободная Россия». Его надо было переправить на тот берег. Комиссар знал: инженеры не разрешат пуск бронепоезда. Тем более — ночью.

— Мне, клепальщику с четырехклассным образованием, пришлось решать вопрос: пройдет или не пройдет этакая махина по временному пути?

Вместе с командиром поезда отправился он в этот короткий и опасный рейс. Выдержат ли деревянные сооружения?

Сняв телефонную трубку, командир бронепоезда приказал машинисту:

— Малый вперед!

Густ высунул голову из люка.

«Вот сейчас... Еще, еще...»

Поезд зашел на площадку временного сооружения и медленно пополз по рельсам.

«Трах! Трах! Трах!»... Это трещали под рельсами деревянные чурбаки.

«Скорей, скорей! — стучала кровь в висках. — Еще чуток, еще!..»

И бронепоезд прошел.

Первое испытание было выдержано. После этого строители удвоили усилия, чтобы скорее закончить сборку пролета.

Ревкому самому пришлось добывать материалы и оборудование, искать продукты питания, думать о жилье, организовывать людей на работу.

Представители бывшего подрядчика пана Садовского и его зятя Железинского заняли выжидательную позицию: кто кого? Победят белые — мы, мол, работали на красных из-под палки. Победят Советы — извините, мы же к белым не ушли!

Зато немало было таких людей, которые сразу и бесповоротно приняли Советскую власть. Они стали самой надежной опорой революционного комитета.

31 марта 1919 года сборка последнего пролета была завершена, и 159-метровая громадина легла на постоянные опоры. Строители ликовали: все-таки довели дело до конца!

Но обстановка на фронте еще более осложнилась. Колчак пошел в наступление. Азин вынужден был отойти на правый берег реки.

Колчак грозил прорваться по железной дороге до Агрыза, отрезать Ижевск и Воткинск.

И Густ получил приказ: Камский мост взорвать. Он распорядился эвакуировать людей и оборудование. Прибыла двуколка с взрывчаткой. Стали таскать взрывчатку на мост. Обложили весь пояс пролета. Зажгли бикфордов шнур.

— Как на сына родного винтовку навел, — вспоминает Густ.

Маленький язычок пламени быстро продвигался к запалу. Вот уже остались какие-то сантиметры... Воздух потряс оглушительный взрыв. Пролет приподнялся, ухнул одним концом в воду,

а другим зацепился за «быка» да так и остался висеть...

Пришла весна. Бывшие строители шагали в рядах 28-й дивизии Азина, освобождая Вятские Поляны, Агрыз и Сарапул.

На Камский мост явились комиссар головного восстановительного отряда Иван Густ и его друг, рабочий монтажник Сергей Рыбкин.

С горечью разглядывали они черные, скрученные балки.

— Да, задали мы себе работу, — вздыхал Густ.

Уже на следующий день прибыл сюда весь отряд строителей, и закипела работа.

Из-под Петрограда привезли готовый пролет, предназначенный для другого — Охтинского моста. Потому что Москва и Петроград нуждались в грузах с Урала и Сибири.

На заседаниях Совета Оборона ставился вопрос о достройке линии Екатеринбург—Казань. Шел разговор и о Камском мосте.

23 января 1920 года Совет Оборона принял решение: железнодорожный мост через Каму должен быть восстановлен до начала весеннего ледохода.

И услышали тогда строители личную просьбу вождя: дать мост к 18 марта, ко дню Парижской Коммуны.

— Я и сейчас без волнения не могу вспомнить те дни, — говорит Иван Владимирович. — Работали с таким подъемом! Сарапул послал к нам лучших коммунистов. Солдат дала Запасная армия. Продлили мы свой рабочий день сперва на два часа, потом — еще на час. Ввели субботники.

Трудно было. Но люди, казалось, забыли о лютых морозах, о голоде.

И вот торжественный день наступил: 12 марта в гости к строителям приехал командующий Запасной армией Гольдберг. Появился оркестр. Перерезали традиционную ленту. Пошел через мост поезд-испытатель, а вслед за ним и эшелон с хлебом.

Совет Оборона специально обсудил вопрос о награждении строителей Камского моста. Им были выданы премии. А Иван Густ по личному приказу командующего армией получил кожаный костюм.

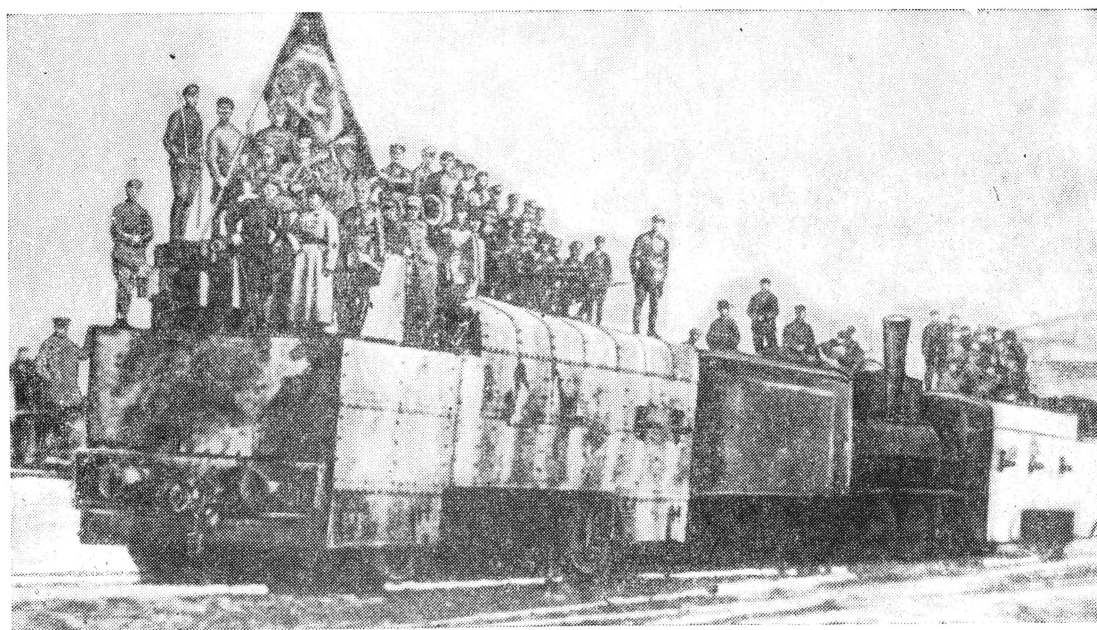
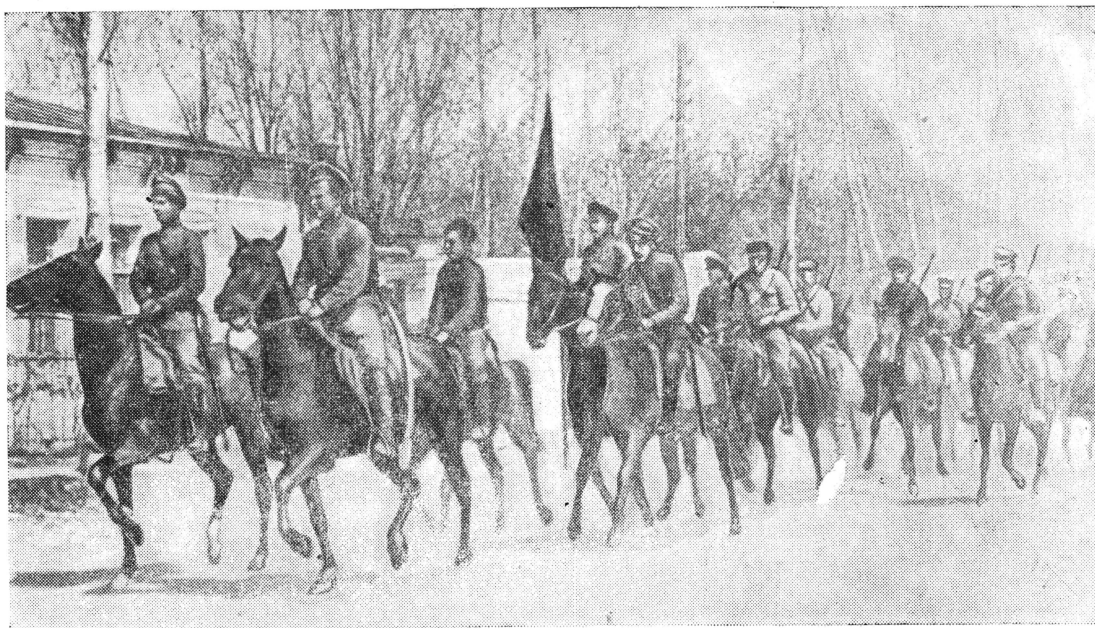
Вот она дорогая сердцу телеграмма:

«СОВЕТ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБОРОНЫ ШЛЕТ ТОВАРИЩЕСКУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ОТ ИМЕНИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ВСЕМ РАБОЧИМ, КРАСНОАРМЕЙЦАМ, ТЕХНИЧЕСКОМУ И АДМИНИСТРАТИВНОМУ ПЕРСОНАЛУ, РАБОТАВШИМ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ МОСТА ЧЕРЕЗ КАМУ У САРАПУЛА, ЗАКОНЧИВ ЕГО ЗА МЕСЯЦ ДО НАЗНАЧЕННОГО СРОКА, ДАВ ЭТИМ НОВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧЕГО МОЖЕТ ДОСТИГНУТЬ ПРОЛЕТАРИАТ ОРГАНИЗОВАННОСТЬЮ, ЭНЕРГИЕЙ, ДИСЦИПЛИНОЙ В ТРУДЕ, ПРИ СТОЛЬ НЕОБХОДИМОМ СЕЙЧАС СОЗНАТЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ К ОБЩИМ ЗАДАЧАМ, СТОЯЩИМ ПЕРЕД РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В БОРЬБЕ С ПОСТИГШЕЙ ЕЕ РАЗРУХОЙ.

ПРЕДСОВОБОРОНЫ ЛЕНИН»

Копию этой телеграммы до сих пор хранит почетный железнодорожник Иван Владимирович Густ.

ПЕРЕД ВАМИ СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ, ЗАПЕЧАТЛЕВШИЕ КРАСНЫХ ВОИНОВ, КОТОРЫЕ ОСВОБОЖДАЛИ ЮЖНЫЙ УРАЛ ОТ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ. ПЕРВАЯ СДЕЛАНА В МАЙСКИЕ ДНИ 1918 ГОДА, ВТОРАЯ — В ИЮЛЕ 1919 ГОДА.

Эти конники — бойцы Сводного Челябинского красногвардейского отряда, комиссаром которого был С. Я. Елькин, один из руководителей городской партийной организации. В отряд входили рабочие плужного завода, железнодорожники, шахтеры челябинских угольных копей. Они взялись за оружие еще накануне Великого Октября. В ноябрьские дни 1917 года вместе с прибывшими по заданию ЦК партии и лично В. И. Ленина самарскими красногвардейцами во главе с В. К. Блюхером они принимали участие в схватках с бандами Дутова, окружившими Челябинск. В во-

семнадцатом сражались с белоказаками в снежных степях у Троицка.

В то время, когда был сделан этот снимок, красногвардейцы собрались в новый поход по заданию Уральского областного комитета партии большевиков. Их путь лежал в далекое Оренбуржье. И на этот раз судьба вновь свела красногвардейцев с Василием Константиновичем Блюхером. Под его руководством они прорвали вражескую осаду Оренбурга, совершили легендарный партизанский рейд по Южному Уралу, Башкирии и вышли в районе Кунгура на соединение с регулярными частями Красной Армии.

На этом снимке вы видите захваченный у колчаковцев бронепоезд. Кем, когда, при каких обстоятельствах?

В освобождении Челябинска решающую роль сыграла одна из лучших дивизий 5-й Краснознаменной армии — 27-я стрелковая дивизия, снискавшая в годы гражданской войны славу непобедимой. Это о ней была сложена песня:

Стальной грудью
Врагов сметая,
Шла с красным стягом
Двадцать седьмая.

242-й Волжский стрелковый полк этой дивизии, которым командовал Степан Сергеевич Вострецов, заслуживший в годы гражданской войны четыре ордена Красного Знамени, на рассвете 24 июля

1919 года первым ворвался на станционные пути Челябинского железнодорожного узла. По свидетельству ветеранов гражданской войны, красные воины, разместившиеся на бронепоезде, были именно из 242-го полка. Правда, к этому моменту колчаковский бронепоезд стоял уже «на приколе», сделали это челябинские железнодорожники. Один из них — стрелочник Курмышкин — с риском для жизни пустил белогвардейский бронепоезд в разрез стрелки. Сойдя с рельсов, бронепоезд закрыл выход со станции на сибирскую и екатеринбургскую линии, и враг не смог отправить на восток ни единого эшелона.

Вот о каких событиях рассказывают эти две старые фотографии.

М. ГОЛУБЫХ, бывший начальник полевого штаба
30-й стрелковой дивизии

КОНЕЦ

Начальник красноярского гарнизона белогвардейский генерал Зиневич принял наш ультиматум о сдаче, и в ночь на седьмое января двадцатого года полки 30-й дивизии вошли в город. Несмотря на позднее время, на улицах былолюдно. Колчаковские солдаты и офицеры хмуро смотрели на колонны наших бойцов.

Часа через два в штабе начался необычный «прием»: к начальнику дивизии Альберту Яновичу Лапину явились колчаковские генералы. Он терпеливо выслушал их, сказал:

— Завтра получите приказ о расформировании частей.

Некоторые благодарят. Другие спрашивают:

— А что потом... с нами?

— Что? Домой поедете. Кто хочет, может устраиваться здесь на работу. В Красную Армию не возьмем.

Генералы довольны приемом начдива. Еще бы! Ждали расстрела, тюремного заключения, а им предлагают ехать домой, работать.

Следом за генералами в штаб явился щеголевато одетый поручик. Рвется к Лапину. Часовые не пускают. Пробрался ко мне. Вижу, дело у него действительно важное. Идем вместе к начдиву.

— Поручик Порохин, командир автороты ставки бывшего верховного правителя Колчака с вверенной мне ротой в ваше распоряжение прибыл!

— Где ваша авторота? В казарме? — спрашивает Лапин.

— Никак нет, господин начальник, у вашего штаба!

Лапин нахмурился, с нескрываемым недовольством заметил:

— Я не господин! Господа все уехали с колчаковцами. Какую имели специальность до войны?

— Артист императорского театра!

Выходим на улицу. У тротуара четыре почти новые легковые машины, шесть грузовых, шесть мотоциклов.

— Хорошо, — говорит начдив. — Сегодня установите с нами телефонную связь.

Круглые сутки шла работа в штабах бригад и полков, расквартированных в городе.

Бойцы немного отдохнули, вспоминают подходы и бои. Разве забудешь снежную морозную

зиму 1918—1919 годов, когда в потрепанных шинелях и ботинках пришлось отходить по проселкам на запад, или военные дороги Вятской губернии, когда бойцы получали по 100—150 граммов пресного хлеба со жмыхами в день? А многодневные кровопролитные бои с колчаковцами в Удмуртии, большие переходы от Кунгура до Камы, от Екатеринбургa до Шадринска, сражение на реке Тобол, близ Омска?

Но вот снова приказ: добивать врага! В Красноярске с тавлены дивизионные учреждения и штаб. С полками уходят Лапин, комиссар дивизии Невельсон.

Наступали по железной дороге, Сибирскому тракту и параллельно идущим проселочным дорогам. Путь трудный: снег по колено, сорокаградусный мороз, частые схватки с колчаковцами. И в довершение всего — сыпной тиф. Редкие небольшие деревушки — как островки спасения. Здесь бойцы останавливались на короткий отдых, немного отогревались.

Нашему начдиву Альберту Яновичу Лапину — двадцать лет. В 1917 году он окончил коммерческое училище и вступил в большевистскую партию. В 1918-м работал в штабе армии М. Н. Тухачевского, через год уже командовал полком, а в декабре 1919 года его назначили начальником 30-й дивизии.

Альберт Янович умел быстро разбираться в обстановке, правильно оценить ее, принять верное решение.

Однажды ночью нам стало известно, что к полковому штабу движутся значительные силы противника. Вызывать помощь бесполезно: не успеет подойти. Лапин приказал мне взять бойцов с пулеметом и устроить в перелеске засаду.

— Переговоры с белыми буду вести я, — коротко объяснил начдив, — а вы внимательно следите. Действуйте без приказа.

Скоро показались конники.

— Сто-ой! — закричал Лапин. — Я начальник дивизии Красной Армии. Приказываю сдаться. Не сдадитесь — уничтожим!

На мгновение наступила тишина.

— Офицерам спешиться! Подойти ко мне и сложить оружие.

Офицеры подходят к Альберту Яновичу, кладут на дорогу револьверы, шашки. Рядовые кавалеристы следуют их примеру.

КОЛЧАК

Оказалось, что перед нами — полк оренбургских казаков.

И вот в расположение 30-й дивизии потянулись потрепанные кавалерийские части белых, обозы.

В течение двух-трех часов в плен сдалось несколько тысяч белогвардейцев, в том числе более двухсот офицеров и один генерал. Все солдаты были отпущены, а генерала начдив приказал допросить.

— Ба! Полковник... виноват, генерал Вельк? — не удержался я при виде вошедшего.

— Пра-порщик Голубых, здравия желаю! Вот где встретились...

— Да,— говорю,— давненько мы с вами не виделись. Кажется с 4 ноября 1917 года?

— Правильно.

Полковник Вельк в старой армии командовал 32-й запасной бригадой в Челябинске, я там же служил младшим офицером 163-го запасного полка. Вел агитационную работу среди солдат, был председателем военной секции Челябинского Совета. Особенно «близко» мы познакомились

с Вельком, когда 4 ноября 1917 года он, как начальник гарнизона, оказывал содействие монархисту-полковнику Сорочинскому и офицерам казачьего отряда, высланного Дутовым для разгрома Челябинского Совета. На следующий день всех офицеров с Вельком пришлось отправить в Особый отдел.

Скоро на линии железной дороги мы встретились с эшелонами белочехов. Они задерживали движение нашей дивизии на восток. Сибревком и Военный Совет 5-й армии предложили им разоружиться, выдать Колчака и его министров, вернуть нам похищенный государственный золотой запас. При выполнении этих условий белочехам гарантировалась полная неприкосновенность. 18 января начались переговоры. Мы решили связаться с Иркутском. Через территорию, занятую белочехами, нам сообщили, что власть в городе в руках большевистского ревкома, Колчак арестован, а золотой запас находится под охраной смешанного караула белочехов и красногвардейцев.

В тот же день Лапин по указанию Военного

Первый начдив легендарной 30-й дивизии В. К. Блюхер и командир 269-го Богоявленско-Архангельского полка М. В. Калмыков. (Снимок 1936 года, публикуется впервые).

Совета 5-й армии отправил в Иркутск телеграмму:

«Срочно

Председателю Иркутского Революционного Комитета

Копия: Реввоенсоварм 5

Революционный Военный Совет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и охранения его жизни и передать его командованию регулярных советских Красных войск. Примечание: расстрелять лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской Республики

точка
Нр 463/г
ст. Юрты

1920 г., 23 января, 17 часов.

Начдив 30 А. Лапин

Военком Невельсон

За начштадива Голубых»

Переговоры с белочехами продолжались. Белочешский майор Змек несколько раз говорил со мной по телеграфу, просил разъяснить отдельные пункты наших условий, вносил «исправления и дополнения». А 24 января белочехи начали военные действия и взорвали мост через реку Бирюсу.

Начдив А. Я. Лапин (снимок 1936 года).

Начдив И. К. Г. Изнов (снимок 30-х годов).

Наша дивизия перешла в наступление. Под Нижнеудинском мы разбили 8-й и 10-й полки белочехов, взяли в плен шесть эшелонов солдат, захватили шесть бронепоездов. Несколько позднее комбриг Грязнов нанес им поражение на станции Тулун и захватил девять эшелонов с войсками.

Третьего февраля в наш штаб из Иркутска прибыла делегация, в состав которой входили два члена Иркутского ревкома и чешский поручик Губа. Седьмого было подписано так называемое Куйтунское соглашение, по которому белочехи обязались в исправном состоянии передать нам железнодорожный путь и сооружения, государственный запас золота, открыть беспрепятственное продвижение нашим войскам на восток. В первых числах февраля в район Иркутска подошли недобитые колчаковские части. Белогвардейцы, зная, что в городе еще нет наших регулярных войск, заявили ревкому: в Иркутск они не войдут, если им выдадут продовольствие и несколько десятков миллионов рублей золота. Наглое требование было отклонено, и тогда белогвардейцы начали поход на Иркутск.

На помощь иркутчанам пришли сибирские партизаны, черемховские шахтеры, красногвардейцы-железнодорожники. Колчак и его премьер Пепеляев срочно были допрошены и 7 февраля расстреляны. Город остался советским.

7 марта 1920 года 30-я дивизия вступила в Иркутск.

Г. НЕЧУХИН

В ШТАБЕ БЛЮХЕРА

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ
ПЕЙЗАЖ

В ОСЕННЕМ ПОСЕЛКЕ

Акварели
Бориса Семенова

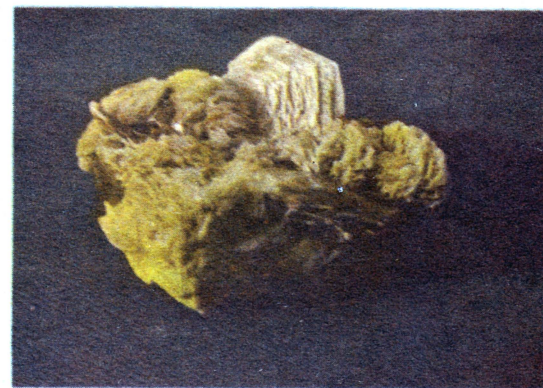
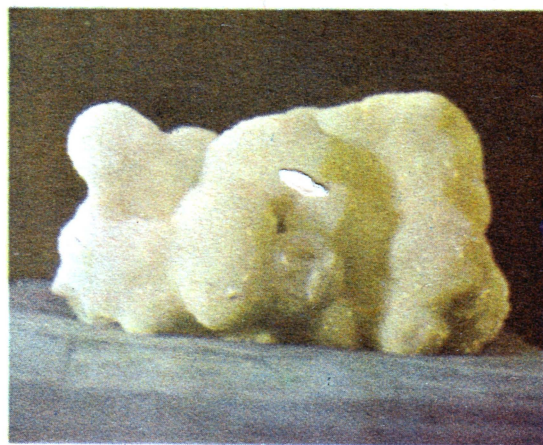
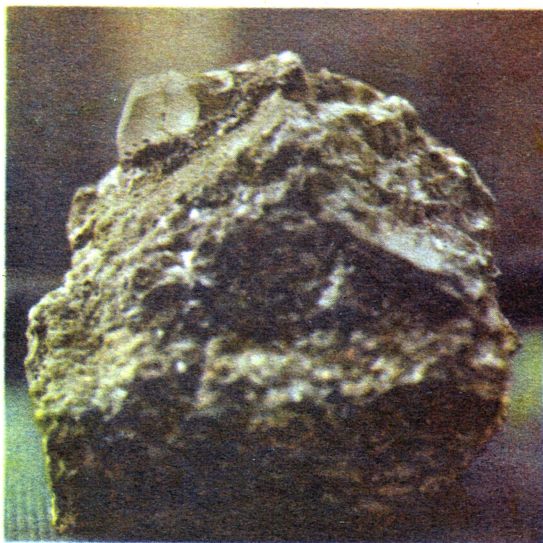
Иногда достаточно одного небольшого золотистого топаза, чтобы обломок ничем не примечательного погматита вдруг ожил и засверкал под солнцем самоцветными гранями...

А что можно увидеть в этих причудливых натенах кальцита? Белого медвежонка, песка, приготовившегося к прыжку, или маленького пуделя?

А в этих пачках нежно-фиолетовой слюды-лепидолита?

Лепидолитовая роза... Кажется, что искусная кружевница соткала ее, а художник из ее окаменевших кружев вылепил чудесную розу. И только в самом центре ее, словно печать природы-рукодельницы, темнеет кристаллик черного турмалина.

Еще более тонкое кружево — халцедоновое — выткала природа из тончайших темно-синих игл барита. И кусок обычного заурядного кварца вдруг обернулся сверляющим серо-синим драгоценным сувениром...

НА САМОМ ТЕМЕНИ АЗИИ

Кира ТКАЧЕНКО

*Дарили бы нас красотой своей
Кристаллы топаза, слюды, вольфрамита,
О, сколько здесь скрыто чудесных
камней
В разрушенных выходах жил пегматита.*

Петр Драверт

Гора эта, выросшая перед нами, была как живая — ее склоны переливались одеждой цирковых акробатов. Необыкновенная эта гора оказалась всего-навсего слюдяным отвалом: порода и обломки некачественной слюды.

К ней мы подъезжали по дороге, засыпанной мраморной крошкой, сладкой на вид, как куски рафинада, а вдоль дороги лежали глыбы нетающих айсбергов: голубые, белые мраморные блоки...

Кто-то из ученых задал вопрос: чем следует считать геологию — искусством или наукой?

Мне кажется, что ученый имел право на этот вопрос. Сами посудите, как поэтичны некоторые геологические термины: «хрустальные погребя», «занорыш», «друзы». А наименования минералов: «топаз», «берилл», «хризолит», «турмалин»?

Но самым удивительным мне кажется научное понятие «древнее темя Азии».

Не будем вдаваться в подробности, что под ним понимают. Главное — «темя Азии» расположено в Восточной Сибири, и на нем лежит часть Иркутской области. Вот почему так привлекательна Сибирь для ученых всего мира. Здесь можно увидеть древнейшие граниты и гнейсы, можно проследить геологическое развитие земной коры за миллионы лет.

На самой крайней юго-западной точке Байкала, на месте разлома земной коры, стоит сейчас старинный поселок Слюдянка.

Первые километры дороги от Иркутска в сторону Слюдянки тянутся по равнине, потом равнина начинает морщиться, заламываться в небольшие подъемы и впадины. Чем круче дорога, тем больше и гуще леса вдоль нее. Мелькают гнейсовые обнажения. «Древнее темя Азии...»

Узкая, зажатая лесами дорога, как подзорная труба, нацелена на белые хребты и голубую плоскость Байкала. Еще несколько километров — и вот он, обрыв в величайшее озеро мира.

Высоко, под самым небом, лежат на вершинах снега. Но справа — белые горы не снежные, а мраморные — карьеры месторождения Перевал.

Неорганический мир миллиарды лет назад жил так бурно, как потом стал жить органический. У него был свой обмен, он выделял продукты этого обмена, пульсировал, гнал по трещинам — сосудам и капиллярам — «кровь», насыщенные минеральные растворы. Особенно бурно протекала эта минеральная «жизнь» здесь, в Слюдянке.

Мы стояли на площадке, вытопанной экскаваторами, перед застывшим и окаменевшим телом земли, видели вскрытые жилки, по которым уже больше никогда не побежит ее «живая кровь»...

Очеловечить земную глубь помогал нам ее обнаженный цвет — розовое мерцание кальцитов — такими зелеными, сочными на вид, что хотелось их пожевать. На границе розового и сиреневого — мраморов и пегматитов — прорвался кальцит, и появились черно-коричневые пачки, словно кто-то нарочно вставил их между каменными стенами, как книжные закладки. Это — кристаллы флогопитов, плоские отполированные слоистые шестиугольники...

Не тронутые ни воздухом, ни светом, свежие, как только что разломанные половинки персиков, кристаллы холодили ладони.

...Синий цвет — редкость среди минералов. Залы Эрмитажа украшают каменные синие вазы из ляпис-лазури. Родина лазурита — байкальская речка Быстрая, рядом со Слюдянкой. Лазурит, апатит, слюда, кварц, флюорит и еще много красивых и редких камней хранят здешние недра.

Название поселка говорит само за себя. Если взглянуть на старые географические карты, когда карта Сибири была так скудна названиями, Слюдянка на ней есть.

Еще совсем недавно Слюдянское месторождение было чуть ли не единственным в нашей стране.

Сейчас разведаны новые, к примеру, флогопитовые залежи на Алдане, но ввиду исключи-

тельно выгодного положения (от Иркутска всего 120 километров) Слюдянка продолжает интересоваться горнодобытчиков. К сожалению, запасы байкальской слюды на исходе. Правда, энтузиасты Слюдянки говорят, что она неисчерпаема: кончается одна жила, начинается другая...

Но разговор не об этом.

Что собираются делать с карьерами и штольнями, где уже закончены горные работы? Ветер, дождь и солнце — лютые враги подземных сокровищ... Узорчатые камни, что сейчас так поражают свежестью и красотой своей окраски, уже через год поблекнут, потускнеют, зарастут травой, покроются грязью и пылью.

А может быть совсем иначе. Старые заброшенные выработки — это открытые настезь двери залов естественного музея. Слюдянка имеет все данные, чтобы превратиться в такой национальный заповедник. Для этого не так уж много надо. Сравнительно не трудно поддерживать порядок в карьерах — достаточно одного экскаватора, компрессора и самосвала...

Мне предвидится главное затруднение — наверняка возникнут дебаты по поводу того, в чьих руках окажется минералогический музей, кто примет на себя заботы о нем.

Логично предполагать, что он должен заинтересовать прежде всего организации, занимающиеся туризмом. Уже сейчас в Слюдянке туристов немало. Здесь давно образовалась перевалочная база. Отсюда тянутся маршруты по Байкалу, в бухты Бабушка и Песчаная, на снежные хребты Хамар-Дабана. Но мне кажется, есть перспективы перевалочную базу превратить в своего рода туристическую «Мекку».

Как мыслится маршрут в глубь земли?

Прежде всего только со специалистом, который мог бы дать объяснения по истории земли и минералогии. И, конечно, при самом тщательном соблюдении правил безопасности. Непытный человек, желая взять на память «кристалчик», рискует обрушить на себя целую гору. Что касается сувениров, то их изготовление можно упростить до минимума. Какая еще нужна обработка, скажем, кристаллу апатита, над которым так тщательно трудился самый искусный мастер — природа? Ни апатит, ни кальцит, ни слюда не нуждаются ни в шлифовке, ни в огранке.

Наши вкусы за последнее время очень изменились. Человек, особенно горожанин, скучает без природы, поэтому, очевидно, так попу-

лярны стали в наших домах корешки и раковины. А друзья горного хрусталя, аметистов, щеточки топазов, куски лазурита и нефрита? Старые штольни и отвалы — настоящие клады таких сокровищ.

На обогатительной фабрике одного из месторождений горного хрусталя я видела груды прекрасных украшений для современных квартир. Маленькие друзья двух-трехсантиметровых кристаллов дымчатого хрусталя, не имеющих никакой цены с точки зрения их промышленного применения, выбрасывались в отвалы. Туда же, в отвалы, шли игольчатые щетки кристаллов чистой воды, но микроскопической величины, для огранки не пригодные.

Кочкарские аметисты, халцедоновая галька тундровых рек Таймыра и Ямала, опалы и агаты Нижней Тунгуски — они не нуждаются в обработке, их надо только собрать и привезти.

Кроме Слюдянки на Байкале еще одно место может стать для туристов «Меккой». Я имею в виду Зундуки, где расположено месторождение цветных мраморов. Для промышленной разработки не годятся, но как красивое и своеобразное украшение куски зундукского мрамора нашли бы, конечно, своего покупателя.

Лазурит и нефрит ценили люди еще за тысячи лет до нашей эры, они были известны уже в Ассирии-Вавилонии и Египте. «Зеленый» и «синий» — «земля» и «небо», «камни жизни» — так называли их древние китайцы.

В середине прошлого века тонна байкальского лазурита стоила 1800—3000, а лучшие сорта — 6000—12000 золотых рублей. В конце наших двадцатых годов ожерелье из ляпис-лазури оценивалось в 150—1000 рублей. А сейчас в продаже изделий из «каменной жизни» почти не встретишь.

А может, в наше время, когда химия творит чудеса, а искусство имитации и художественных поделок достигло небывалых высот, как раз и не надо делать нефритовые вазы, чернильницы, бусы? Может, следует сохранить камню его подлинную внешность?

...В зимний день, когда за окном сыплет редкий снежок, возьмешь с письменного стола кусочек лазурита, погреешь его в ладонях, и «камень жизни» возвращает бодрость, снимает раздражение и усталость.

И снова перед глазами возникает голубой Байкал и дивная гора, кажущаяся живой от подвижного блеска ее склонов.

Лев
СОРОКИН

БАЛЛАДА О СОЛНЦЕ

Снова солнце над Прагой катилось,
Отражалось в речном серебре.
Так обычно...
А вам доводилось
Солнце ввысь поднимать на себе!

Ухмыляетесь!
Детские сказки!
Ухмыляетесь!
В тревожных ночах,
Надвигая солдатские каски,
Мы тащили его на плечах.

Через горы, завалы и ветер,
Торопясь,
Обжигаясь,
Скользя,
Чтоб опять,
Как всегда,
На рассвете
Солнце встретили наши друзья.

Это мы его подняли в сини!
Вы не верите!
Вон у ребят
До сих пор обожженные спины,
Обожженные руки горят.

* * *

Наверное,
Мы все-таки черствеем
От неудач,
Ошибок
И обид,
И временами кажется,
Что клеим
Хватает за подошвы
Вязкий быт.
Становимся, наверно, равнодушной
С годами к горю близких и чужих,
Привыкнув спать в дорогах без подушек,
Под щеку

кулачища подложив!

Но если так,
То почему ночами
Мы, вздрогнув, просыпаемся в поту,
Когда во сне друзей мы поднимаем,
Чтоб взять

опять

в атаке

высоту!

Кусты под корень срезаны снарядом,
Никто не знает:

будет ли он жить!

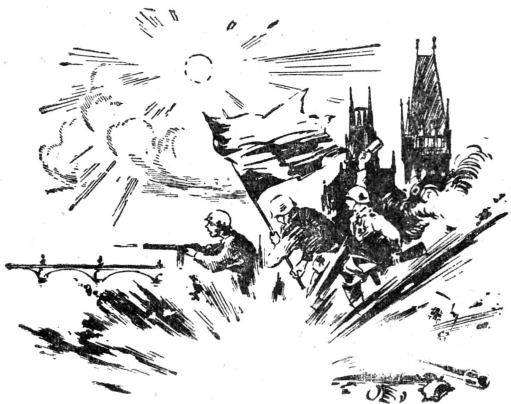
...Но я-то знаю,

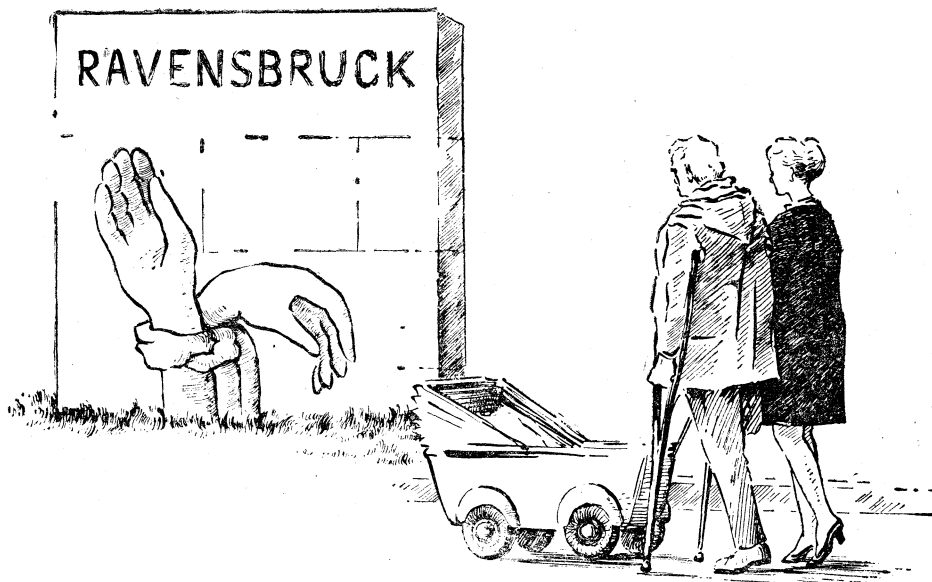
что бегущий рядом

До гребня

никогда

не добежит.

ОБЕЛИСКИ

Где погиб он,
 Друг мой близкий!
 У каких высот крутых!
 Обелиски, обелиски,
 На дорогах сколько их!

Облака их задевают.
 Не от слез ли горьких вдов
 Обелиски вырастают
 Из холмов до облаков!

СНЕГ И СОЛНЦЕ

Сугробы поднимались, как стога.
 Забыли снегопады про усталость,
 И за день озверевшая
 Пурга
 На солнце предзакатное бросалась.
 Наутро —

еще ниже облака.

20 В разгаре день,
 А свечерело вроде.

Но знаем с детства:
 Солнце на века,
 А вот снега
 Приходят и уходят...

Капель затараторила окрест,
 И снег пополз — в оврагах притаиться.
 Но с каждым днем
 все меньше в мире мест,
 Куда бы солнце не смогло пробиться.

* * *

Вот и кончилось,
 кончилось лето...
 Под высокий призыв журавлей,
 Потревожены зябким рассветом,
 Стайки листьев слетели с ветвей.
 Что же в этом особого!
 Просто
 Повторяется заповедь лет.
 Но вошел в обнаженные рощи
 Беспощадный, пронзительный свет.
 И видней грозовые заметы,
 И бугры узловатых корней.
 Паутинка,
 державшая лето,
 Дрогнув,
 лопнула между ветвей.

ВЕСНА

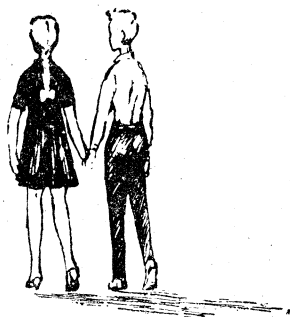
Чем старше весна,
Тем степенней:
Пора не крушить —
Созидать.
И как-то заметнее тени,
Которые надо
Стирать.

Я рад,
что Ленинград опять увидел,
Готов я говорить с ним
без конца:

Порою возраст,
А порой обиды
Разоружить пытаются сердца.

Но сердце бьет их,
Бьет, не успокоясь,
Ударом отвечает на удар.
Пока
Красногвардейцем
Смотрит
Совесть,
Пока Октябрь
Над сердцем —
Комиссар!

ПРИЗНАНЬЯ

Признанья свои мы писали на стенах.
И мне вспоминается вновь,
Что в сумме сложения:

«Леня плюс Лена»
Всегда получалась «Любовь».

А дома страшились сказать мальчуганам,
Что бредит любовью земля.
И прятали мамы от нас Мопассана,
А мы добывали Золя!

А позже,
ботинки начистив до глянца,
Дней двадцать, наверно, подряд
Упорно у стенки стояли на танцах:
— А ну, мол, их,
этих девчат!

Но снились, но снились мальчишкам девчонки.
И, страх непонятный тая,
Однажды под ручку со школьницей тонкой
Прошелся по городу я.

На это неделю решался —
не скрою!

Я думал,
что город о нас
Судачит.
И только под силу герою
Пройти так под тысячей глаз.

А нынче с укором смотрю я на стены.
Их пачкает рыжий сосед.
Поймать бы его!
Да соседская Лена
Глядит ему ласково вслед.

АСТРАХАНЬ — родина Ульяновых. Здесь в прошлом веке жил дед Ильича, родился и провел детские и юношеские годы его отец.

В Астраханском архиве недавно обнаружены интересные документы, из которых стало известно, что дед Ленина Николай Васильевич Ульянов — выходец из крепостных крестьян Нижегородской губернии — появился в Астраханской губернии в 90-х годах XVIII века.

В 1808 году в Астрахань по указу казенной палаты переводят 42-летнего Николая Васильевича Ульянова из крестьян Новопавловского селения Астраханской губернии.

Ревизская сказка (Перепись жителей Астрахани) 1811 года, обнаруженная в архиве, приводит следующие данные:

«Николай Васильевич Ульянов поступил по указу Астраханской казенной палаты Новопавловского селения из крестьян в 1808 году». Староста сообщает следующие приметы Н. В. Ульянова: «ростом 2-х аршин 5 вершков, волосы на голове, усы и борода светлорусые, лицом бел, чист, глаза карие».

Занимаясь портняжным делом, Николай Васильевич состоял в списках астраханского портновского и красильного цеха. Ульянов (или Ульянин, или Ульянинов, как первоначально называл себя дед

В. И. Ленина) в рассрочку у лафетного подмастерья Федора Федоровича Липаева купил дом. В переписи жителей Астрахани за 1835 год мы читаем, что Ульянов «имеет в Астрахани дом, состоящий в 1 части 1 квартала под № 227, доставшийся ему по покупке от артиллерийской команды лафетного подмастерья Федора Федоровича Липаева, на который дом купчей крепости еще не совершено и никаких документов не имеет, кроме платежных квитанций, цену коему объявил 260 рублей».

Находился дом на Косе — песчаной отмели, намытой между Кремлевской стеной и Волгой. Заселял Косу бедняцкий люд: отставные солдаты, амбалы — грузчики, бездомные, ютившиеся в каморках и ночлежках. Здесь и жил мещанин Николай Васильевич, его жена Анна Алексеевна, урожденная Смирнова, и их четверо детей: Василий, Марья, Федосья и Илья, который родился в 1831 году.

Среди вновь обнаруженных документов о семье Ульяновых привлекают внимание «Списки мужчин г. Астрахани для предстоящего рекрутского набора 1837 г.», в которых мы находим фамилию Ульяновых, самого Николая Васильевича и детей его — Василия и Илью. В графе о вероисповедании записано, что Ульяновы «коренного российского происхождения».

Семья деда Владимира Ильича занимала первый полуподвальный этаж, второй сдавали внаем. Жили небогато. Из детских воспоминаний Ильи Ульянова известен такой случай. Его, совсем еще маленького, послали купить чаю на пятак. Было грязно, мальчик упал и вывалял покупку. Долго потом стоял за дверью дома, боялся войти: строг был старик отец и каждой копейке вел счет.

В Астраханском государственном архиве хранится на- столный регистр ремесленной управы, в котором записано, что 5 июня 1836 года «престарелому и в болезни находящемуся портному мастеру астраханскому мещанину Николаю

ПОДАТНОГО СОСЛОВИЯ

Васильевичу Ульянову» выдано «сто рублей биржевым курсом, каковая сумма получена от портного цеха из ремесленной казны. Оные деньги сто рублей биржевым курсом получила означенного мастера Ульянинова жена Анна Алексеевна, а вместо нее неграмотной по приказанию ее сын родной Василий Николаевич Ульянов расписался». Этот документ красноречиво свидетельствует, что, несмотря на десятки лет напряженного труда, дед Ленина и в старости находился в большой нужде.

Николай Васильевич Ульянов умер семидесяти лет, оставив вдову с четырьмя детьми без всяких средств к существованию. Старшему сыну было семнадцать лет, младшему Илюше — пять.

Главой в доме становится Василий Николаевич. Сам он семьи не имел и всю жизнь заботился о матери, сестрах, младшем брате. Служил Василий объездчиком на соляных промыслах, затем приказчиком. Позднее Илья Николаевич с благодарностью вспоминал брата и детям своим о нем рассказывал:

«...Только благодаря помощи старшего брата, отдавшего последние гроши на его образование, благодаря необычной талантливости и упорному труду удалось Илье Николаевичу «выйти в люди», кончить гимназию и Казанский университет в 1854 году», — писала Надежда Константиновна Крупская. (Н. К. Крупская. Соч., т. 6, стр. 406—407, М., Изд. АПН РСФСР, 1959).

Несмотря на болезни, нужду, необходимость тратить время и силы на частные уроки, Илья Ульянов шел впереди всех. Как бедному и отлично успевающему ученику, ему выдавались денежные пособия по 25 рублей в 1848 и в 1849 годах.

Учителя в гимназии были разные. Иван Федорович Павлинов — член духовной консистории, директор тюремного комитета, считался образцовым законоучителем и получал мно-

гочисленные награды от Министерства народного просвещения. Но во время уроков закона божьего прибегал к рукоприкладству.

Любовью гимназистов пользовался старший учитель русской словесности и логики Александр Васильевич Тимофеев, он научил Илью Ульянова понимать и любить родной язык и литературу, произведения великих русских писателей, свободно излагать свои мысли в письменной форме. В Казанский учебный округ были посланы как образцовые два сочинения Ульянова: «О сатирическом направлении в русской литературе» и «Объяснение некоторых синонимов». На первом из них написано: «Заслуживает одобрения», на втором: «Полезное сочинение». Любовь к своему наставнику Илья Николаевич пронес через всю жизнь. Позднее он учительствовал с А. В. Тимофеевым в Пензе и Нижнем Новгороде, а затем был связан с ним по службе как с инспектором Казанского учебного округа.

Особый интерес проявлял гимназист Ульянов к математическим наукам. Их преподавал Николай Михайлович Степанов — ученик знаменитого Н. И. Лобачевского. Позднее он учил в Симбирской гимназии Сашу и Володю Ульяновых.

В 1850 году Илья Ульянов окончил гимназию с серебряной медалью. Это была первая медаль за полувековую историю этого учебного заведения. В свидетельстве говорилось:

«Предъявитель сего Илья Николаев, сын Ульянов, сын астраханского мещанина, имеющий ныне от роду восемнадцать лет, обучался в Астраханской гимназии с 7-го сентября 1843 года по 10-е июня 1850 года, во время учения своего был поведением отличным и в преподаваемых предметах оказал успехи:

В законе божьем, священной и церковной истории отличные, русской грамматике и словесности — отличные,

математике — отличные, физике — отличные, истории — хорошие, географии — хорошие, законоведении — отличные, в языках: французском — отличные, немецком — хорошие, в рисовании, черчении и чистописании — отличные».

И тут же отмечалось, что Ульянову, «происходящему из податного сословия, не предоставляется никаких прав для вступления в гражданскую службу». А в «Алфавитном списке к очередному рекрутскому списку мещан города Астрахани за 1854 год», хранящемся в областном государственном архиве, мы читаем: «Василия Ульянова брат Илья уволен обществом в 1850 г. в императорский Казанский университет для обучения наук, где и теперь находится».

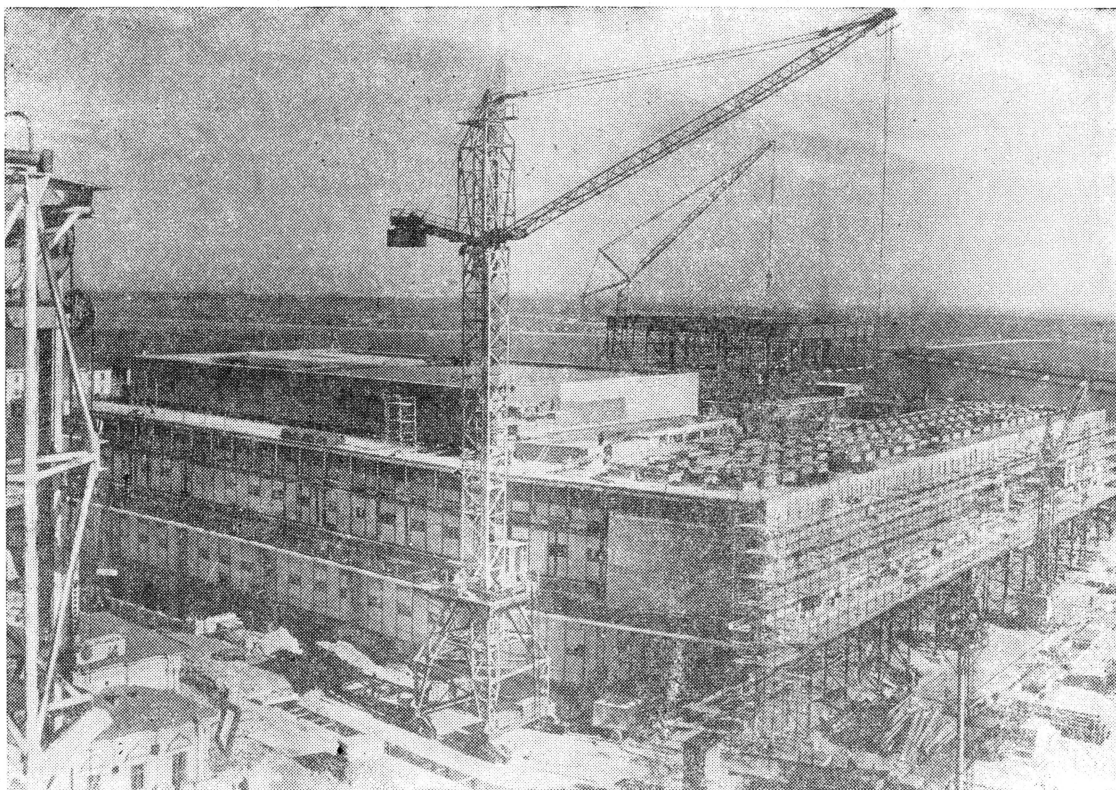
Ходатайство директора Астраханской гимназии А. П. Аристова о предоставлении стипендии Ульянову, даровитому и бедному юноше, в Казани отклонили, так как стипендии, говорилось в решении, имеют целью «облегчить лишь чиновникам способы к воспитанию детей».

Скромных средств, получаемых от старшего брата, не хватало, и студент Илья Ульянов вынужден был давать частные уроки.

После окончания университета И. Н. Ульянов преподавал математику в Пензе, в Нижнем Новгороде, затем в школах Симбирской губернии. В Симбирске, в семье Ульяновых, когда Илья Николаевич был инспектором народных училищ, в 1870 году родился сын Володя.

В Астрахани сохранился дом, в котором жили Ульяновы. Сейчас в нем начаты реставрационные работы. В 1970 году, к столетию со дня рождения В. И. Ленина, в городе открывается дом-музей Ульяновых.

Е. ШНАЙДШТЕЙН

ПОДАРОК УЛЬЯНОВСКУ

На высоком волжском берегу, в центре Ульяновска поднимается Ленинский мемориальный центр. Его строит вся страна: кирпич идет из Башкирии и Чувашии, облицовочный камень — с Урала и Закавказья, стеновые панели, плиты перекрытий — из Калининграда и Иванова.

Недавно в Ульяновск привезли особый кирпич. На нем выгравированы Уральские горы с живописными озерами, стройными соснами и елями. Это подарок отряда «Орленок» профессионально-технического училища № 38 города Миасса Челябинской области. Следопыты отряда побывали во многих уголках Советского Союза, а в январе отправились в Ульяновск. Здесь они познакомились с памятными местами города, были гостями в доме-музее В. И. Ленина, в Ульяновской средней ордена Ленина школе № 1, где учился Володя Ульянов, у памятника и на могиле отца Ильича. Затем ребята несколько часов отработали на Всесоюзной ударной стройке — мемориальном центре.

Дому-музею В. И. Ленина уральские следопыты подарили образцы минералов, а краеведам школы № 1 — другу горного хрусталя из Ильменского государственного заповедника.

Интересный подарок дому-музею В. И. Ленина сделали члены следопытского кружка школы № 27 города Златоуста. Они привезли фотокопию формулярного списка медика-хирурга Александра Дмитриевича Бланка, отца Марии Александровны. В романе-хронике «Семья Ульяновых» Мариэтта Шагинян пишет: «В начале сороковых годов Александр Дмитриевич подался на горнозаводской Урал. Раннее свое детство Аннушка и Машенька провели в Перми и Златоусте. Златоуст с постоянным дождиком и яркой густой зеленью обступивших его гор, Златоуст с его рабочими и знаменитой Оружейной фабрикой, со строгой военной обстановкой в госпиталях, где Александр Дмитриевич был военным инспектором, хорошо запомнился девочкам».

Думается, что в архивах Перми, Златоуста, в частных коллекциях, старых семейных альбомах сохранились материалы, фотографии, рассказывающие о пребывании на Урале дедушки Ленина, образованного, энергичного человека. Слово за следопытами Урала.

А. ГЛАЗКОВ

ГДЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ- ОДНОПОЛЧАНЕ?

Дорогие товарищи! В журнале «Уральский следопыт» № 11 за 1967 год я прочитал очерк «Легенда о танкистах», в котором описывается героический подвиг бойцов и офицеров 25-го танкового корпуса в феврале 1943 года. Я тоже служил в составе этого корпуса: в 16-й мотострелковой бригаде командовал пулеметным взводом.

В 25-й танковый корпус мы, группа командиров-комсомольцев, прибыли в сентябре 1942 года. Вместе со мной в одной бригаде находились мои товарищи — Виктор Башкиров, Иван Воловников, Юрий Котельников.

Иван Воловников работал слесарем ремонтно-механического цеха, а я электриком цеха прутковых автоматов Куйбышевского подшипникового завода, на который мы прибыли из Москвы в ноябре 1941 года. Через четыре месяца вместе ушли в армию. Виктор Башкиров — шофер из Кузнецка Пензенской области.

С тех времен у меня сохранился самый дорогой для меня документ — комсомольский билет, фотокопию которого я посылаю. На второй странице написано: «Мы поклялись, что будем биться с проклятыми фашистами до полной победы. Сентябрь 1942 года».

Эту клятву дали Родине, партии, Ленинскому комсомолу друзья из 16-й мотострелковой бригады 25-го танкового корпуса в фронтовой землянке на комсомольском собрании перед боевыми действиями на Среднем Доне.

С комсомольским билетом № 0314866 я про-

шел тяжелый путь по опаленным дорогам войны в 1942—1943 годах в составе войск Юго-Западного фронта и воевал с фашистскими захватчиками на Среднем Доне, а затем в Донбассе. Ни холод, ни голод, ни многократные ранения — ничто не могло сломить нашего духа и неукротимого желания победить врага.

Вспоминается одна переправа через Дон. Это событие имеет прямое отношение к 25-му танковому корпусу, и я думаю, что не будет большой ошибкой считать его началом «Легенды о танкистах», так как именно отсюда, со Среднего Дона, корпус вышел в боевой поход.

В первой половине декабря 1942 года все мы, солдаты и командиры 16-й мотострелковой бригады, чувствовали, что со дня на день начнется наступление наших войск на Среднем Доне. По ночам все ближе и ближе к реке подтягивались танковые, пехотные, артиллерийские войска. В ночь на четырнадцатое или пятнадцатое декабря нашей пулеметной роте был дан приказ — форсировать Дон в районе Верхнего Мамона. Под ураганным артиллерийским и минометным огнем противника, по льду с многочисленными воронками, при двадцатиградусном морозе, по колено в ледяной воде мы успешно преодолели ружь и закрепились в балках, оврагах и высотах на другом берегу Дона. Примерно в 500—800 метрах от нас по наведенной переправе форсировали реку танкисты.

Рано утром мощный шквал артиллерийского, минометного, пулеметного и ружейного огня был обрушен на передовые позиции фашистской обороны, а завершили удар залпы «Катюш». Затем десятки танков, тысячи советских воинов — артиллеристы, пехотинцы, минометчики — устремились вперед. Остановить движение наших войск враг уже не смог.

Вместе с коммунистами комсомольцы были в первых рядах защитников Родины. Они сдержали клятву, данную во фронтовой землянке на комсомольском собрании.

К сожалению, я ничего не знаю о судьбе своих товарищей. Где вы, друзья-однополчане, Иван Воловников, Виктор Башкиров, Юрий Котельников?

Ложный след?

Денисов помнил Нида очаровательным курортным городком — двухэтажные дома с садами, замысловатой архитектуры коттеджи, всего одна большая улица, повторяющаяся извивы берега. На холме, нависающем над заливом, главная достопримечательность городка — деревянный домик Томаса Манна. Писатель жил тут давно, еще в двадцатые годы. Затем в домике помещалась гостиница. Но жители Нида иначе его и не называли: «Дом нашего Томаса Манна».

Нида похорошела. Универмаг, столовая, почта, ресторан, автостанция — все это были новые постройки. Денисов с удовлетворением отметил, что они не нарушили ансамбль городка. Новые здания гармонировали с высокими лесистыми дюнами, со старыми строениями, словно так и задумано было издавна.

На автостанции Денисов не застал ни автослесаря, ни Марии. Ему указали где живет диспетчер.

Мария была дома, перешивала, укорачивала старое нарядное платье. Она повторила то, что уже говорила лейтенанту. Денисов убедился — большего от нее не добиться: Мария и вправду не присматривалась к пассажирам. Он спросил тогда, где найти автослесаря. Оказалось, что тот живет неподалеку.

Денисов направился к Владасу.

Владас рассказал о двух запомнившихся ему пассажирах, уехавших в Клайпеду. Денисов спросил об Элене Райбужас.

— О, Элене! — воскликнул Владас. — Это очень интересно... такая женщина, да? Мужа убили немцы, очень нехорошо убили, пытали, потом это... виселица, так? Потом она опять жениться, второго мужа тоже...

— Фашисты?

— Нет, наши кулаки. То есть да, фашисты, только свои... После войны.

— Здесь, в Ниде?

— Что вы, нет! Около Каунас. Элене сюда с двумя девочки. В колхоз, да? И живет здесь...

Элене Райбужас встретила гостей приветливо. Ей было около сорока, но, стройная и быстрая, она казалась моложе. Она и сейчас была красива.

Райбужас насторожилась, когда узнала, чего от нее хотят. По-русски она говорила хорошо.

— Я не сыщик и сыщикам не помогаю!

— Даже если сыщики разыскивают того, кто причинил вред вам самой? — Денисов говорил мягко и настойчиво. — Мы слышали, как подло поступили с вашим мужем. Неужели вы не могли разоблачить его убийц?

Она ответила быстро и нервно:

— То были враги. Бешеные собаки! Бешеных собак надо убивать. И я не уехала сюда, пока всех убийц мужа не захватили.

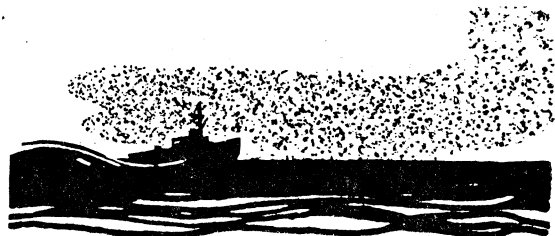
— Мы тоже разыскиваем врагов, а не друзей.

— Это люди хорошие.

— Помогите нам установить — и мы скажем вам спасибо.

Она начала рассказывать, но без охоты. Да, вчера она ездила в Зеленоградск, чтобы продать овощей. А если хочешь поспеть к утреннему базару, надо вставать ночью. Она вышла до рассвета, шел дождь. Мешок был тяжелый, она остановилась отдохнуть. Двое незнакомых мужчин вышли из леса и заспешили к ней, она чуть не закричала — так ее напугали. Но высокий понес ее мешок, а другой, пониже, взял ее под руку, чтоб она в тумане не споткнулась, расспрашивал, кто она, сказал о себе, что живет в Калининграде с женой Полиной и дочкой Катей, сюда приехал порыбачить, но туман ему не нравится, и он с приятелем уезжает обратно. Он сказал, что его восхищает Нида, он обязательно приедет сюда зимой походить на лыжах в дюнах. Она назвала ему свой адрес, он обещал через недельку написать. Они ехали в авто-

С. СЕГОВ В. ЧЕРНОСВИТОВ

ПОГОНЯ

Приключенческая повесть

бусе до Зеленоградска, там отнесли ее мешок на базар, а сами ушли на вокзал.

— Фамилии их вы не спрашивали?

— Зачем? Не я поеду к ним, а они ко мне. Мою фамилию записали.

— Вы не можете описать внешность своих попутчиков?

Она повторила, что один выше, другой пониже. Родинку на щеке у того, кто пониже, она не заметила. Он широкоплеч, средних лет, волосы русые, глаза серые, очень добрые и смелые, — настоящий мужчина. Высокий — юноша, почти мальчик. Он сперва тоже разговаривал, потом замолчал и все время смотрел в окно автобуса. По дороге их останавливал патруль, проверял документы — все было в порядке.

Денисов обменялся взглядом с лейтенантом.

— Патруль сообщил, — сказал Денисов Элене, — что в вашем автобусе не было ни одного жителя Калининграда, все по документам — из Нида. Значит, или ваш попутчик обманул вас, или документы у него фальшивые.

Лицо женщины снова стало замкнутым.

— Верно, в Ниде я их раньше не видела, но верю, что он сказал правду.

— Но как же тогда с паспортом, прописанным в Ниде?

— Я его паспорт не смотрела.

— У меня к вам просьба, товарищ Райбужас, — сказал Денисов после некоторого молчания. — Вы сможете опознать ваших сегодняшних попутчиков, когда мы их задержим?

— Не собираюсь. — Голос женщины прозвучал враждебно.

— Почему?

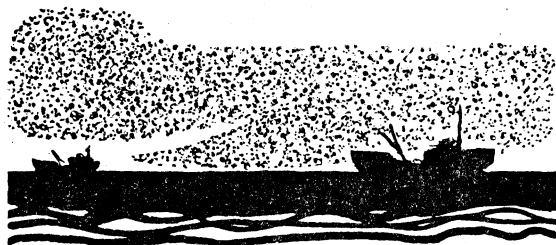
— Они хорошие люди...

На улице Денисов тяжело вздохнул.

— Характерец, — сочувственно произнес лейтенант. — Во что поверила, в том, хоть кол на голове теши, не разубедить.

— Во всяком случае, теория Толбузина о двух влюбленных парах терпит крах. Незнакомцы повстречали Райбужас после того, как

Рисунки Ю. Ефимова

В ТУМАНЕ

бросили автомашину. И никаких других женщин мы пока не обнаружили.

— Но женщина в ней сидела, об этом свидетельствует окурочек.

— Вы не допускаете, что окурочек подбросили нарочно, чтобы навести нас на ложный след?

Два подполковника

В Калининград Денисов возвратился поздно. В гостинице Дома офицеров ему отвели номер. Собственно, комната была на двоих, но администратор обещал больше никого не поселять.

Перед сном Денисов занес в блокнот события дня и некоторые мысли. Утром, в отведенном ему кабинете, он хотел вернуться к записям, но помешали звонки: эксперты сообщали о следах пальцев, обнаруженных в автомашине, на бутылках водки и на консервных коробках, о размерах ботинок, оставивших отпечатки на контрольной полосе. Все это было важно для

следствия, но отсутствовало самое главное — нити, которые привели бы к нарушителям.

В середине дня, после обеда, выпал свободный часок. Денисов вынул блокнот. Он смотрел на записи и удивлялся. Одно противоречие наплаивалось на другое. Денисов недоумевал и раздражался: еще ни разу в своей многолетней работе он не сталкивался с таким необыкновенным случаем.

Он выдернул из блокнота лист, написал на нем: «Главные вопросы», подумал и крупными буквами вывел: «1. Дерзость».

Откинувшись на стуле, он барабанил пальцами, рассеянно глядел в окно. Нет, в его жизни попадались и более дерзкие нарушения границы. Но то было во время войны. А сейчас... Даже в разгар холодной войны вражеские разведчики не осмеливались действовать с такой наглостью.

Денисов вспомнил Бандуренко — того тоже удивляет дерзость этой вылазки. Чужое судно не только камуфлируется под нашего рыбака, — это бы еще куда ни шло, — оно надевает маску реально существующего советского траулера с хорошо известным капитаном. Кто-то — один или несколько — высаживается на косе и не скрывается в лесу — правда, скрыться там трудно, — а лезет на турбазу, где всего опаснее, где обязательно запомнят. Нет, они почти не скрываются, те двое, — угощают Слесаренко, мирно беседуют с Тигуновым, покоряют своей услужливостью Элене Райбужас... А кража машины? Вот уж чего нельзя не заметить! Если бы лейтенант Петров и не обнаружил угона «Победы», утром это раскрыл бы Слесаренко или сам Толбузин. Открытая дерзость, вызывающая уверенность в каждом поступке, — почему?

Денисов снова взял карандаш. Теперь первая запись выглядела так:

«1. Дерзость. Преднамеренная».

Один вопрос тянул за собою другой. Шла цепная реакция вопросов: одна загадка порождала загадки новые, еще более темные, еще более сложные. Хорошо, преднамеренная дерзость. Но для чего? Конечно, нарушители не сомневались, что рано или поздно — и скорее рано, чем поздно, — их обнаружат. Дерзость и быстрота давали выигрыш во времени. Это так, но этого мало. Решительность действий, отважная демаскировка имеют и свои недостатки: они вызывают ответный прилив энергии, решительность и быстроту преследователей. Не учитывать этого нарушители не могли. Нет, они стремились не только к крохотному выигрышу во времени. Они преследовали цель покрупнее. И открытым появлением на турбазе и в Ниде они запутывали следы.

Денисов пододвинул листок. Первая строчка приобрела окончательный вид:

«1. Дерзость. Преднамеренная. Демаскировка как своеобразная форма маскировки».

Да, но что они скрывали? Какие следы запутывали? Им надо было сбить с толку преследователей — это несомненно. Они не сомневались, что пограничники изучат их следы. Лейтенант Петров именно так и сделал — проверил глубину следа на контрольной полосе и нашел, что нарушителей было двое. Следовательно, они заранее были уверены, что их маскировка «под одного» не удастся. И они построили расчет на том, что обнаружат именно двоих. Маскировались тем, что давали себя раскрыть. Это был

ход психологический. Лейтенант определил, что их было двое, — у него, естественно, душевное удовлетворение: ага, мерзавцы, хотели провести, да не на такого напали! В том-то и состоял их лукавый план, что преследователь раскроет элементарную хитрость, обрадуется, и на тонкую проницательность его уже не хватит.

И все следы, оставляемые ими впоследствии, должны были убедить преследователей: хитрости врага раскрыты полностью. Вы обнаружили, что нас не один, а двое? Nate, получайте всюду двоих: на турбазе у Слесаренко, под деревом с Тигуновым, в автобусе...

Отсюда вывод: нарушителей было не двое, а больше. Именно это они и маскировали.

Денисов записал на листке из блокнота:

«2. Нарушителей не двое, а больше — трое или четверо».

Кстати, об этом свидетельствует и грязь в автомашине. Как они ни были аккуратны, но ног своих убрать в карманы не смогли. Видимо, писатель прав — их было, всего вероятней, четверо. Да, две пары, но только без женщин, женщин искать не будем. Пробраться ночью по морскому дну в аквалангах — это пока занятие не для женщин... Двое высоких мужчин, двое пониже. Что до родинок, то и родинки — камуфляж. Их назначение — убедить преследователей, что нарушителей всего двое: оба низеньких нацепили по родинке, но неаккуратно, у одного она оказалась возле носа, у другого ближе к губе. Настоящего разведчика не пустят на операцию с такой очевидной приметой, как родинка на щеке. У разведчика неприметность — профессия. И если что-либо на его лице бросается в глаза каждому, то можно смело утверждать — липа!

На листке появилась новая запись:

«3. Двое отвлекают преследование на себя. Третий или третий и четвертый проводят в тиши запланированную операцию».

Что за операция и где ее проводят? Начнем со второй половины — где? Вероятнее всего — в Калининградской области.

Нарушители не спешили скрыться. По крайней мере, не спешила отвлекающая группа, — назовем ее пока так. Для чего? Опять-таки для того, чтобы дезориентировать пограничников. С одной стороны, повести по своим следам, а с другой, если те догадываются о существовании

основной группы, все их внимание нацелить на шоссе, железнодорожный вокзал, аэропорты. Создать видимость, что основная группа, сознательно жертвуя прикрывающей, пытается проникнуть внутрь страны.

Денисова не очень убедили эти свои размышления, однако интуиция, развитая опытом, подсказывала именно этот ход событий.

Четвертая строка на листке выглядела так:

«4. Группа разведчиков намерена действовать на территории Калининградской области».

Как действовать? Это зависит от того, что за операция. Просто разведка? Разведка с диверсией? Что разведывать? Против чего диверсия? Какой объект привлекает их внимание? Рыбачкий флот? Вряд ли. Ни для кого не секрет, сколько нами добывается в океане селедки и какого она качества. Старые промышленные предприятия? Сомнительно: не станут ради давно известных объектов затевать такую сложную операцию. Другие цели? В области одно новое строительство, не гигант, не что-либо уникальное, но все же спецобъект — стройка. Бандуренко и Марьямов правы: разведчики попытаются проникнуть туда. Но не менее вероятно, что их привлекает и другое — порт. Говорят тоже прав: нужно и об этом подумать. Они снабжены документами сверхсрочно служащих — не для того ли, чтобы проникнуть в порт?

Денисов вписал в листок:

«5. Усиленная охрана стройки. Основное внимание — порт».

Последний вопрос — как будут действовать разведчики? Если они разбились на две группы, отвлекающую и основную, то основная постарается некоторое время себя не проявлять. А отвлекающая будет действовать в местах, далеких от объекта, составляющего цель операции, и действовать будет с прежней дерзостью. Вести нас по горячему ложному следу, и непременно в сторону от основной цели.

На листке появилась последняя запись:

«6. Отвлекающая группа должна в самое ближайшее время появиться в границе обзора».

Денисов вложил листок в блокнот и подошел к окну. Сегодня туман был гуще, чем вчера, — противоположная сторона узкой улицы проглядывалась с трудом.

В дверь постучали.

В комнате появился человек в форме морского подполковника.

— Здравствуйте, Михаил Владимирович, — сказал моряк и протянул руку. — Не узнаете?

— Не узнаю, — Денисов показал на стул. — Садитесь.

Гость был средних лет, невысок, широкоплеч, с открытым приятным лицом. Он сидел спокойно, говорил неторопливо, но за нарочитой сдержанностью угадывались и решительность, и живость.

— Антон Пахомович Ромейко, прошу любить и жаловать. И теперь не припомните?

— И теперь не припоминаю, — сказал Денисов, почувствовав раздражение.

Гость засмеялся. Глаза его лукаво вспыхнули.

— Память у людей! Ладно, еще припомните. Я здесь не для того, чтобы ворошить далекие воспоминания.

Сдержанности моряку хватило ненадолго, он беспечно задвигался на стуле, энергичными жестами подкрепляя каждое слово.

— Простите, — нарочито сухо сказал Денисов, — я и сейчас не понимаю — чем могу служить?

— Не вы мне, а я вам буду служить. Ваш помощник по этому дохлому делу. Теперь понятно?

— По-прежнему — нет. Я не просил себе помощника.

Гость снова рассмеялся. Его словно бы радовало недоумение Денисова.

— Еще бы! Особенно помощника в том же звании... И без наших просьб начальство сообщает, кого к кому. — Он протянул свернутый вчетверо лист. — Примчался в Калининград из отдела капитана первого ранга Симоняна. Тут, сами знаете, имеется наше хозяйство...

Денисов читал документы Ромейко без энтузиазма. Развязный морской подполковник вряд ли удовлетворится ролью исполнительного помощника. Такой будет совать нос во все, изображая контролера.

Он молча возвратил Ромейко его документы. Тот сказал:

— Итак, все в порядке? Тогда можете наваливать на меня задания, которые самому не хочется... Естественно, по порту: он нас всего больше беспокоит.

Денисов собирался уже раскрыть свой блокнот и ввести неожиданно появившегося помощника в круг фактов и предположений, но его уязвило какое-то ерничество в тоне моряка. Оно могло быть терпимо в незначительном дружеском разговоре, но не сейчас...

Денисов помедлил и набрал номер Бандуренко. Начальник отряда откликнулся сразу.

— Виктор Михайлович, к нам приехал подполковник Ромейко. Да, ко мне в помощники. Ты в курсе дела? Ничего не знаешь? Проверь, пожалуйста... хорошо, подожду.

Он выразительно посмотрел на Ромейко.

— Понимаю и сочувствую, — насмешливо проговорил тот. — Здоровое недоверие в нашем ремесле — основа основ. Проверь и перепроверь. Ну, давай, давай!

— Не совсем, товарищ Ромейко. — Денисову хотелось вежливо показать моряку, что время переходить на «ты» не пришло. — Удостовериться, а не выказывать недоверие. Тут су-

щественная разница, товарищ подполковник.

Ромейко по-прежнему улыбался, но голос его стал серьезным.

— Что ж... Во всяком случае — поболтаем, пока... — он кивнул на телефон. — Итак, вы меня решительно не хотите вспомнить, Михаил Владимирович? Жаль. Пятнадцать лет назад вы теплее относились к лейтенанту Ромейко, шептуну Антону, как меня тогда называли на границе.

И только тут Денисов вспомнил юного моряка-лейтенанта, часто навещавшегося на заставу, где служил Денисов. Тот «шептун Антон» прослужил у них года два, а потом ушел на учебу, но память о нем долго сохранялась на границе. Антон был прирожденным моряком, он и отдыхать шел не на сушу, а опять-таки в море: на шлюпке.

С той далекой поры Ромейко неузнаваемо изменился. Плотный, уверенный в себе, он ничем не напоминал худенького, ершистого, мало дисциплинированного юнца.

Денисов вторично — и гораздо сердечней — пожал руку Ромейко.

— Рад повстречаться снова, Антон Пахомович!

Он нерешительно посмотрел на телефон. Ромейко засмеялся.

— Подождем, подождем. Проверка есть проверка.

Телефон зазвонил. Денисов взял трубку. Но это был Говоров, а не Бандуренко.

— В отделы кадров приходили наниматься многие, — сообщил Говоров. — Подозрителен пока только один. Просится на судоремонтный. Сам из Костромы, только что из армии, поговору — волгарь. Служил на Урале, сюда помянило, якобы, море. Военный билет и прочие документы в порядке.

Денисов посоветовал присмотреться внимательней.

Когда разговор закончился, Ромейко кивнул на трубку.

— Пинкертоны наши? Уже ухватили кого за шкирку?

— Примеряются, — сказал Денисов. — Сличают со словесным портретом.

Опять зазвонил телефон. На этот раз говорил Бандуренко: В морском управлении подтвердили, что подполковник Ромейко, выполняя спецзадание, получил командировку в Калининград.

Что ж, ничего не поделаешь...

— Приступим, Антон Пахомович! — Денисов достал блокнот. — Рассмотрим в деталях известные факты.

— Рассмотрим, рассмотрим! Це дило треба розжувати, как говорят у нас на Украине.

Денисов ничего не мог с собой поделать. Как только Ромейко начинал говорить, у Денисова возникала безотчетная неприязнь. И лексикон и поведение — все отдавало каким-то шутовством. Казалось, что Ромейко тут же, прямо в лицо, рассмеется, услышав первое же предложение Денисова.

И, наверное, поэтому Денисов прочитал из блокнота все известные факты, но листок, куда записал гипотезы, так и не извлек наружу.

Ромейко добродушно кивал.

— Понятно... Кое-что я уже знал, но не все. Этот Петров — молодец!.. Значит, двое? Что же, вполне вероятно... Замаскировались примитивно, хитрость не удалась. А вот куда с турбазы по-

дались? В Клайпеду или через Зеленоградск в Калининград?

— Наше предположение — в Калининград.

— Согласен. И попрут, всего вероятней, в порт. Иначе, зачем мне и сидеть здесь?

— Они здесь не потому, что мы с вами приехали, — возразил Денисов, пожимая плечами. — Охотимся-то мы, а не они. И придется охотиться там, куда они подадутся, а не где нам удобнее...

Покончили на том, что Ромейко сам поедет по местам, где появлялись нарушители.

Первая ласточка, но из той ли стаи?

Производственный причал Калининградского судоремонтного завода издали представляется хаотическим сплетением мачт, труб, нагромождением рулевых рубок, локаторных антенн и нависающих над всем этим черных, с крюками стрел башенных кранов.

Человек прошел через вахту на заводскую территорию, с любопытством осмотрелся и медленно двинулся к судам.

По мере того, как он приближался к причалу, впечатление неразберихи пропадало. Ремонтируемые суда аккуратно, в три ряда, борт к борту, стояли вдоль бетонного причала.

За тройной стеной траулеров и сейнеров тяжело плескалась Преголя, на ней, почти не видные в тумане, били винтами, гулко вскрикивали сигнальными сиренами буксирные и грузовые пароходы. Отступив от причала, вздымались светлые производственные корпуса, нарядное здание заводоуправления влажно сияло освещенными окнами — туманное утро не давало достаточно света.

Человек пошел к заводу, у одного из цехов вынул из бумажника направление отдела кадров. На листочке было написано: «Начальнику корпусного цеха. Направляется Василий Спиридонов на должность рабочего-клепальщика».

Человек стал подниматься по лестнице на второй этаж и столкнулся со сварщиком Тигуновым. Тот всмотрелся в него и радостно воскликнул:

— Привет, приятель! Работаешь тут или наниматься пришел?

Человек с направлением отдела кадров хмуро пробасил:

— Обознались.

— Ну как же?! — удивился Тигунов. — На кося встречались. Дружок твой еще был — Мартынов. А сам ты — Семенов. Или не так?

— Не так. Моя фамилия Спиридонов, — сказал человек. — Пойди проветришься с хмеля. — Он хладнокровно отстранил Тигунова с дороги и пошел дальше.

Тигунов, стоя на лестнице, подождал, пока Спиридонов не скрылся в коридоре цеховой конторы, и проворно сбежал вниз. Завернув за угол цеха, он позвал:

— Товарищ Петров!

Из цеховых ворот вышел лейтенант с сержантом и солдатом.

— Он! — закричал Тигунов. — Натуральней-

ший Семенов! Не признался, но только он. Спиридоновым назвался, гад! Скорее берите, а то удерет!

— Не удерет. Он наниматься пришел, а не удирать. — Лейтенант сделал знак пограничникам, чтобы те шли за ним. — Надеюсь, вы не спугнули его? Нужно было опознать, но не разговаривать с ним, товарищ Тигунов.

— Да, понимаешь... Неожиданно получилось — нос к носу.

— Другой выход из конторы есть?

— Есть. В цех.

Лейтенант направил ко второму выходу сержанта с солдатом, а сам с Тигуновым поднялся наверх.

Они обошли все помещения конторы: кабинеты начальника цеха, электрика и механика, заглянули в цеховой комитет, в бухгалтерию — Семенова нигде не было.

— Испугался и выскочил вслед за вами, — с досадой сказал лейтенант. — Ладно, далеко не уйдет. На вахте не выпустят.

Они пришли в цех. Сержант с солдатом тоже не видели Семенова. Лейтенант приказал пограничникам осмотреть помещения, примыкающие к корпусу справа, а сам с Тигуновым пошел осматривать пристройки слева. По дороге Тигунов попросил минутной отлучки. Лейтенант посмотрел на дощатую уборную, стоящую в стороне: дверки ее были открыты, там явно никого не было.

— Догоните потом! — сказал лейтенант сварщику и поспешил дальше.

Тигунов зашел в уборную и потянул дверь.

За дверью, прикрываясь ею, стоял Спиридонов. — Вот ты где! — сказал Тигунов и хотел выскочить, чтобы позвать лейтенанта, но Спиридонов ударил его и тут же выскользнул наружу.

Сварщику удалось опереться рукой о стену и не упасть. Покачиваясь на обмякших ногах, он вышел наружу. Впереди, расплываясь в тумане, уходил к набережной Спиридонов.

— Лейтенант! — отчаянно выкрикнул Тигунов. — Здесь он!

Из ворот цеха выскочили два пограничника, показался бегущий лейтенант.

Спиридонов услышал и крик Тигунова, и топот ног преследователей. Он, не оглядываясь, побежал к дальнему краю пристани, где невысокий забор отделял территорию завода от заросшего кустарником пустыря. До забора было метров триста.

Выскочив на пристань, Спиридонов увидел, что лейтенант уже успел отрезать ему путь к забору. Спиридонов метнулся обратно. Но там, перерезая путь на вахту и к заводским корпусам, бежали два пограничника. Спиридонов выругался. Оставалась одна лишь дорога — в мутные воды Преголи.

Он кинулся к причалу.

Но и здесь выхода к воде не было: суда стояли густо, все водное пространство меж ними опутано якорными цепями, тросами, заполнено плотиками маляров и шлюпками — ни нырнуть, ни поплыть.

Спиридонов вскочил по трапу на ближайшее судно — средний рыбацкий траулер. На нем вспыхивало пламя электросварки, били пневматические молотки и кувалды: несколько рабочих чинили палубу и устанавливали новую лебедку. Они оторопели, когда мимо них промчался ко второму траулеру Спиридонов. Там тоже побро-

сали работу. На мостик второго траулера выскочил капитан, удивленный внезапно наступившей тишиной, и рывкнул в мегафон:

— Боцман, что стряслось?

С обеих палуб закричали, показывая на Спиридонова, огромными прыжками мчавшегося в это время на крайний траулер. Капитан увидел и пограничников, бежавших к пристани. Закричал во всю мощь мегафона:

— Не пускать его к воде!

Второй траулер Спиридонову удалось проскочить благополучно. Он прыгнул на левый борт третьего. Всего несколько метров отделяли его от открытой, подернутой туманом реки.

Но матросы и рабочие на траулере услышали приказ капитана и бросились наперерез Спиридонову.

— Врешь, не уйдешь! — прорычал один из матросов, наваливаясь на беглеца, однако Спиридонов сразил его ударом кулака и рванулся к свободному борту.

Но там уже появился боцман с ломиком в руке и два матроса тащили сеть — в случае чего набросить ее на беглеца. Спиридонов сообразил это и, не останавливаясь, круто повернул от них, взлетел на ботдек. Кто-то с мостика проворно юркнул в рубку, захлопнул дверь. Спиридонов метнулся за трубу, схватился за поручни, но вниз не прыгнул: с палубы хлопнул предупредительный выстрел. Пограничники успели подбежать и были наготове, на корме сгрудились рыбаки.

— Слезайте живо! — скомандовал лейтенант. Он еще не мог отдышаться, и голос его охрип. Спиридонов, не торопясь, спустился, зло оглядел толпу.

— Двадцать на одного. Храбрецы!

— Сдать оружие! — приказал лейтенант.

Задержанный ухмыльнулся.

— Больше ничего? — Он присел на фальш-борт. — Дайте лучше покурить, братцы, раз такое дело.

Сержант быстро обыскал Спиридонова. Оружия у него не было.

Поднявший тревогу капитан отвел Петрова в сторону.

— Важная птица, лейтенант?

— Залетная, во всяком случае.

— Возьмите моих матросов. Смотрите, какой здоровяк! Запросто трех уложит.

— Не беспокойтесь, — возразил лейтенант, но от дополнительного конвоя не отказался.

За вахтой, в переулочке, пограничников поджидала машина. Лейтенант приказал Спиридонову лезть внутрь. Толпа, сопровождавшая пограничников до вахты, понемногу рассеялась.

Денисов приехал к арестованному часа через три после того, как его водворили в камеру. Следователь сообщил, что задержанный ведет себя, в общем, смиренно, сидит на койке и бубнит под нос: «Как хотите стерегите, я и сам не убегу». С возмущением отрицает все обвинения и упорно называет себя Спиридоновым.

Тигунов снова опознал его, но добавил, что голос задержанного переменялся, литовского акцента не слышно. Из Ниды срочно вызвали Владаса Венчюрюса, автослесарь подтвердил, что Спиридонов — один из пассажиров, садившихся в утренний автобус. Послали и за Слесаренко, но заведующий турбазой уехал в город.

— Первая ласточка, — задумчиво сказал Денисов. — Вопрос — из той ли стаи?

— Если из той, то не ласточка, а твердый орешек, — заметил следователь и с сомнением добавил: — Маловато данных. Пока доказана только драка с Тигуновым.

Денисов прошел в камеру. Арестованный был человек рослый, молодой, он глядел спокойно, но невесело. Денисов посмотрел на его

обувь: размер ботинка — сорок пятый, не меньше.

— На Курской косе — вы были Семенов, в отделе кадров — назвались Спиридоновым, — начал Денисов. — А ваша настоящая фамилия?

— Не понимаю, о чем вы, товарищ подполковник...

— По-вашему, мы товарищи?

— Хорошо, гражданин подполковник. — Арестованный говорил с акцентом прирожденного северного волгара. — Так вот, никакой косы не знаю, почему задержали — не понимаю. Этот ваш гаврик: «Видел его, видел, точно, он, литовец!» Это я-то литовец! Смех же...

— А почему ударились в бег при виде Тигунова?

— А вы разберитесь раньше, а потом сажайте, нельзя так, гражданин подполковник! Нахалом руки за спину выворачивают, пальцы печатают, с ботинка след определяют... Это порядок?

— Вы не ответили на мой вопрос, Семенов!

— Спиридонов. Да что отвечать? Дело же ясное: схватило живот, пошел куда надо. А тут этот парень лезет! Я его по-хорошему легонько толкнул, а на меня отовсюду! И перспектива такая — приехал в новый город наниматься, а взамен работы оформляют по хулиганке. Я тогда деру, а они за мной...

— Легонько толкнул?! Человек еле устоял.

— Квельый! Есть такие, гражданин подполковник. В армии у нас был один — правофланговый к тому же... Так его пальчиком щелкнешь по щеке, а у него целый час кровь из носу хлещет!

— Скажите, а здесь в уборную не просились?

— Перехотелось.

Арестованный говорил рассудительно, с горькой усмешкой. Чувствуя, что не может обосновать свои подозрения, Денисов стал сердиться:

— Бросьте паясничать, Семенов! Вы не с подростками имеете дело.

На лице арестованного появилась злая насмешка.

— Слыхали эту песенку, гражданин подполковник! Обвинение обвиняемого есть дело рук самого обвиняемого. — И он процитировал, шутовски изменив голос: — «Запирательства бесполезны, Швейк. Следствию известно о вас абсолютно все. Вам остается показать пустяки — где, когда, с кем и что именно у вас было. А также — по чьему заданию вы делали то, что вы делали».

— А вы актер, Семенов, — проговорил Денисов, не отрывая пристального взгляда от арестованного. — Не пробовали себя в театре?

— Нет, годы пока небольшие. И снова поправлю — Спиридонов я, а не Семенов. Василий Иванович, сын хороших родителей, правда, умерли оба. Место рождения — Кострома, год 1944-й, образование — среднее пока. Не женат. Дурными болезнями не болел. Все это я полностью доложил следователю, можете полюбопытствовать.

— Уже полюбопытствовал. Вы когда приехали в Калининград?

— Позавчера.

— Откуда?

— Из Свердловска. После демобилизации.

— Поезд?

— Двадцать девятый.

— Вагон?

В ответе на этот единственный вопрос Денисову почувствовалось колебание. Оно длилось мгновение, только натренированное ухо Денисова могло различить его.

— Одиннадцатый.

— Купейный?

— Не по карману.

В камеру вошел следователь и сделал знак Денисову. Денисов вышел в коридор.

● — Приехал Слесаренко, — сообщил следователь. — Устроим опознание по форме?

— Зовите его сюда.

Слесаренко, войдя в камеру, устался на Спиридонова с испугом, потом растерянно обернулся к следователю и Денисову. Арестованный с мрачной усмешкой внимательно следил за Слесаренко.

— Вроде похож... — беспомощно начал Слесаренко. — А вроде и...

— ...не тот, — сердито закончил арестованный. — Формула испытанная: парень вроде Володи, да похож на Кузьму. Так кто же я — Володя или Кузьма? Говори точно, олух!

— Не знаю, — сказал Слесаренко и обиделся: — Почему олух? Я же чего не видел, того не говорю.

Уже в коридоре он, волнуясь, объяснил Денисову и следователю, что ночной гость чем-то и вправду схож с арестованным, но оговаривать невинного он не хочет — скорее другой прихотился на турбазу, не этот...

— Новые данные от экспертов, — сказал следователь Денисову, когда они пошли в его кабинет. — Посмотрите сами?

Эксперты сообщали, что след на контрольно-следовой полосе вполне мог быть оставлен огромной ногой арестованного. Зато отпечатки пальцев руки не совпадали с найденными на посуде и консервных банках со стола Слесаренко. Заведующий турбазой был прав: арестованный у него в доме не был.

Денисов понимал, что Семенов при желании справился бы со всеми рыбаками на траулере и вполне успел бы скрыться в тумане реки. Но Семенов, очевидно, не хотел этого. А, может быть, струсил! Показалось, что проще сдаться пограничникам, чем подставлять голову посланной вдогонку пуле?

Денисов представил себя на месте агента. Провал задания, многолетнее заключение — с одной стороны, а с другой — выстрелы вслеп, вслепую, в тумане. Да как тут можно колебаться? Что тут выбирать? Шансы слишком неравны. Прыжок в воду, а там будь, что будет, — вот как действовал бы сам Денисов в подобном случае! Считать же врага трусливее себя у него не было никаких оснований.

А если Семенов не врет? И он не Семенов, а Спиридонов? Тогда его действия естественны! Нахулиганил — и удрал от наказания. На него бросились, в ярости отшвырнул напавшего. А вот угодить под ломик боцмана, кинуться в воду, под пули, нет, лучше уж сесть в тюрьму на две недели, даже на несколько месяцев, чем рисковать жизнью. Тут логичнее поступить так, как поступил Спиридонов: поднять руки и попросить закурить!

Но тогда поиск идет по ложному следу...

Третий день к концу — и никаких ощутимых результатов!

«Ерепень» и «дырбулцил»

К ночи вернулся Ромейко и застал у Денисова Бандуренко и Марьямова. Денисов вопросительно посмотрел на своего помощника. Тот тяжело плюхнулся на диван.

— Устал!.. Где только не был — и на косе, и на погранзаставе, и в порту! Многих знакомых повидал...

Денисов поинтересовался, заезжал ли Ромейко на турбазу в Ниду. Нет, не заезжал, со Слесаренко, Тигуновым, Владасом и Райбужас не виделся. Ромейко не намерен терять на них время: нового ничего не скажут, к тому же работа следователя — не его призвание. Его специальное задание — охрана порта, этим он и собирается заниматься.

Денисов пожал плечами, но промолчал: сам он поступил бы по-другому. Что-то от «шебутного Антона», не любившего кропотливую кабинетную работу, еще оставалось в этом Ромейко. — А у вас тут что нового? — спросил Ромейко.

— Две новости, — сказал Денисов и подробно рассказал Ромейко историю со Спиридоновым.

— Вторая новость — ерепень.

— Что, что? Ерепень? Какая ерепень?

— Ерепень, — повторил Денисов. — Обыкновенная ерепень.

Он протянул Ромейко расшифровку перехваченной радиogramмы. Передача сводилась к четырежды повторенному слову «ерепень». Ромейко недоуменно посмотрел на пограничников.

— А что это такое — обыкновенная ерепень? И чем она отличается от необыкновенной?

— А вот этого никто не знает, — ответил Денисов. — Сидим и думаем.

— Код, — со вздохом сказал Марьямов.

Ромейко заволновался.

— Надо раскодировать! Возможно, здесь сообщение о готовящейся диверсии. Мое мнение — основные силы группы нацелить на поиски радиста! Только он может раскрыть свою «ерепень»... А этот Спиридонов — не морячок?

— На руке у Спиридонова обнаружен вытатуированный якорек.

Ромейко с торжеством хлопнул ладонью по столу.

— Моя версия подтверждается: готовится операция против порта! Не будут же посылать моряка на сухопутное дело.

— Еще не доказано, что Спиридонов — разведчик, — возразил Денисов. — Он продолжает настаивать, что кроме удара, нанесенного Тигунову, ни в чем не повинен.

— Не виновен! — Ромейко презрительно фыркнул. — Будете ждать, пока ему не надоест запираяться?

— Не ерепенься сам, — остановил его Бандуренко. — Изложи толком, чего хочешь.

Ромейко повторил, что операция врага направлена исключительно против порта. Установлено: разведчиков — двое. Один и в тюрьме продолжает путать след. Другой, радист, еще на воле и в любую минуту способен совершить какую-нибудь пакость. Для собственного удовольствия никто не станет заполнять эфир «ерепенями». Нужно опергруппу полностью сосредото-

точить на этих двоих: пойманном Семенове и непойманном радисте. А не распылять силы, как сейчас.

Бандуренко вопросительно посмотрел на Денисова. Тот спокойно сказал:

— Не согласен с этим, Антон Пахомович. Давайте рассуждать логически.

— Только об этом и прошу! — вспыхнул Ромейко. — Но как раз логики и не нахожу в наших действиях!

— Сейчас найдете... Вы исходите из трех посылок: разведчиков двое, они готовят операцию против порта, одного мы поймали. Но ни одна из этих посылок не доказана! Разведчиков может быть и больше двух. Операция может быть направлена и не против порта. И, наконец, задержанный, возможно, все-таки Спиридонов, а не Семенов.

— У вас появились данные, что разведчиков больше двух?

— Новых данных нет. Просто не хочу исключать такой возможности.

— Абстрактных возможностей — тысячи. — Ромейко покраснел от раздражения. — Исследовать их все разом — это и есть распылять силы. Вы сами признаете, что нет данных... У меня огромное преимущество перед вами!

— Какое?

— Горячий след! Я направляю поиск по реальному горячему следу, а вам не за что уцепиться!

Бандуренко счел нужным вмешаться в спор двух подполковников. Он сказал примирительно:

— Как не за что уцепиться? Очень за многое можно уцепиться. Есть, есть зацепки.

— Вот как — зацепки есть?! — почти закричал вспыхливый моряк. — А какие, позвольте поинтересоваться? Не те ли, что один разведчик — высокий, говорит с литовским акцентом, а другой — среднего роста, широкоплеч, сероглаз, родинка на щеке? Эти, так? А вы посмотрите на нас с подполковником Денисовым! Мы же идеально подходим под вашу «твердую зацепку», просто идеально! Денисов высок, худ, нога, правда, маленькая, ничего, можно надеть сапог покрупнее... А литовский акцент — пустяк, за два урока освоит. А я чем не второй? Широкоплеч, сероглаз, роста самого среднего, возраста самого подходящего, родинки вот не хватает — налеплю, не сомневайтесь!

Бандуренко с Марьямовым засмеялись. Денисов сказал, улыбаясь:

— Акцент, конечно, не проблема. И родинку можно налепить. Но розыск пока будем вести по старому плану.

Ромейко больше не спорил. Но по угрюмому лицу было видно, как возмущает его поведение Денисова.

Шел третий час ночи, когда Денисов вернулся в гостиницу. Он надеялся, что скоро будут новые сведения. Но ночь прошла без телефонных звонков, позавтракал тоже без помех. Когда Денисов приехал в погранотряд, Ромейко сидел уже за своим столом.

— Новость пока одна, притом отвратительная — нет никаких новостей, — объявил он.

Ромейко был сдержан.

— Четвертый день пошел, а толку пока немного, — констатировал он.

— Если разведчиков только два и одного мы взяли, то сделана ровно половина дела, — сдержанно возразил Денисов.

33

Ромейко удивленно посмотрел на него. Слова Денисова можно было понять и так, что, поразмыслив, он готов согласиться с мнением помощника.

Зазвонил телефон. Денисов взял трубку.

— Солист снова начал концерт, — доложили ему. — Наша машина заедет за вами.

— Помчались! — сказал Денисов Ромейко. Крытая зеленая машина подошла к подъезду. Шофер только замедлил скорость, оба подполковника вскопили на ходу. В фургоне лейтенант в очках, склонясь над столиком-планшетом, вычерчивал на карте линии пеленгов. Он ткнул карандашом в точку, где пересеклись линии, и удивленно сказал:

— Отсюда шла передача. Не побоялся, в самом центре города.

— Успеем? — спросил Денисов.

— Недалеко. Должны успеть.

Машина остановилась у пятиэтажного краснокирпичного здания. Денисов и Ромейко вскочили первые, за ними выбрался лейтенант. На здании висела вывеска: «Управление охраны общественного порядка».

— Шутите? — сухо спросил Денисов. — Куда вы привезли нас?

Лейтенант тоже озадаченно смотрел на вывеску. Но ответ его прозвучал твердо:

— Я-то еще могу шутить, но приборы... Передача шла из этого здания.

Денисов и Ромейко вошли внутрь. Денисов спросил у дежурного, в каких комнатах есть посторонние. Посетителей больше всего было у Говорова.

— Аркадий Степанович депутат республиканского Верховного Совета, товарищ подполковник, и сегодня у него приемный день. Остальные посетители по вызовам. Могу назвать фамилии, у меня записан каждый.

— Не надо фамилий...

В приемной Говорова сидело человек восемь. Денисов быстро глянул на них и подошел к секретарю.

— Кто у Аркадия Степановича?

— Посетительница. Она с ребенком.

— Нас интересует молодой мужчина среднего роста. Не было ли такого?

— Только что был. Сидел вон там...

Денисов понял, что искать радиста сейчас бесполезно. Сидя здесь, он незаметно, по портативной рации, спрятанной, может быть, в кармане пиджака, передал сообщение, вышел отсюда, прыгнул на любой трамвай — и был таков.

В дверях кабинета показалась женщина, она вела за руку малыша. Денисов, извинившись, что идет без очереди, — дело служебное, не терпит отлагательства, — вошел с Ромейко к Говорову. Тот крайне удивился, узнав, что привело сюда подполковников.

— Ах, мерзавец! Ах же, мерзавец! — повторял Говоров. — Нет, куда забрался!

— Ловкач! — воскликнул Ромейко.

— Не ловкач, а нахал, — поправил Денисов.

Обратно они с Ромейко шли пешком. Ромейко восхищенно качал головой: лихость покоряла его, даже если она была вражеская. Лучше, заявил он, иметь дело с врагом изобретательным, инициативным и смелым, чем с гнусью, которая трусливой тенью шныряет по подворотням. Денисов резко возразил. Он предпочел бы врага попроще и поглупее. Идет не игра, а борьба. И от исхода ее зависит благополучие и жизнь людей...

В погранотряде их ждало известие, что неведомый радист применил тот же шифр, но опять зашифровал цифрами кодированное сообщение. Денисов в недоумении смотрел на странное слово «дырбулшилл», отчетливо напечатанное на бланке.

Ромейко был озадачен.

— Что бы это значило? — проговорил он.

Денисов пожал плечами.

Ромейко некоторое время возбужденно шагал по кабинету, мешая Денисову сосредоточиться, а затем заявил, что едет в порт.

Непоседливый помощник ушел, и Денисов смог, наконец, спокойно подумать. Он вернулся к загадочному слову «дырбулцил». Где-то когда-то он уже слышал его. Но где и когда?

«Ерепень» и «дырбулцил»... Ну, хорошо, «ерепень» — от «ерепениться». Хоть какой-то смысл есть. Но — «дырбулцил»?!

— Ах же, черт! — Денисов стукнул ладонью по столу и засмеялся.

Да ведь это же — знаменитая литературная бессмыслица! Алексей Крученых, один из кубофутуристов, когда-то объявил — для общего читательского обозрения, — что в словосочетании «дыр-бул-цил» больше поэзии, чем во всей русской литературе.

Но какой смысл вкладывал в эту тарабарщину радист?

«Признаюсь, но только не вам»

Денисов сидел в кабинете следователя и, хмурясь, рассматривал полученные из Костромы и Свердловска ответы на запросы. Василий Иванович Спиридонов проживал в Костроме с детских лет до призыва в армию, — значилось в первом из них. Свердловск подтверждал, что Спиридонов служил на Урале, недавно демобилизовался.

Где правда?..

Ввели Спиридонова. Он непринужденно поздоровался, на лице его было безмятежное спокойствие. До сих пор арестованный вел себя совершенно естественно, сейчас — переигрывал: он не мог быть таким спокойным.

— Как чувствуете себя, Спиридонов? — приветливо начал Денисов. — Вид у вас отличный.

— Еще лучше будет, когда выпустите!

— От вас зависит. Узнаем, как вы попали к нам, и — пожалуйста, выходите.

— Я уже объяснял — поездом.

— Что-то не получается поездом...

— Вполне получается. Поезд двадцать девятый, вагон одиннадцатый. Плацкартный.

— Да, вы уже говорили — одиннадцатый и плацкартный. Хотелось бы поверить вам... А проводников вагона, в котором ехали, вы сможете вспомнить?

— Обыкновенные. Две женщины.

— А какие?

— Не присматривался. Своя на Урале, скоро сюда вызову.

— Чтобы молодой парень не заметил двух девушек, не полюбовался, какие хорошенькие...

— Стариком буду на девочек заглядываться! Пока не старик.

— Неужели и причесок их не запомнили? Оригинальная прическа если...

— Перманентов недолюбливаю. А крашенные патлы — смерть моя.

— Поэтому и не заглядывались, что одна с перманентом, а у другой крашенные патлы?

— Поэтому. Устраивает вас теперь?

— Нет, Спиридонов, и теперь не устраивает. — Денисов положил перед арестованным две фотографии. — Обратите внимание: одна из проводниц — весьма пожилая. Другая, точно, девочка, но у нее — коса, и красивая коса, а

вовсе не перманент и не крашенные патлы. Как же вы так опростоволосились, а?

Голос Спиридонова зазвучал зло:

— Говорю вам, к чужим женщинам не присматриваюсь! У меня своя — ревнивая.

— Убедительно... Но другая беда, Спиридонов. И проводницы вас не помнят. Показывали вашу фотографию, вот эту. — Денисов положил и ее. — Ни одна вас не вспомнила.

— А чего меня вспоминать? Я к ним не лез. В вагоне не хулиганил.

— Человека вашего роста — да не заметить? Да еще красивого!.. Нет, Спиридонов, объяснение не годится, поищите другое.

Спиридонов подумал.

— Возможно, я спутал номер вагона.

— Не мало ли этого? — посомневался Денисов. — Говорите уж прямо — спутал номер поезда! И вообще — приехал не в этот день, а в другой... Так вот, Спиридонов, все ваши возможные отговорки заранее проверены. Вас не было в других вагонах, не было в других поездах, не было в другие дни. И на самолете вы не прилетели. И в дальних рейсовых автобусах вас не видели. Что теперь скажете?

— Что-то не слышал пока толковых вопросов. Пустяки какие-то высвечиваете.

— Поговорим не о пустяках... С каким заданием вышли из моря на берег Курской косы? Кто вас снарядил и направил? Где оставили акваланг и прочий багаж? Кто ваши товарищи? Где они?

У Спиридонова засветились насмешкой глаза. Он ничуть не походил на припертого к стенке преступника.

— Слишком много вопросов, гражданин подполковник. Столько у вас неясного, что мне одному не распутать... Боюсь, чепуху какую-нибудь скажу, будете потом обижаться.

— Чепуху вы можете. Всякую ерепень. — Денисов следил за лицом арестованного. Не было заметно, чтоб это словечко как-то подействовало на Спиридонова. Денисов повысил голос: — Будете отвечать на вопросы?

— Вам — нет!

Ответ был таким неожиданным, что Денисов растерялся.

— Как вас понимать?

— Буквально. Кому другому признаюсь, только не вам.

— Почему?

— Звездочки на ваших погонах не устраивают. Маловаты. Мне бы генерал-лейтенанта. В крайности — генерал-майора.

— Такие у вас большие тайны, что не всякому следователю можете доверить?

— Точно... Подполковник не понимаю. Но супран, — сказал он неожиданно по-литовски и так чисто, что Денисов и следователь переглянулись.

— У вас, сколько слышу, способности к языкам, — хмуро заметил Денисов.

— Есть небольшие. Лингвист-практик. Когда освободите, пойду по научной линии.

— Раньше надо освободиться. Еще раз спрашиваю — будете отвечать?

— Еще раз отвечаю — да, но не вам. Ответите меня в Москву или пусть оттуда придет ответственное лицо. А сообщение будет сногсшибательное, это гарантирую!

И Спиридонов демонстративно закинул ногу на ногу...

В погранотряде Денисову сказали, что Говоров просил подъехать или позвонить. Денисов позвонил.

— Сообщение со стройки, — сказал Говоров. — В отдел кадров явился некий Эдуардас Вальдис, молодой, высокий, литовец по национальности, по-русски говорит не чисто. Просится на должность каменщика. Документы в порядке. Его приняли, выписали пропуск с завтрашнего дня на территорию стройки. Утром он должен явиться на работу. Арестуете?

— Ни в коем случае, Аркадий Степанович! Проследим за его поведением. Хорошо бы получить фотографии его самого и всех, с кем он встретится или заговорит.

— В этом поможем...

Денисов занес в блокнот события дня. Событий было не так уж много. Но в розыске наступил поворотный пункт. Отныне разрозненные факты будут увязываться воедино, в глухих тупичках загадок забрезжит свет истины.

Он перечел записанные на отдельном листке шесть пунктов, задумался над последним из них:

«6. Отвлекающая группа должна в ближайшее время появиться в границе обзора».

Она уже появилась. Отвлекающая группа — Спиридонов, он же Семенов, и неведомый пока радист. Надо теперь детально проанализировать их поступки.

Начнем со Спиридонова. Спиридонов, попавшись, начал с заявления, что приехал поездом из Свердловска. Он не мог не знать, что такая нехитрая ложь не надолго запутает следствие, что жизни ей — день или два. Ему, стало быть, важны эти день или два. Нынешнее его наглое требование преследует ту же цель — еще день или два оттяжки. Почему он это делает? Оттого, что струсил и боится скорого наказания? Для того, чтоб оттянуть неизбежную кару? Нет. На струсившего он не похож: держится уверенно. Даже бывалый разведчик, провалив операцию, не сохранил бы такой завидной ясности духа, такой стойкости характера. А Спиридонов — юнец, сопляк, ему еще нигде было набраться опытности и хладнокровия.

Отсюда вывод — задания своего он не провалил. Ни тогда, когда удирал от пограничников, ни тогда, когда без борьбы сдался им, ни тогда, когда врал о поезде, ни теперь, когда требует следователя с генеральскими погонами. Он благополучно выполняет программу, вот где корень его спокойствия. Он не терзается страхами, не язвит себя упреками, что не справился с делом. Возможно, даже гордится собой — качу и качу в предписанную сторону, как на шарикоподшипниках! Но что он выигрывает этим? Ничего, кроме нескольких дней. Это и есть его задание — выиграть несколько дней.

На листке появился новый пункт:

«7. Спиридонов, заполняя собой внимание

розыска, отвлекает от какой-то акции, срок которой — несколько дней».

Ту же задачу ставит себе и неведомый радист. Если так, то его передачи не несут в себе опасной для нас информации, а предназначены дразнить и раздражать. «Ерепени» и «дырбулщилы», полосующие эфир, — лишь технически усовершенствованный красный плащ, которым взмахивают перед мордой быка. На радиста можно было бы вообще теперь не обращать внимания. Но лучше выловить его поскорее, особого сопротивления он не окажет. Дорого продать свою жизнь — такое действие у него не запрограммировано.

Денисов сделал еще одну запись на листке:

«8. Радист будет наглеть с каждой передачей».

С этими двумя ясно. Остается, допустим, третий. Тот высокий, узкоплечий, у которого, кстати, нога должна быть непропорционально маленькая... Отвлекают от него. Прикрывают его собой. Какую операцию прикрывают? Просто разведку, просто накопление шпионской информации — там, мол, строится то-то, в порту у причалов стоят такие-то суда? Вряд ли! При этом варианте дерзость радиста была бы излишне рискованна, наглость Спиридонова — беспредметна. Нет, здесь действие, требующее нескольких свободных дней, то, что надо совершить сегодня и нельзя совершить завтра. Диверсия — вот что готовит третий! Против порта? Сомнительно. Новые катера в походе, старые и без диверсии через год-два пойдут под копер. И так, стройка. Вот отчего там появился, сделав выдержку в три дня, некий Эдуардас Вальдис. Круг замкнулся.

Последняя на сегодня запись выглядела так: «9. Третий, от которого отвлекают, готовит диверсию на стройке».

Денисов набрал телефон Говорова.

— Аркадий Степанович, нового у тебя нет? А у меня появились кое-какие соображения. Третий наш «приятель», каменщик, возможно, кое-что принесет на место своей новой работы. Так что — следить в оба!..

Денисов возвратился к листку.

Теперь он задумался над пунктом пятым:

«Усиленная охрана стройки. Основное внимание — порт».

Пункт — неточен. Диверсантам удалось пустить розыск по ложному следу. Они этого добивались — и на короткое время добились. Ромейко кинулся по горячему отводному следу, весь розыск в ту сторону, а идти надо не туда.

Денисов подошел к окну, распахнул форточку. За окном сгустился туман, опускалась ночь, уличные фонари пробивали и не могли пробить мглу. Шел к концу четвертый день напряженного розыска.

Нет, кое-что начинает проясняться!

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

В научной библиотеке Свердловского областного краеведческого музея хранится немало книг со штампом «А. И. Кронеберг»: книги XVIII и XIX веков, изданные в России, Франции, Германии и в других странах. Такую библиотеку мог собрать человек высокой культуры.

Книги эти поступили в музей в начале XX века от наследников известного местного деятеля А. И. Кронеберга, умершего в 1880 году.

Алексей Иванович Кронеберг происходил из семьи, тесно связанной с целым рядом выдающихся деятелей русской культуры. Он приехал на Урал в пятидесятых годах прошлого века и стал домашним учителем в семье одного из владельцев Сысертских заводов — генерала П. Д. Соломирского. Жена внука Алексея Ивановича —

Татьяна Сергеевна Кронеберг помнит семейные рассказы о том, что дед ее мужа был выслан на Урал. Но когда и почему — не знает.

Позднее Алексей Иванович женился на дочери Соломирского и остался навсегда на Урале. Его общественная деятельность началась в период проведения крестьянской реформы. Со времени образования земств он стал активным земским деятелем.

Старые уральские краеведы иногда называют библиотеку Алексея Ивановича «библиотекой Кронебергов». И, пожалуй, они правы. Недавняя находка подтверждает это.

Внешне она непривлекательна: вместо переплета — серая бумага, титульный лист — в многочисленных печатях. А сама книга — замечательна. Она представляет собой объединенные вместе перепечатки из «Отечественных записок» за 1845 и 1846 годы шести (из семи) «Писем об изучении природы» Искандера — А. И. Герцена.

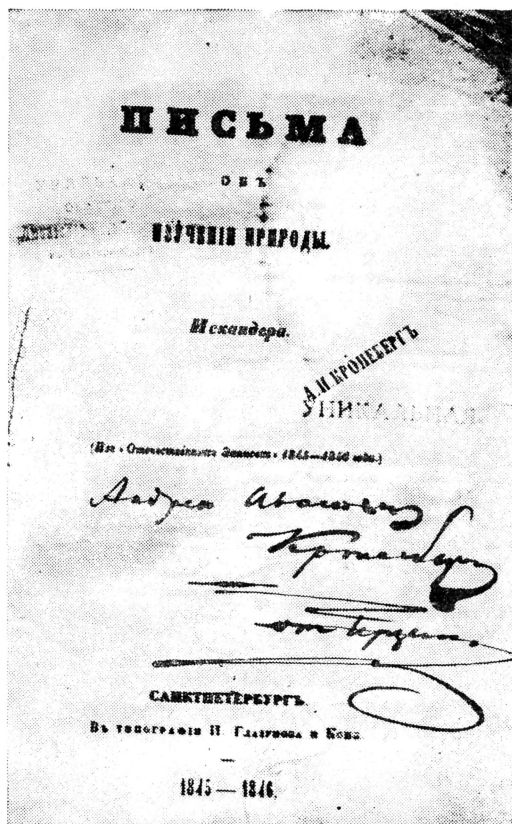
Еще большую ценность придает книге старая надпись, выступающая из-под библиотечной печати: «*Андрею Ивановичу Кронебергу от Герцена*». Видна характерная особенность герценовской росписи: в прописном «Г» нижний хвостик смотрит не влево, а вправо, и в конце слова — виртуозный росчерк.

Но как же книга попала на Урал?

Она перешла к Алексею Ивановичу из библиотеки его брата — выдающегося переводчика и критика. Андрей Иванович встретился с великим русским философом и писателем в Петербурге осенью 1846 года. О своем впечатлении от встречи Герцен пишет жене 7 октября: «Из всех мною виденных новых лиц мне нравится наиболее Кронеберг». Скорее всего именно тогда и подарил Герцен ему свои «Письма об изучении природы».

И нет ничего удивительного в том, что Андрей Иванович Кронеберг понравился А. И. Герцену. В. Г. Белинский дружил с ним многие годы и считал одним «из тех людей, каких и везде не много, а на Руси почти совсем нет». Умный и высокообразованный, решительный и деловой — таким мы представляем его по отзывам великого русского критика и по воспоминаниям.

Приехал Андрей Кронеберг из Харькова. В Петербурге он жил только литературным

трудом, работал, в основном, в журнале «Отечественные записки», отдел критики которого вел Виссарион Григорьевич Белинский. «Отечественные записки» стали в эти годы ведущим русским журналом. Они приносили немалый доход редактору А. А. Краевскому. В погоне за прибылью Краевский опустился до нечестности, до беспринципности. В. Г. Белинский долго хотел верить этому и по деликатности своей оттягивал решительный разговор. Андрей Иванович, уличив Краевского в нечестности, потерял право работать в «Отечественных записках», но был горд своей победой.

«Отправились мы оба к Белинскому,— пишет в своих воспоминаниях Н. Н. Тютчев.— Кронеберг со свойственной ему трезвостью и деловитостью выражений передал Белинскому голый рассказ о ходе дела, не разукрасив его ни одною фразою. Белинский слушал напряженно, с величайшим вниманием; не проронив ни одного слова, он вышел в переднюю, подошел к углу, взял в руки трость, возвратился к Кронебергу, молча передал ему трость, стал перед ним на колени и тогда только сказал ему: «Андрей Иванович, голубчик, поучите меня, дурака».

Впоследствии Андрей Иванович Кронеберг вместе с В. Г. Белинским перешел в «Современник» Н. А. Некрасова, стал деятельным его сотрудником и одним из лучших переводчиков Шекспира в России. Умер он в Харькове в 1855 году.

Видимо, после смерти Андрея Ивановича его книги вместе с книгами покойного отца — ректора Харьковского университета Ивана Яковлевича Кронеберга — перешли к Алексею Ивановичу, который и привез их на Урал. Вероятно, на Урал попала только часть библиотек Ивана и Андрея Кронебергов. Мы недостаточно знаем библиотеку Кронебергов, и очень возможно, что нас ждут находки, подобные той, о которой здесь рассказано.

С. ГОМЕЛЬСКАЯ, библиограф

Следопыты девятой школы города Борисова Минской области посвятили свой поиск французским летчикам полка «Нормандия-Неман». Они собрали много интересных документов о боевых действиях полка, участвовавшего в освобождении Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Совсем недавно ребята нашли место гибели отважного пилота Жана Гастона. По ходатайству следопытов одна из улиц Борисова названа именем полка «Нормандия-Неман».

* * *

В составе Чапаевской дивизии сражался 319-й полк. Создан он был в селе Домашкино (Куйбышевская область) из партизанского отряда.

Сейчас в Домашкино открыт музей боевой славы. На обелиске в центре села высечены имена 310 героев полка, отдавших жизнь за Советскую власть в годы гражданской войны.

* * *

Следопыты небольшого латвийского городка Пилтене вместе с учителем Хербертом Кнетом разыскивали материалы с своих земляках — советских войнах и партизанах, сражавшихся в этом районе. Было известно, что здесь погибли 53 партизана.

Ребята узнали уже 37 фамилий героев. Недавно следопыты открыли в Пилтене общественный музей славы.

Как-то ребята во время похода зашли к леснику Никлаусу, и он отдал им кусок мешковины, который оставил ему в годы войны советский парашютист. На материи цифры. Следопыты списали их и запросили архив. Оказалось, что это номер разведывательного отряда, действовавшего в Вентспилском уезде. Потом удалось узнать, что заместитель командира отряда В. Виткалов живет сейчас в Россоши Воронежской области. Ребята побывали у него. Он назвал имя разведчика, оставившего кусок мешковины у Никлауса. Это был литовец Ионас Палюлис.

Тогда следопыты обратились в литовскую молодежную газету с просьбой опубликовать сообщение о своем поиске. Может быть, найдутся родные Ионаса Палюлиса? Письмо попало в отдел газеты, сотрудником которого оказался... один из сыновей Палюлиса Жимантис.

Л. ГУРВИЧ

САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ — ПРОСТО ВОДА

Когда астроном направляет свой телескоп на одну из планет-соседей нашей Земли, его всегда волнует вопрос, есть ли там вода и кислород. Интерес к этим веществам не случаен. Если они в достаточном количестве будут обнаружены на какой-нибудь планете, можно будет предположить, что на ней существует жизнь и, возможно, хоть в чем-то похожая на нашу. Дело в том, что именно вода породила жизнь, создала нашу планету такой, какой мы ее знаем сейчас. Если быть объективным, то придется признать, что вода — самое удивительное вещество на нашей земле. Много важных тайн открыла нам вода в самое последнее время, и, видимо, еще немало тайн хранит она от нас.

Пока животные жили в море, вода не только окружала их со всех сторон, но и находилась внутри них. Когда же древние рыбы стали перебираться на сушу, им пришлось поступить так же, как поступаем мы, когда хотим принести из озера рыбу к себе домой — обзавестись аквариумом. Только этот «аквариум» у наземных животных находится внутри, а в нем крохотный индивидуальный океан — кровь и тканевые жидкости. Без этого собственного океана жизнь животных невозможна. Из него по мере надобности заимствуется вода на различные нужды и, чтобы он не иссяк, его приходится постоянно пополнять пресной водой.

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ

Почему же нельзя использовать для питья морскую воду?

Взрослому человеку в сутки необходимо до трех литров воды, включая, конечно, и воду, содержащуюся в пище. Если пить только морскую воду, то в организм ежедневно

будет попадать около ста граммов солей, что неизбежно вызовет значительное нарушение работы желудочно-кишечного тракта. Но даже если предположить, что такое количество морской воды могло бы из кишечника всосаться в кровь, это сразу вызвало бы много других нарушений. Дело в том, что внутренняя среда органов очень постоянна, особенно в отношении таких веществ, как натрий, калий, кальций. Как

только их количество в крови чуть превысит норму, сразу же организм стремится избавиться от излишков.

Как же живут морские рыбы и звери? Где они находят пресную воду?

Оказывается, действительно находят. Дело в том, что кровь и все тканевые жидкости рыб и других позвоночных животных содержат очень немного солей. Их тканевые жидкости можно пить. Все морские хищники получают вместе с пищей и значительное количество вполне пригодной для питья воды. Человек тоже мог бы существовать в океане, добывая воду из его обитателей. Это впервые доказал французский врач А. Бомбар. Ежегодно тысячи людей, потерпев кораблекрушение, гибнут от голода и жажды. Бомбар проделал смелый эксперимент. Чтобы доказать, что океан имеет все необходимое для жизни человека и потерпевшие кораблекрушение могут остаться живы, если сумеют воспользоваться его дарами, Бомбар отправился через Атлантический океан в небольшой резиновой лодочке, питаясь по дороге пойманной рыбой и мельчайшими беспозвоночными животными, а вместо воды использовал жидкость, выжимаемую из тела рыб. Таким образом ему удалось добраться до Америки, и, хотя подобный способ питания значительно подорвал его здоровье, Бомбар доказал возможность жизни человека в океане.

— Ну а как же сами рыбы обходятся без пресной воды?

У многих из них имеются приспособления, помогающие им избавляться от излишков солей. Эту функцию выполняют у них иногда самые неожиданные органы.

Морские рыбы имеют чудесный опреснительный аппарат, удаляющий из крови соли. Это не почки. У рыб почки небольшие, плохо развитые и в выведении солей из организма участия почти не принимают. Опреснительное устройство находится у них в жабрах. Специальные клетки захватывают из крови соль и вместе со слизью в сильно концентрированном виде выводят ее наружу. Как только из кишечника в кровь начинает проникать соленая вода, ее сразу же начинает опреснять жаберный аппарат.

Нелегко добывать пресную воду и морским птицам. Буревестники живут в открытом океане далеко от берегов. На суше они появляются раз в год, только для того, чтобы вывести птенцов. Бакланы, кайры, многие чайки, хотя и живут в прибрежной зоне, никогда не пьют пресной воды. Раньше думали, что они довольствуются тканевой жидкостью своих жертв. А оказывается, они охотно пьют морскую воду, и многие из них так привыкли к жизни в океане, что даже не могут обходиться без соленой воды. В зоологических садах уже давно замечали, что эти птицы в неволе не живут. Зоологи удивлялись: нежные, крошечные колибри переносят неволю; попугаи, страусы, орлы и совы хорошо живут в клетках, а чайки быстро гибнут. Решили, что в тесных клетках морские красавицы скучают по океанским просторам. Но не тоска по морю, не тесные клетки оказались причиной гибели птиц. Просто птицам не хватает солей.

У морских птиц и рептилий в

качестве опреснителя служит носовая, или, как ее теперь называют, солевая железа. У птиц она расположена по верхнему краю глазницы, а ее выводной проток открывается в полость носа. Капля секрета, выделяемого железой, может содержать натрия в пять раз больше, чем капля крови, и в два-три раза больше, чем капля морской воды. Эта жидкость вытекает из носовых отверстий и повисает в виде крупных прозрачных капель на кончике клюва, которые птица время от времени стряхивает. Если морскую птицу накормить очень соленным кормом, то через 10—12 минут из ее носа начинает чисто капать, как будто у нее сильный насморк. А на самом деле птица освобождается от избытка поступивших в ее организм солей.

У морских рептилий — черепах, змей, ящериц тоже есть солевая железа, но, в отличие от птиц, ее выводной проток открывается в угол глаза. Давно уже люди обратили внимание на то, что крокодилы «плачут» крупными, прозрачными слезами. Съев свою очередную жертву, крокодил якобы оплакивает ее. Отсюда возникло крылатое выражение «крокодиловы слезы», как символ высшего лицемерия. И только в наши дни стала ясна причина этих слез: вместе со слезами организм крокодила освобождается от излишка солей, поступающих с водой и пищей.

То же происходит и у морских черепах. Круглый год странствуют они по теплым морям и океанам. Лишь раз в году, темной ночью выходят самки на песчаные пляжи, чтобы зарыть в укромном местечке кучки отложенных тут же яиц. Возвращаясь обратно в море, черепахи «горько плачут», роняя на сухой песок крупные, соленные слезы. Грустят ли они, расставаясь с родными местами? Оплакивают ли

брошенное на произвол судьбы потомство? Нет, конечно. Просто их солевые железы заняты своей обычной работой,

ПЬЮТ ЛИ РЫБЫ?

У многих этот вопрос вызывает улыбку. В самом деле, ведь стоит рыбе открыть рот, и он полон воды. Присмотритесь: аквариумные рыбы иногда хватают ртом воду, однако это не означает,

что они ее пьют. Так ведут себя рыбы, когда в аквариуме мало кислорода. Захваченную ртом воду они пропускают через жаберные щели, в кишечник она не попадает.

Другое дело — во время еды. Тут уже неизбежно какое-то количество воды вместе с пищей попадает в желудок. Достаточно ли ее? Испытывают ли рыбы жажду? На эти, казалось бы, очень трудные вопросы, ученые ответ нашли. Известно, что вода океана, где когда-то возникла жизнь, была не такой соленой, как теперь. Предполагают, что рыбы когда-то переселились в соленые моря из водоемов с пресной водой. Происходило это в два этапа, поэтому разные рыбы по-разному приспособились к соленой воде.

Сейчас рыбы живут и в прес-

ной воде рек и озер, в которой практически отсутствуют поваренная и другие соли, и в опресненных морских заливах, где концентрация солей невелика, и в открытых морях и океанах с очень соленой водой. Но переходить из пресной воды в соленую и обратно без вреда для себя могут очень немногие. Виртуозами в этой области можно считать угрей. Они полжизни проводят в соленой воде, а другую половину — в пресной. Но что же мешает рыбам свободно переходить из одной воды в другую? Дело в том, что вода свободно проходит через кожу, покровы полости рта, жабер и других частей тела и даже через оболочки отдельных клеток. Причем, если вода свободно сквозь них просачивается, то для солей и большинства других веществ эти оболочки непроницаемы.

Куда же будет просачиваться вода: из рыб в водоем или наоборот? Это зависит отнюдь не оттого, где воды больше. Управляет процессом диффузии, т. е. проникновением, осмотическое¹ давление растворов, которое создается растворенными в них веществами. Осмотическое давление пресной воды практически равно нулю, а в крови и тканевых жидкостях рыб находится много солей и белковых веществ, которые создают осмотическое давление равное 6—10 атмосферам. С этой силой и «сосет» воду организм пресноводных рыб, поэтому вода извне интенсивно просачивается в их тела. У пресноводных рыб никогда не возникает жажды, им хватает забот о том, как бы избавиться от проникающей в них со всех сторон воды.

¹ Осмотическое давление — давление, которое создается растворенным веществом в растворе. Играет важнейшую роль в жизни животных и растений. — Прим. ред.

Другое дело их родственники — морские костистые рыбы. В морской воде гораздо больше солей, чем в тканях рыб. Осмотическое давление океанской воды равно 32 атмосферам, тогда как в теле морских костистых рыб оно в два-три раза меньше. Поэтому-то ненасытный океан с жадностью «сосет» воду из их тел. Возникает на первый взгляд парадоксальное явление: морская вода оказывается способной подсушивать плавающих в ней рыб!

Но все-таки не все морские рыбы пьют воду. Самые древние из них, акулы и скаты, которые, видимо, раньше костистых рыб переселились в океан, иначе приспособились к жизни в соленой воде. Они приспособились сохранять в крови довольно вредное вещество — мочевину, от которой все другие животные спешат как можно скорее избавиться. Для того, чтобы удержать мочевину в организме, акулам пришлось одеть жаберы в специальную оболочку, непроницаемую для нее. Благодаря присутствию этого вещества, осмотическое давление крови значительно выше, чем морской воды. Тела акул и скатов, точно так же как и пресноводных рыб, «сосут» воду из океана.

Этот же принцип позаимствовала у акул и одна очень интересная лягушка-крабодод, которую недавно ученые обнаружили в юго-восточной Азии. Из всех амфибий она одна-единственная приспособилась к жизни в соленой воде. Правда, икру морские лягушки по-прежнему мечут в пресную воду, а когда лягушата подрастут, они уходят в море, где питаются крабами. Но прежде чем перейти в морскую воду, запасаются мочевиной. И наоборот, когда уходят в пресную — освобождаются от ее избытка, поэтому лягушатам, где бы они ни жили, нет необходимости пить воду.

ВОДА... ИЗ ВОЗДУХА

Давно уже зоологи заметили, что некоторые животные пустынь, которые у себя на родине никогда не видели даже самого маленького водоема, в неволе охотно и много пьют. Оставалось загадкой, как они обходятся без воды на воле. А может быть, пустыня не так уж безводна, как это кажется на первый взгляд? А может быть, воду можно добыть и там?

Десятки домов отдыха, санаториев, пионерских лагерей разместились на узкой полоске южного берега Крыма. Сюда с наступлением лета устремляются тысячи отдыхающих. Еще задолго до наступления отпусков северяне начинают к ним готовиться, интересуются прогнозами погоды, видами на урожай фруктов, с радостью узнают о постройке новых гостиниц и пансионатов. Но никого не волнует вопрос: получит ли он к обеду чашку чая и продадут ли ему в киоске стакан газированной воды. Никто из отдыхающих и не подозревает, сколько забот и волнений выпадает на долю работников городского хозяйства, сколько труда нужно, чтобы из водопроводного крана постоянно струилась

вода, чтобы можно было принять ванну, помыться, сварить обед. Ведь на южном берегу Крыма нет больших рек и озер. Здесь текут только небольшие ручьи, да и те в начале лета пересыхают. Воду в Крыму начинают запасать еще осенью, когда часто идут дожди. Ее собирают в наземные водохранилища и в огромные скрытые под землей резервуары, под хранят до наступления лета. Но воды не хватает. Домов отдыха можно было бы построить больше, если бы хватало пресной воды. Правда, теперь ее там стало достаточно. Через горы недавно пробили туннель, по которому на побережье потекла целая речка. Но древние жители Крыма прекрасно обходились и без искусственных речек. Они умели добывать воду прямо из воздуха. Как ни сух воздух Крыма, в нем всегда имеется немного водяных паров. Ведь море рядом! О том, как эту воду много веков назад извлекали из воздуха, удалось выяснить археологам. В восточном Крыму, около города Феодосии, была найдена усадьба средневекового вельможи. На ее территории обнаружили удивительное сооружение — большую, выложенную камнем площадку с каменными пирамидальными сооружениями на ней. Внутри пирамид находились многочисленные ходы и полости.

Горячий морской воздух, падая внутрь пирамид, на ее холодных стенках оставлял росу. Стенки «запотевали», как оконные стекла в холодную погоду. Мельчайшие капельки росы, сливаясь друг с другом, собирались в более крупные и стекали по стенкам, а затем по специальному желобу в подземный бассейн.

Этим способом можно добывать воду всюду, даже в самых жарких и безводных пустынях, хотя конечно из сухого воздуха можно извлечь очень немно-

го воды. Если бы животные умели сооружать такие пирамиды, им было бы чем утолить свою жажду. Но то, что не могут сделать животные, приготовила для них природа. В каменистых безводных пустынях в нагромождениях камней по ночам образуются капельки росы.

Роса выпадает не только в расселинах скал и в горах камней. Когда воздух с поверхности проникает в глубь песка, он и там оставляет хотя бы ничтожные количества влаги. Впрочем, не всегда ничтожные.

В песках самой западной части пустыни Кара-Кум прекрасно растут арбузы. Растут без всякого полива. В этой части пустыни очень мало источников пресной воды. Зато ветер с залива Кара-Богаз-Гол¹ приносит в пустыню влажный воздух. Остывая ночью, он оставляет столько воды, что в иные дни она не успевает вся впитаться в песок, и ее можно собирать в сосуды, поставленные на дно глубоких ям.

Видимо, многие животные пустынь умеют находить в расщелинах скал, в глубоких норах выпадающую по ночам росу и ею пользуются.

Кенгуровая крыса, жительница безводных австралийских пустынь, умеет извлекать влагу даже из почвы. Питается этот интересный зверек семенами различных растений, которые высыхают так, что практически влаги не содержат. Собранные сухие семена крыса сразу не ест, а переносит к себе в нору в своих удивительных защечных мешках.

Шерсть у кенгуровых крыс растет не только на морде, но и в полости рта, отделяя защечные мешки, чтобы в них не просочилось ни капли слюны. Это приспособление обеспечивает строжайшую экономию влаги. Собранные на поверхно-

сти земли и перенесенные в защечных мешках совершенно сухие семена складываются в глубоких норах. Если в почве содержится хоть немного влаги, семена начнут ее впитывать. Ведь осмотическое давление сухих семян около пятисот атмосфер! Вот с какой силой «сосут» они воду! Только после обогащения семян водой кенгуровая крыса использует их в пищу.

«Выжимать» воду из воздуха с помощью природных сооружений или нор, конечно, очень удобно, но еще заманчивее иметь при себе личный «отжиматель». Недавно ученые обнаружили такого индивидуалиста. В жарких безводных пустынях Австралии живет удивительная австралийская колючая ящерица-молох. Все тело этой небольшой ящерицы покрыто острыми выростами и шипами. Это страшилище известно давно, но до недавнего времени ученые предполагали, что колючки служат ящерице лишь для защиты от врагов. Теперь выяснилось, что они имеют и другое, не менее важное назначение. Роговой слой кожи молоха пронизан бесчисленными порами, которые открываются наружу в бороздах между колючками. Если на кожу ящерицы капнуть каплю воды, она тотчас же впитывается в поры. Поры расположены так, что у воды остается единственный путь — двигаться внутри кожи в сторону головы. Здесь система капиллярных пор заканчивается небольшими подушечками, куда и собирается вода. Подушечек две. Они расположены в уголках рта молоха. Если в подушечках есть вода, то стоит только молоху подвигать челюстями, и из каждой подушечки прямо в рот выдавится по капле влаги.

Специально пить молоху не нужно. Даже если ящерица встретит в пустыне источник, ей достаточно окунуться. Так быст-

¹ Кара-Богаз-Гол — крупный залив Каспийского моря.

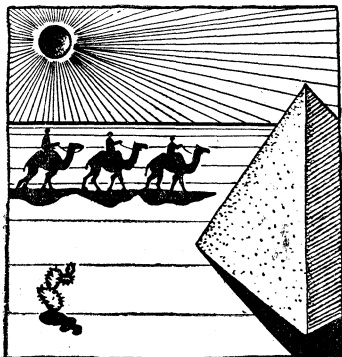

рее, да и в кожу воды впитывается больше, чем ящерица могла бы выпить. В коже создается как бы склад воды.

Колючки молоха значительно холоднее кожи. По ночам на колючках оседают мельчайшие капельки влаги и тотчас же впитываются в кожу. Молох «сосет» воду прямо из воздуха!

ЖИВАЯ ФАБРИКА ВОДЫ

МНОГИЕ обитатели пустынь — антилопы, суслики, песчанки, тушканчики, черепахи — вообще никогда не пьют или могут подолгу обходиться без воды. Воду им

заменяют зеленые растения. Весной или после дождя пустыня на короткий срок оживает, все зеленеет и цветет. Когда же под палящими лучами солнца пожелтеют, поникнут травы, животные выкапывают из песка луковички тюльпанов и других растений. В этих луковичках, защищенных от солнца кожистыми чешуйками, влаги много. Животным ее хватает с избытком. Хищники получают влагу, поедая свои жертвы, травоядных животных, тела которых на 60—80 процентов состоят из воды.

Но найти сочную луковичку или поймать зазевавшегося тушканчика не так-то просто.

Сегодня сумел, а завтра не смог. Как же быть? И большинство обитателей пустынь завели себе собственную «фабрику» для изготовления воды.

Собственно такой «фабрикой» обладают все животные нашей планеты, в том числе и человек. Во время работы в клетках нашего организма как источник энергии «сжигаются» углеводы и жиры. При их полном «сгорании» образуется два продукта: углекислый газ и вода. Углекислый газ очень вреден, он сразу же выводится наружу, а вода используется на нужды организма. В теле взрослого человека в сутки синтезируется 300 граммов воды.

Наиболее удобным сырьем для производства воды являются жиры и углеводы, потому что при их «сгорании» в организме никаких вредных веществ не образуется, а ведь для их выведения из организма опять-таки требуется вода.

В качестве сырья для производства воды используется жир. Способностью накапливать большие количества жира обладают все обитатели сухих степей и пустынь: змеи и ящерицы, антилопы, жирафы, зебры, львы, страусы.

Запасают жиры также животные и холодного климата. Очень много его в теле китов, дельфинов, тюленей. Жир им служит как теплое одеяло, поэтому его «склады» устроены не так, как у животных пустынь. Тело китов покрыто слоем жира толщиной в полметра. Футляр из жира предохраняет их от охлаждения. В такой же футляр из жира, только менее толстый, одеты тюлени и дельфины. Если бы животных жарких стран завернуть в такое «одеяло», они погибли бы от перегрева. Вот почему у верблюда склады жира только в горбах.

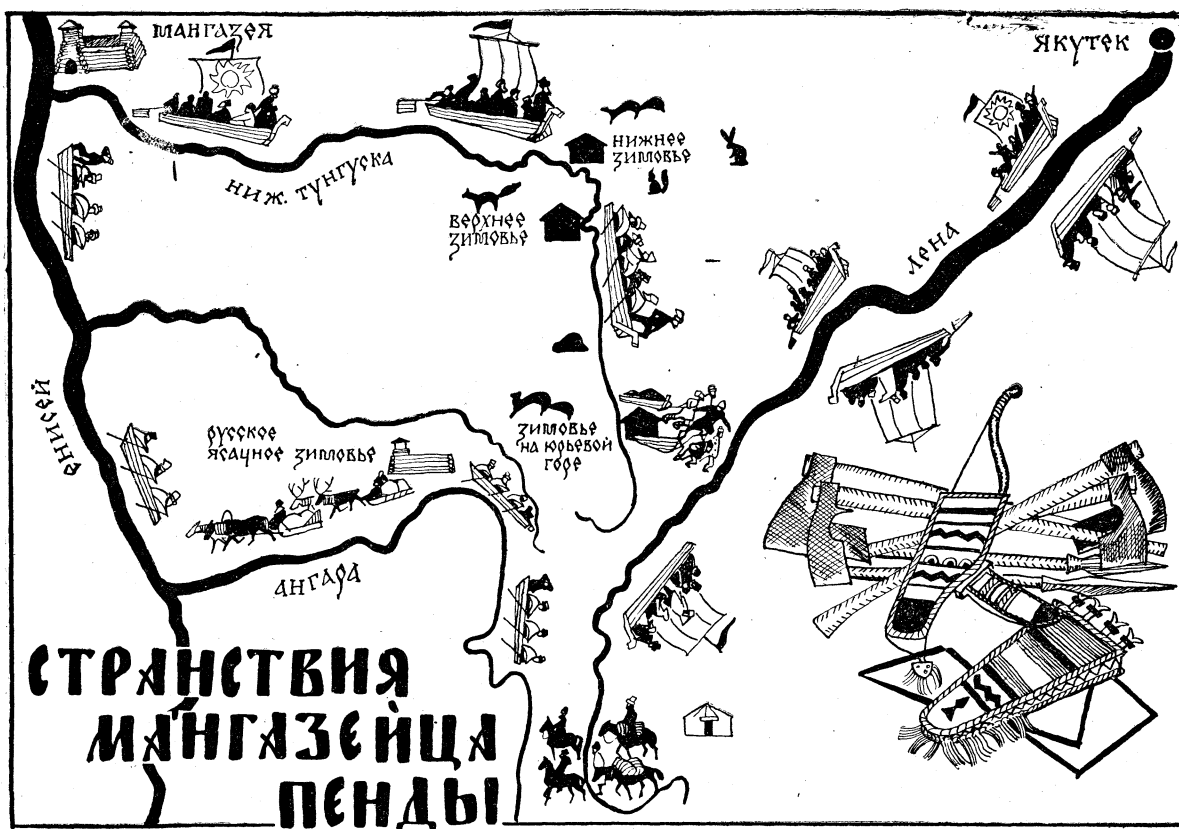
У многих пустынных животных в качестве «склада» жира используется хвост. «Склад» в этом случае тоже находится, так сказать, «на периферии» и не препятствует охлаждению тела. У тушканчиков и песчанок жир откладывается в основании хвоста. Очень большие запасы жира в хвосте гигантских ящериц-варанов. Еще больше у курдючных овец.

Если животное попадает в неблагоприятные условия, когда неоткуда пополнить запас воды, срочно начинается ее производство из запасного жира. Верблюд может прожить без воды сорок пять дней, причем, первые пятнадцать дней он будет нормально работать и съедать обычную порцию абсолютно сухого сена.

Не только пустынные животные живут за счет химического производства воды. Когда организм вообще лишен возможности пополнить ее запасы, единственным источником воды является окисление жиров. Вот почему в яйцах содержится большое количество жира. Он используется в качестве источника энергии и из него же образуется значительное количество воды.

Конечно, жизнь в пустыне оказалась возможной не только потому, что ее жители приобрели способность вырабатывать воду химическим путем, добывать из воздуха и находить ее ничтожные количества в песке и камнях.

Не менее важное значение имеет то, что они научились прятаться днем от жары, что у них есть приспособления, мешающие воде организма испариться, и, пожалуй, самое главное — умение экономно расходовать воду. Без этих приспособлений жизнь в пустыне была бы невозможной.

Е. АНАНЬЕВ

Рисунки Н. Мооса

Мангазея... Страницы ее истории почти не перелистаны — не до летописей было в те бурные годы путешественникам и воинам. А жаль — какие удивительные судьбы могли бы раскрыться перед нами! Неужели они безвозвратно растаяли в глубине веков?

Несколько лет назад в одной из малоизвестных книг я набрел на статью советского историка А. Окладникова о забытом землепроходце Пенде. Первым из русских людей он со своей дружиной посетил буреломные верховья Нижней Тунгуски, прошел волоком на Лену, в страну якутов и вернулся бурятскими степями в Мангазею. Из семьи в семью, из поколения в поколение шел по казачьим станкам и охотничьим зимовьям

устный рассказ о походе-подвиге, обрастая подчас причудливыми подробностями и фольклорными преувеличениями. Несмотря на это, дошедшие до нас строки скупы. Их приходится дополнять воображением и догадками.

Пенда — имя или прозвище землепроходца? Откуда пришел он на восточный рубеж Российской земли? Не воин, не торговец, он был «гулящим человеком», видимо, из тех, кто имел веские основания опасаться государева сыска. Не так давно прошла по Руси первая крестьянская война, и кто мог поручиться, что тот, кого сегодня называли Пендой, не стоял бок о бок с Иваном Болотниковым под Кромами, не топил боярские войска на среднерусской речке Пчельне, не окропил своей кровью не-

приступную крестьянскую крепость Тулу?.. А коль минула пыточная дыба, прямой путь — на дальние земли.

Точная дата Пендинского похода на новые земли неизвестна. Историки относят ее к 1620 году. Болотников погиб на двенадцать лет раньше. Куда ушли эти годы?

Нет, не мог сразу решиться наш герой на столь трудное путешествие. Да и какая дружина взяла бы себе в вожак новичка, только ступившего на незнакомую землю? Пенда хаживал с оленней самоядью к морю-океану, промышляя зверя и рыбу близ угорских берестяных юрт. Он научился выдалбливать быстрые верткие лодки, ставить ловчие ямы на лосей, делать пряжу и сети из крапивного волокна, находить в глубоком лесу целебную пчелиную борть. Он прознал все звериные хитрости и повадки, на много дней вперед угадывал по небу и ветру непогоду, мог толмачить на разных языках окрестных народов. И лишь тогда ступил на самую главную в своей жизни тропу.

Ну, а дружина? В сибирских путевых заметках российского академика И. Гмелина, вышедших два века назад, есть многозначительная фраза: «Пенда... хотел с сорока человеками частью в России, частью в Сибири собравшегося народа искать свое счастье...» Сорок человек для такого похода — самая малость. Видно, крепко верили они друг в друга. «Частью в России собравшегося...» Может быть, потому и верили, что многих из них сплывали не только загляд на новые земли, на обильные соболиные уголья, но и общее бунтарское прошлое?..

Каждый из нас создает для себя даже внешний облик героя. Пенда видится мне поджарым, стремительным, остроязыким. На вид не мощен, на голос не зычен. Ни в одежде, ни в обиходе он не отличался от своих дружинников. Только глазом острее да разумом обширней. Воля, гибкий ум — вот что выделило его среди равных. Словом, не осанистый Ермак Тимофеевич, а неистовый Хлопуша — таким увидел я вожака первого заенисейского похода. И еще одна черта, сближающая два этих имени: как в следующую крестьянскую войну Хлопуша будет опираться на уральских крепостных рабочих, так и его предшественник держал опору на местный сибирский

люди, с которым успел сойтись за десять-двенадцать лет общей судьбы.

Однако воображение может увести слишком далеко. Вернемся к самому путешествию.

...Зима в Мангазее — время тихое, подбористое. На гостинном подворье пустынно — торговые люди по верховым русским городам поразъезжались, промышленники за соболем подались. В приказной избе воевода цыфирь нижет — царский ясак Москве отделил, своим прибыткам счет ведет. Служилые по домам бражничают — скоро снова в тундру за ясаком идти. Только посадскому люду не с руки гулевать — загода к ярмарке припасы готовь. Жужжит-поет гончарный круг, сыплет искрами кузня, шорник олений товар костяшкой скребет.

В кузне — гость из Туруханского зимовья, артельный передовщик Пенда. Еще с осени заказ изладил: топоры, крючья, гвозди, всякого железного товара довольно. Расчет — соболями.

Пенда придирчиво оглядывал изделие — чуть не на зуб пробовал. Потом вытащил из просторной холстяной сумы пышную шкурку, расправил на весу, подул бережно. Заискрился буроватый густой мех. В темной кузне ровно светлее стало.

— Хороша, — грубые пальцы кузнеца с неожиданным проворством мяли мех. — Когда упробыл?

— По эту зиму. — Пенда вытащил еще одну шкурку, затем другую, посветлей и поуже. — Пупками собольими возьмешь?

Кузнец утвердительно кивнул головой. Отчего не взять, подбрюшный мех тоже в хорошей цене. С тщанием проверил каждую шкурку. Судя по всему, обе стороны остались довольны торгом.

— Завтра поутру нарты подгөню, — предупредил Пенда.

— Добро. Пойдем в дом, отобедаем. Они вышли на улицу. Было морозно, но безветренно. Сумрак ночи скрывал очертания окрестных строений. Мангазее засыпала рано, только время от времени из крепости доносился обычный сторожевой окрик: «Слу-ушай!» Он начинался у Давыдовской башни над Тазом-рекой, перекатывался на Зубцовскую, Ратилловскую, Успенскую, завершался у вьездной Спасской башни. Воротник — специальный страж крепостных ворот — ответно восклицал:

— Слу-ушай! — и успокоительно стучал в деревянную колотушку.

— Много припасу взял, — под валким шагом кузнеца снег жалобно постанывал. — Далеко путь держишь?

— На новые земли. Сказывают, по Нижней Тунгуске соболиные да бобровые гоны непуганые. Дале река — Енисей пошире.

— От кого прознал?

— С остяком на промысле побратался, из-под медведя едва живого вытащил. Он сам по Тунгуске хаживал, у нас вожем будет.

— С вожем хорошо — дорога знамая. А хозяин кто ваш?

— Нам хозяева и в России осточертели, — усмехнулся собеседник. — Артелью собираемся. Две зимы на припас робили.

— Артель-то какова? Свойственники есть?

— Разные, — неопределенно ответил Пенда. И горьковато добавил: — по батогам свойственники, куда ближе.

— Ну, бог в помощь, — понял кузнец. — Вот и пришли. Ух, сытным духом несет — не иначе, женка тайменя запекла.

На следующее утро Пенда возвращался в зимовье. Подворье запрудили нарты, тяжело груженные товарами, загодя купленными на летней ярмарке. Артельные товарищи и проводники из ближнего к Туруханску остяцкого стойбища туго увязывали мешки с мукой, упругие тюки сермяжного сукна, неводных и соболиных сетей, овчинных одеял и шубных кафтанов. На особицу лежали тщательно охраняемые запасные ружья, огненный припас и разный меновой товар: котлы медные, слитки олова, охотничьи ножи разных форм и размеров, рассыпное богатство многоцветного бисера и одекуя — дешевых прозрачных бус, до которых столь охочи таежные человеки. На эти товары путники возлагали большие надежды.

Пора в дорогу. Пенда стоял на ближнем пригорке, вспоминая, все ли излажены дела. Амбары опростал, заказы получил. И еще одно заделье, особого свойства.

Пожалуй, он больше других своих спутников понимал, сколько опасностей таит в себе будущий поход. Не все вернутся из него вживе. Потому последнюю ночь в Мангазее провел с верным, а главное, грамоте ученым человеком. Полную ночь записывал тот «скаску» Пенды о всей его многотрудной и многопечальной жизни. Уговорились, если на третью осень за бумагой никто не придет, сам писец, идучи в Россию, перечтет ее в дальнем калужском сельце матушке и жене. Чтоб знали те, какой тяжкий крест выпал на долю их сына да мужа, чтобы ведали, где и почему сложил он буйную свою голову, беглым ходом уйдя в стылую Сибирь.

Занимался поздний несмелый рас-

свет. Избы тонко курились домашними дымками. Пенда в последний раз оглядел Мангазею, размашисто перекрестился на островеерхий купол Успенской церкви — доведется ли еще раз повидать шумный град?.. И решительно направился к передней нарте:

— Поехали.

Добрались до Туруханска беспечально. Остаток зимы мастерили плоскодонные дощаники и вместительные каюки, промышляя на запас съестного зверя — лося, дикого оленя, вили крепкую бечеву для сухопутного лодочного волока. Тайком от приказных людей, ослушаясь царского запрету, припрятали котел с трубами винного куренья. Едва прошел на Енисее ледоход, вся дружина — сорок добрых молодцев — сплыла на Нижнюю Тунгуску и пошла под парусами вверх по незнакомой реке.

Так начиналось это беспримерное по замыслу и отваге путешествие.

Год первый. Тунгуска норов показала сразу. В половодье река — ровно море, в однорядь двух берегов не видно. И вдруг буря. Едва в затишек спрятались. Два паруса сорвало, пришлось на земле чиниться. Через несколько дней берега совсем сошлись, над рекой скалами нависли. Издалека слышно, как грозно ворчит стиснутая камнем вода. Большой Порог — уже тогда его так называли. На веслах не выгрести, хочешь не хочешь, бечеву заводи. Вся дружина впряглась по-бурлацки, далеко внизу скорлупой бултыхался в белой пене вместительный струг. Так, по одной посудине, и провели весь самодельный флот. Дальше пошли.

С волнением разглядывали дружинники новые земли. Тайга становилась все дремучее. Зеленели молодыми мягкими иголками матерые лиственницы — единственное хвойное дерево с облетающим на зиму нарядом. В тени древних кедров прятались кусты дикой смородины. На стоянках — они обычно бывали перед порогами — запускали невод и кормились ядерной ухой из осетра, сига, хариуса. Пенда распорядился остатний улов солить впрок, и над караваном разносился духовитый рыбный запах.

Однажды они увидели на берегу трех человек в непривычных меховых кафтанах и унтах из звериных шкур. «Тунгусы», — догадался Пенда.

— Причаливай к берегу! — скомандовал он головной лодке и зазывающе

помахал незнакомцам руками: подходите, мол.

Но люди в меховых кафтанах исчезли. Лишь когда лодки снова отправились в путь, просвистела стрела. Одновременно послышался громкий голос:

— Химилген! Хавун!

Проводник-остяк тревожно оглядел чужую вестницу. Так и есть: стрела войны. Пенда досадливо хмыкнул — тайги, что ли, не хватает. Но, на всякий случай, приказал быть поосторожнее.

С тех пор жизнь отряда стала беспокойной. Время от времени немирные тунгусы устраивали засады. Вывернется лодка из-за поворота — на нее сразу туча стрел. Несколько дружинников были ранены. И однажды Пенда разрешил ответный залп.

Тунгусов словно ветром сдуло, — они впервые испытали огненный бой. И исчезли надолго. Дружинники повеселели. Только проводник недоверчиво мотал головой — не иначе измыслили что-то.

Коротко лето в здешних местах. Вроде, недавно солнышко с неба не сходило, трава в рост пошла, цветы покрасивели. А вот уже дожди зарядили, по ночам холодеть стало. Да и река изменилась: русло извилистое, берега низкие, болотистые. Вода спала. На перекатах лодку без шеста не протолкнешь. С каждым днем труднее идти. А однажды...

Тунгуска изгибалась змеей, и они были на самом повороте крутой петли, как вдруг головная лодка остановилась, словно споткнувшись на ходу. Узкое русло перегородила стена сваленных поперек деревьев.

Так вот какова она, тунгусская месь! Пенда выбрался на берег. Могучие, в полтора обхвата, стволы лиственниц протянулись через русло реки, сплетаясь крючковатыми колючими ветвями. Видать, немало сил положили тунгусы на этот заплот — ден за пять не растащить. А надо ли?..

Дружинники, радуясь неожиданной остановке, уже разложили костер, запускали невод. Кто-то из молодняка, взобравшись на высокое дерево, громко сообщал о виденном окрест. А Пенда все размышлял, сидя на свежесрубленном пенке.

Остяк говорит, всю Тунгуску уже не пробежать, зима вот-вот подступит! Все одно садиться на промысел надо. Чем не место?..

Он позвал десятерых самых шустрых сотоварищей. Разделил по трое, велел с великим береженьем прознать, угодлива ли тайга, много ли соболиных и прочих иных следов. Вечером, получив добрые вести, собрал дружину.

— Будем зимовье ставить, — он усмехнулся, показав на древесный завал. — Спасибо, тунгусы помогли, доволь-но лесу заготовили. В осень да зиму на

соболя пойдем. О следующей весне сплывем дальше.

За первую навигацию Пенда с дружиной прошел почти 1800 километров вверх по Нижней Тунгуске. Его стоянка у впадения речки Нижняя Кочема сохранилась в истории под названием Нижнего Пендиноного зимовья.

Год второй. Вешняя вода сама унесла по течению остатки тунгусской загороди. Но Пенда не спешил покидать зимовья.

Куда идти? Надо бы до конца одолеть Тунгуску, однако трудно. Весна нынче поздняя, воды мало — опять шестами пробиваться. Да и жаль, признаться, оставлять уловистые уголья. Вон сколь мягкой рухляди назверовали...

Он сортировал просушенные и малость очищенные от нутряного жира шкурки. Каждая холстяная сума ровно на сорок соболей. Сколько мешков — столько сороков. Долго им терпеть до ярмарки. Когда еще вернется дружина в Мангазею?

Рядом лежат тугие соболиные мешки. Хорош в здешних местах соболь, спелей енисейского — цветом ярче, остью крепче и мехом пышнее. А бобр и того лучше — настоящий черный бобр, шуба без износу. За такого любой купец четыре рубля отвалит, не покривится. Ярцы — годовальные бобры, — конечно, подешевле, но тоже немалый прибыток дают.

И остальная пушнина по своим мешкам: белка осенняя и вешняя, горностай белый и чальный, росомаха большая и малая, разная там волчина, заячина, лисий лоскут — все в дело пойдет. Тут же кожи лоскутные крепкие — мясо поедено, а их хоть на обувку, хоть на постель.

Однако, думай не думай, а идти надо. Они продолжили на лодках свой дальний путь. И встретили сильное сопротивление тунгусов.

Те и прежде баловство учиняли, на зимовье набегать пытались. Их легко отгоняли, — что можно луком да стрелами супротив ружья-пищали сделать. А тут заволновались, видать, не хотят дале пускаться. Что ни день, то бой, что ни бой, то увечье. Осерчали россияне, однажды засаду вперед выставили. Тунгуса одного и половили.

Стоит он, росту маленького, черный волос позади в косицы убран. Одежда — одни шкуры. Глазами по сторонам зыркает, что-то свое лопочет.

Пенда сам толмачить взялся — со-

всем непохожий разговор. Остяк-проводник на подмогу пришел — тоже не шибко складно. Больше на пальцах разобъясняли: передай, мол, своим, что не с руки нам битвы заводить, тайги всем достанет. Давайте торговать лучше. Меновые мешки на его глазах распечатали, в медный котелок олова и бисера положили. Подали честь-честью. И отпустили с богом: ступай, мол, ответа ждем.

День ждут, второй — тихо, ровно нежиль вокруг. О третий день дареный котелок подкинули, и в нем товар нетронутый. Не хотим, значит, торговать, будем воевать. Что с ними, непонятными, делаешь!

Пока на месте стояли, тунгусы не нападали — может, надеялись, что пришлые люди назад подадутся. А только пошли дальше — сызнова бои начались. Да еще хлеще — стрелы со всех сторон, как осы жужжат. Самого-то лучника не видно, за деревом спрятался. К берегу подчалят — опять нет никого.

Совсем неважно стало — вот-вот кого-нибудь жизни решат. Собрал Пенда дружину:

— На реке много народу может лечь. Бой на берегу примем.

Всего за второе лето прошел отряд не более ста верст. Около речки Средняя Кочема разбили укрепленный лагерь. Его назвали потом Верхним Пендиным зимовьем.

Пока строили жилье, немирная ватага изрядно донимала. А зима подступила, тунгусы разошлись по охотничьим тропам — самим есть надо. Дружина только того и добивалась. Укрепу в зимовье оставили, остальные тоже пошли на промысел. Много зверя набили, мягкой рухлядишки заметно прибавилось.

Год третий начался успешно. За зиму лодки подделали, паруса новые пошили. Лед прошел — сразу выступили и без всякого разбою поднялись до самых верховий Нижней Тунгуски.

Вот и волок. Где же тунгусы? Неужто отступились? Хорошо бы, только нет тому веры. Может, какую пагубу измыслили?

Пока дружина готовила струги к пешему ходу, Пенда выслал вперед лазутчиков. Вернулись они к следующему вечеру: до новой реки верст двадцать будет, волок слабоезженный, две горушки. Тунгусов не видать.

И все-таки предчувствие опасности

не оставляло Пенду. Он понимал: эта тишина неспроста. Усилил караулы. И хотя было не очень сподручно, велел тянуть струги так, чтобы все они постоянно оставались на виду.

Ох, и тяжкая эта работа — вести суда волоком! На суше струги становятся тяжелыми и неуклюжими, как вытасченные из воды огромные рыбы. Десятка два дружинников впрягаются в бечеву, выбиваясь из сил, тянут лодки по неровной

земле. Добро бы всем сразу навалиться, да нельзя — караван по разным местам раскидался, его охранять надо. А к ночи вместе сберутся, костер разожгут, — кого прямо у огня тяжелым сном разморит, кто в лодке местечко отыщет. Только караул службу несет. Да сам Пенда думами мается.

Вот и третья осень подошла. Сей порой обещался в Мангазею возвратиться, а еще на новую реку не вышел. Писец в

Россию уйдет, дома похоронят. Может, назад повернуть?.. Рухлядишки довольно, чего от добра добра искать. Нет, решили новые земли прозвать, от того не отступимся. Обидно — с тунгусами ни дружбы, ни мены не вышло. Чует сердце, что-то готовят супротивники. Где они сейчас?..

А тунгусы были рядом. Пока дружина с превеликим трудом волокла по суше громоздкие струги, одолевая в день по версте не более, со всех концов тайги на тропу войны сходились воины племени. Вопреки обычаю, они не разжигали костров, не устраивали шумных поклонений духам. Племя скрытно готовилось к решающей битве.

В тот день дружинники собрались поднимать лодки на Юрьеву гору. Уже стоял глубоко вкопанный в землю ворот, и крепкие бечевы тянулись от него к стругам. Уже ухватились за следи, поплевав на ладони, самые крепкие молодцы. Вдруг из-за деревьев послышался громкий клич войны:

— Химилген! Хавун!

Все мгновенно изменилось. Тайгу огласили истошные крики, пронзительный свист, гулкие удары священных бубнов. Со всех сторон в пришельцев летели сотни стрел. Они только искали первую цель, а их догоняла уже новая лавина пернатых молний. Вот схватился за грудь бородатый детина, у другого плетью повисла рука, побагровело грязно-серое сукно кафтана. А к лодкам, к вороту, к сваленным в груды пожиткам уже бежали немирные людишки, посылая на ходу новые стрелы.

И грянул залп.

Нет, не зря Пенда держал наготове караул — только ему обязана дружина спасением. Еще немного, и, схватившись врукопашную, тунгусы подавили бы пришельцев числом. Но огненный бой сделал свое дело — в ужасе перед ним племя отступило.

Было еще несколько набегов, и каждый раз ружейные залпы разгоняли нападавших. Но осада продолжалась. Враждебный круг костров окружал по ночам лагерь. Лили дожди, их сменил первый снег. Пришлось прямо на Юрьевой горе строить третье зимовье.

Это была самая трудная зима. Тунгусы долго не разжимали кольца, и дружинники изнывали от тоски и безделья. Потом кончился хлебный припас. Благо,

год был урожайный на белку — ее нежное, слегка припахивающее хвоей мясо стало существенной добавкой к соленой рыбе и лосятине.

Но самая страшная беда пришла позже. Она звалась цынгой. Эта болезнь дальних походов отнимала у недавних силачей волю, делала их вялыми, равнодушными. Синели губы и уши, кровоточили десны, выпадали зубы. Пенда сам варил хвойный настой и чуть не силой заставлял всех пить его. С помощью здоровых дружинников он прибил к стругам полозья и по последнему снегу проволочил их, ровно сани, к берегу новой реки, в том месте, где стоит сейчас тихий городок Чечуйск.

А на Юрьевой горе остался вечной памятью простой деревянный крест — первая русская могила в этих местах...

Год четвертый. После трех лет изнурительного движения встреча воды нынешний путь вниз по течению казался легким и стремительным, как полет птицы. Вот какова она, новая река! Дружинники с интересом оглядывали крутые каменистые берега. Голые скалы, словно таинственные терема, уходили вершинами к самому небу. Порой прямо на русле реки возникали острова, зеленые от леса и весеннего разнотравья. Они манили покоем. Кажется, так и осели бы здесь — отдышаться после надоевших странствий, пощекотать сохой щедрую нерожавшую землю. Однако, надо спешить — летняя пора красна, да недолга.

Вода тянула струги за собой. Время от времени горы будто разрубались гигантским мечом — это новый приток отдавал реке свои воды. На скрещении потоков берега были положе, в окрестных лугах бродили тысячные табуны коней. Люди, с которыми доводилось встречаться дружине, были росту мелкого, лица круглого, глаза узкого. Они называли себя саха, а главную речку свою — Елюэне. Русские сразу спохобились на родное женское имя Лена.

Саха были, не в пример тунгусам, людшками мирными, потчевали гостей из кожаных бадеек хмельным кобыльим молоком-кумысом, рассказывали, что ниже по реке живет их наибольший человек — тойон Тыгын с главными людьми племени. Пенда положил дружине зарок — добраться до этого Тыгына, а уж потом возвратиться назад, домой.

С каждым новым притоком Лена ста-

новилась все многоводней, все обширней — впору с Енисеем тягаться. Уже берега разошлись так, что не углядишь одним глазом, и от разбойного ветра струги бежали в подбережный затишек. Однажды, когда гигантский меч снова рассек гору, Пенда увидел рассыпанные по пологим склонам безоконные избенки. Это и оказалось стойбище тойона Тыгына — будущий Якутск.

Толмачить с сахами, а иначе — яку-

тами, было легче — кой-кто из дружинников по-татарски баял, общих слов довольно. В первый же день Пенду с товарищами позвал в гости сам тойон Тыгын. Был он стар, дороден, на разговор мягок. Спросил, откуда явился. Про Мангазею слышал — удивился, сколь с дальних землиц пришли, такого еще не бывало. Повторил неумелым языком: «Руски» — русские, значит. Трижды в ладошки хлопнул.

Слуги набежали. Блюда красивые, а на них снеди разной: мясо вареное и жареное, масло, творог, сметана бадейками. Наши по молочному соскучились, все подчистую гребут. Пенда тоже расстарался: бисеру надарил, брусочек олова. Вино поднес — не зря котлы в такую даль везли. Захмелел Тыгын, совсем веселый стал:

— Завтра мену делать будем!

Правда, сошлись с утра все якуты. Пенда мешки меновые раскрыл, на торг зовет. Поначалу сторожились. Потом разошлись, смотришь, и соболя понесли. Медвежьих да волчьих шкур много — видно, скот от них немалые потери терпит. Ножи да бисер сразу раскупили, мешки совсем опустели. Якуты все ружья выторговывали, однако Пенда не продал — нельзя инородцев к огненному бою приучать.

Несколько дней провели дружинники в стойбище Тыгына. Наступил самый травостой, и якуты косяными косами заготавливали на зиму сено для коров. Повсюду бродили грубошерстные коротконогие лошади, чаще всего саврасой масти. Несмотря на маленький росточек, они были сильными и выносливыми. «Наверное, в пахоте хороши», — мечтательно приглядывались к ним недавние средне-русские крестьяне, ставшие сибирскими охотниками. Но проверить в работе не могли — скотоводы-якуты земледелием не занимались.

Несвычная, иная жизнь... На каждом шагу она удивляла. Станные жилища без окон, их называли юртами, — не то изба, не то чум. Лесу вокруг — хоть завались, а стены из наклонных жердей, снаружи обмазаны глиной. Внутри две половины — одна для людей, другая для скота. У входа сушатся сети из конского волоса. Мужики загляделись на них. Заметив это, пожилой якут, улыбаясь, подал одну такую сеть дарящим жестом: мол, гостям, в память. Сразу

пошли на реку — хорошо. волос рыбу держит.

Народ приветливый, трудящийся. Только и тут правды нет — у тойона одних слуг да работников не счесть, скота, коней тыщи, а рядом бедняк, только и есть, что руки. Вот, сколько годов от бар бежали, к тому и пришли.

Долго ли, коротко ли, а время торга и гостевания кончилось. Однажды Пенда велел: на завтра собираться в до-рогу.

И снова Лена, теперь уже знакомая и привычная. От одного чувства, что трудный поход позади, на душе вольготно. Обратный путь кажется проще, быстрее. В стругах много доброй добычи — не с голыми руками возвращаются. А уж разговоров, побывальщины — на всю остатнюю жизнь хватит. Оттого так озорно и шуткуют дружинники, так весело разливается излаженный кем-то из умельцев пастуший рожок.

Пенда по обычаю плыл на головном струге. Он пристально оглядывал лесистые берега, словно врубая их себе в память. «Река угодна, и рыба в той реке всякая такова ж, что люди на той реке живут многие». «Мелким судам ходить не можно».

Первые россияне на Лене... Он представил себе, как рассказывает о новых земляцах в Мангазее, как добрая весть доходит до Москвы, и царева ласка — бывало такое — круто меняет жизнь опального холопа. И тут же вспомнил друга Ивана Болотникова, ослепленного и утопленного государем. Нет уж, избавил бог от царской казни, избавь и от царской ласки...

Показался и мимо промелькнул памятный Чечуйский волок. Еще раньше всей дружиной решили на Нижнюю Тунгуску не возвращаться — то ли опасались мирных тунгусов, то ли манил новый путь на Енисей, прозванный от якутов. Поднявшись вверх по Лене до устья ее притока Куленги — здесь стоит сейчас поселок Верхнеленск, — дружина с грустью бросила ставшие родными струги. За последнее лето она прошла водой около 4000 километров по вновь открытой сибирской реке.

Пенда с товарищами взошел на высокий берег. Перед ними расстилалась холмистая степь. Осень уже наступила, и густой ковыль гнул к земле свои зазорные хохолки. Вдали синели леса. Невдалеке,

среди конских табунов и овечьих стад, стояли три войлочные юрты. Из них вышли люди, схожие видом с якутами, но одетые по-иному: овчинные тулупы, покроем напоминающие бухарские халаты, круглые шапки с поднятыми кверху меховыми полями и смешным пупырышком на самой вершинке.

«Братские татары» — безошибочно определил по рассказам якутов Пенда. Он показно положил оружие наземь и пошел навстречу новым знакомцам.

«Браты», «братские татары» — так называли в те времена русские бурятов — встретили путешественников настороженно, но спокойно. Да, степями к Ангаре пройти можно. Насчет проводников и лошадей столкнувались быстро — пришлось Пенде потряхнуть соболиной мошной. Прикупили проса да гречи — после бесхлебной пищи на каши налегли с ретивостью. Весь день выючили припас на коней. Утром выступили в путь, догоняючи солнце.

Проводники-буряты вели караван по им одним известным тропинкам. Привычные кони ступали след в след, то взбираясь на вздыбленные холмы, то продвигаясь сквозь пихтовые заросли. Временами в открытой степи попадались возделанные поля. Ячмень, просо, гречиха уже были убраны, стерня колюче топорила среди полеглих трав. Глядя на нее, дружинники приободрились, — что ни говори, оседлым духом запахло. Но у бурятских юрт не задерживались — ледостав вот-вот, хоть бы скатиться по Ангаре до первых русских зимовьев.

В пути их догнал снежок. О третий день вышли на высокий берег. Вот она, Ангара!

Берега были белы, и быстро текущая вода казалась черной, словно кто-то, громадный и неодолимый, рассек в земле глубокую щель. Буряты осторожно свели лошадей вниз, к самой реке и сразу засбирались назад. Дружина с великим торопленьем принялась рубить лес, ладить лодки для остатнего походу.

Спусти два дни она уже плыла вниз по Ангаре.

Течение ходко несло за собой еще пахнущие свежей смолой струги. Пенда с опаской следил за их осадкой — разве из сырого леса добрые лодки выйдут? Однако суденышки держались на воде стойко. Первыми из русских людей дружинники одолели «падуны» — реву-

щие пороги Ангары, проплыли мимо нынешних Братска и Усть-Илима, вышли на известную уже русским землепроходцам Верхнюю Тунгуску. Попутно они впервые доказали, что Ангара близ Байкала и Верхняя Тунгуска возле Енисея — одна и та же река.

Но одолеть ее до конца все же не успели — мороз опередил их. Когда Ангара круто повернулась на запад и раздалась вширь, замедлив свое течение, ее сразу сковало льдом. Проснулись однажды — впереди и позади сплошное ледяное поле.

Русское ясачное зимовье было уже рядом. Как героев, встретили землепроходцев служилые казаки. Предлагали отдышаться до весны, первым речным ходом сплыть к Енисею. Однако какая-то неведомая сила гнала дружинников вперед. С трудом насбирав в округе коней и оленей, они продолжили путь санным и нартенным ходом.

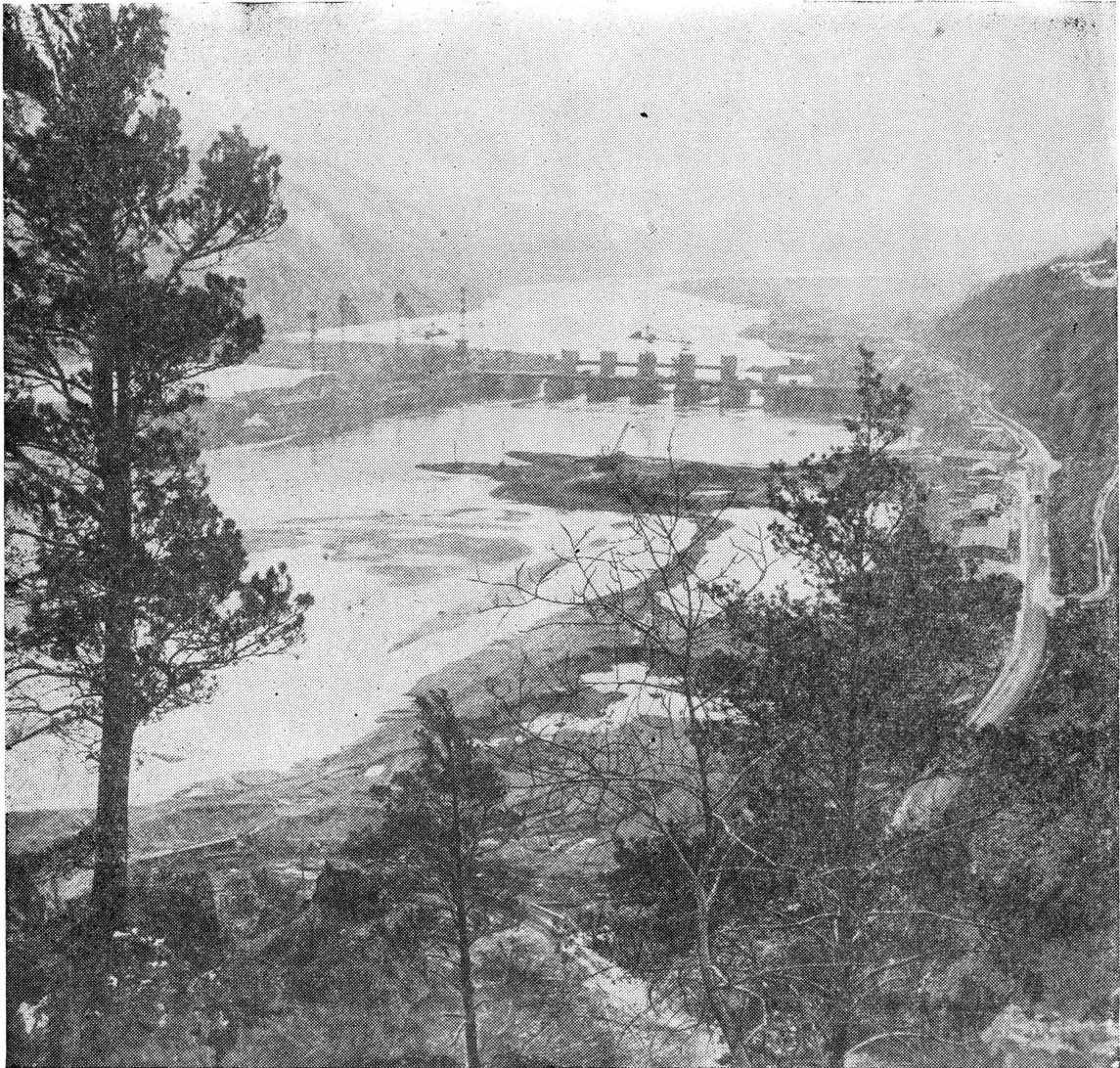
Четвертая зима уже шла на убыль, когда отряд появился в Енисейске. И сразу за льдом, изладив новые — третьи в этот поход — струги, сплыл в Туруханское зимовье. А уж оттуда до Мангазеи — рукой подать. В то лето торговые гости из верховных российских городов за великую на ярмарке удачу почитали куплю ленских бобров да соболей.

Так завершилось это головокружительное сибирское путешествие, выдающееся по своей отваге и значению.

За четыре года отряд Пенды прошел водой и сушей 8000 километров, проведя три больших реки, познакомился со многими народами, населяющими Сибирь. Именно он, мангазеец Пенда, подготовил стремительный рывок русских землепроходцев к Тихому океану. Тем более удивительно, что сама личность Пенды и его беспримерный поход до сих пор остаются в тени.

Что случилось с Пендой и его добрыми молодцами в дальнейшем? Почему не дошли до Москвы известия об этом путешествии-подвиге? Куда девались «чертежи» и «скаска» странствий? Пока это нам неизвестно. Видимо, челобитная мангазейского воеводы Андрея Палицына царю Михаилу Романову о завоевании Лены основывалась на сведениях, добытых Пендой.

Нужно искать. Подвиг Пенды «со товарищи» заслуживает памяти потомков.

Почти в центре Азии, в Саянских горах берет свои истоки могучий Енисей — одна из самых «электрических» рек мира.

ДИВНЫЕ ГОРЫ

Сейчас уже, наверное, не узнать, кто назвал эти горы, зажавшие Енисей в тесном русле, Дивными. Да и известны они были немногим охотникам, редким туристам и капитанам, с трудом поднимавшим сюда, вверх по быстрому и сильному течению, свои корабли... А потом пришли строители, и горы отдали свое имя городу.

Но не город прославил Дивные горы, а гидроэлектростанция. Со временем наша станция станет крупнейшей в мире, и когда ее по ошибке вместо Красноярской называют Дивногорской, а иногда и Дивной, я думаю, что это сама история пытается восстановить справедливость, потому что трудно удержаться от восхищения, когда видишь стометровую бетонную плотину, перекрывшую одну из самых могучих на земле рек.

Плотина, а вместе с нею и Дивногорск, выросли на моих глазах. И теперь, когда я пытаюсь вспомнить, как это было, на память приходят вдруг то сталактиты в плотине, то первая тропка от города к Енисею, то медведь, с изумлением оглядывающий гигантский кабельный кран.

Как рождается море

Енисей перекрыт. Все больше воды остается перед плотиной, все меньше прорывается через донные отверстия. Уже не видно верховой перемычки. Уходят под воду острова, нежно-зеленые березы. Тонут сосенки и машут ветками на прощание.

Кажется, сама весна уходит от нас под воду. И какую-то грусть наводит море, будто что-то

у тебя отнимает. Еще вчера по его дну ты ходил, работал, а в плотину, которая сейчас, кажется, тонет, вложил кусочек своего сердца.

А море разливается, поднимается. Пара трясогузок невысоко от воды на водосливном щите устроила свое гнездо. Они и не думали, что их дом скоро zalьет. А потом забеспокоились. Успеют ли вывести потомство?

В ветреную погоду на воде уже рождаются невиданные в этих таежных краях волны. С каждым днем волны становятся крупнее, все громче бьются о камни, все дальше выбегают на берег...

Сталактиты

Работаем на самом дне плотины, в коллекторе. На нас резиновые костюмы. Вода из моря просачивается через бетон и капает сверху. Капли стекают по стенкам трубы коллектора или собираются на потолке и падают вниз. Только уж очень большие капли висят. Протягиваю руку, чтоб столкнуть одну, а капля оказалась твердой, как бугорок на лбу молодого бычка. А, догадываюсь, сталактиты! Вода проходит через плотину, накапливается известь, и вот над нашими головами выросли каменные сосульки. А глядишь, через десятки лет туристы будут так же спускаться сюда и смотреть на них, как мы сейчас ходим смотреть сталактиты в пещеры. И будут удивляться — не станции, а вот этим сосулькам.

Бетонная дорога солнца

Утром над котлованом и станцией долго висит светло-серый сумрак. Он обещает морозный, ясный день. Но солнце уже ходит над горизонтом низко, а наша плотина настолько поднялась, что к нам, на здание ГЭС, его лучи доходят лишь к полудню. К полудню над прораном появляется низенькая, прозрачная и несмелая радуга. Только после этого мы видим краешек солнца. Солнце катится как раз по верху плотины, не поднимаясь, не опускаясь, и кажется, что специально для него мы подняли к небу эту гигантскую бетонную дорогу.

Перемирие

На время морозы отступили. Небо покрылось редкими облаками. Сквозь них проглядывает солнце, обливает расплавленным золотом горы, режет глаза. Енисей спокоен. Он словно не обращает внимания на мороз. Но тайная война не прекращается. Как-то вдруг и в теплую ночь замерзла протока, а перед самым Новым годом успокоилось подо льдом море. Вскоре сам хозяин тайги — медведь прошел по нему на виду у всей стройки, словно проверил прочность льда, на середине пути вдруг остановился и оглядел краны, кабели, мачты и нас.

Но ниже плотины все так же темнеет бугристая холодная вода. Второй месяц уже нет больших морозов. Но они придут еще. Будут схватки и будут туманы под Енисеем, как дым над полем сражения. Пока еще наша плотина напоминает гигантскую бетонную стену, подготовленную под штукатурку, — столько на ней разной арматуры, опалубки и труб. Но со временем все лишнее уберется и станет плотина монолитной, как скала.

Первая тропа

С вечера пошел крупный и густой снег. За ночь он засыпал ровным слоем дороги и тропинки.

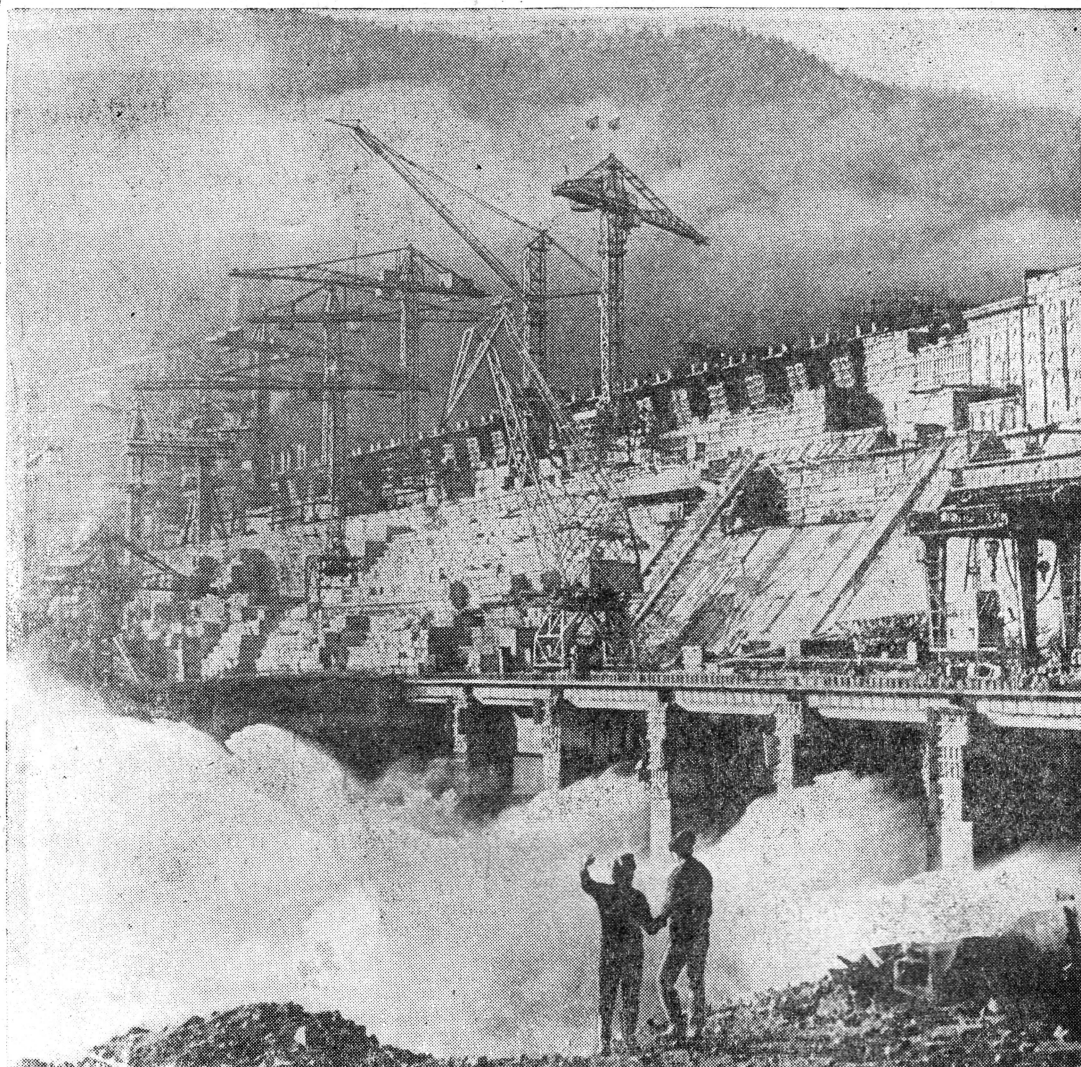
Утром мальчик обрадовался ему и побежал в школу по целине так, будто ловил бабочку. Школа у мальчишки внизу, где стройуправление, и за ним шел на работу мужчина, задумавшись и не поднимая от следа глаз. А за мужчиной просемила женщина. Она тоже торопилась, и со стороны показалось, что коротенькие ноги в валенках, путаясь в полах длинного пальто, едва успевают за хозяйкой.

А потом вниз к Енисею в засаленной мазутом телогрейке прошел парень. Парень шел лениво, вразвалку и наслаждался чудесным зимним рассветом. Потом прошла в школу девочка в коротком пальто. Она, как балерина, шла на носках, высоко выбрасывая свои длинные ноги в белых меховых сапожках, и казалось, что она боится запачкаться о снег. А за девочкой вереницей потянулись монтажники, с ними и я. Шли мы не торопясь, перебрасываясь шутками, словечками, и под ноги, конечно, не глядели.

А когда я возвращался с работы, голодный и нетерпеливый, через поле уже была проложена торная тропа. И я удивился: «Зачем вытоптали такую вертялую тропку?» А потом подумал: как важно знать, что ты идешь первым. Наша Красноярская ГЭС — на Енисее первая. Следом за нами идут строители Саяно-Шушенской, Усть-Илимской, Хантайской гидроэлектростанций. Они учатся на наших ошибках, и как важно, чтобы они их не повторили, а пришли к своей цели более прямой дорогой, чем мы, впереди идущие.

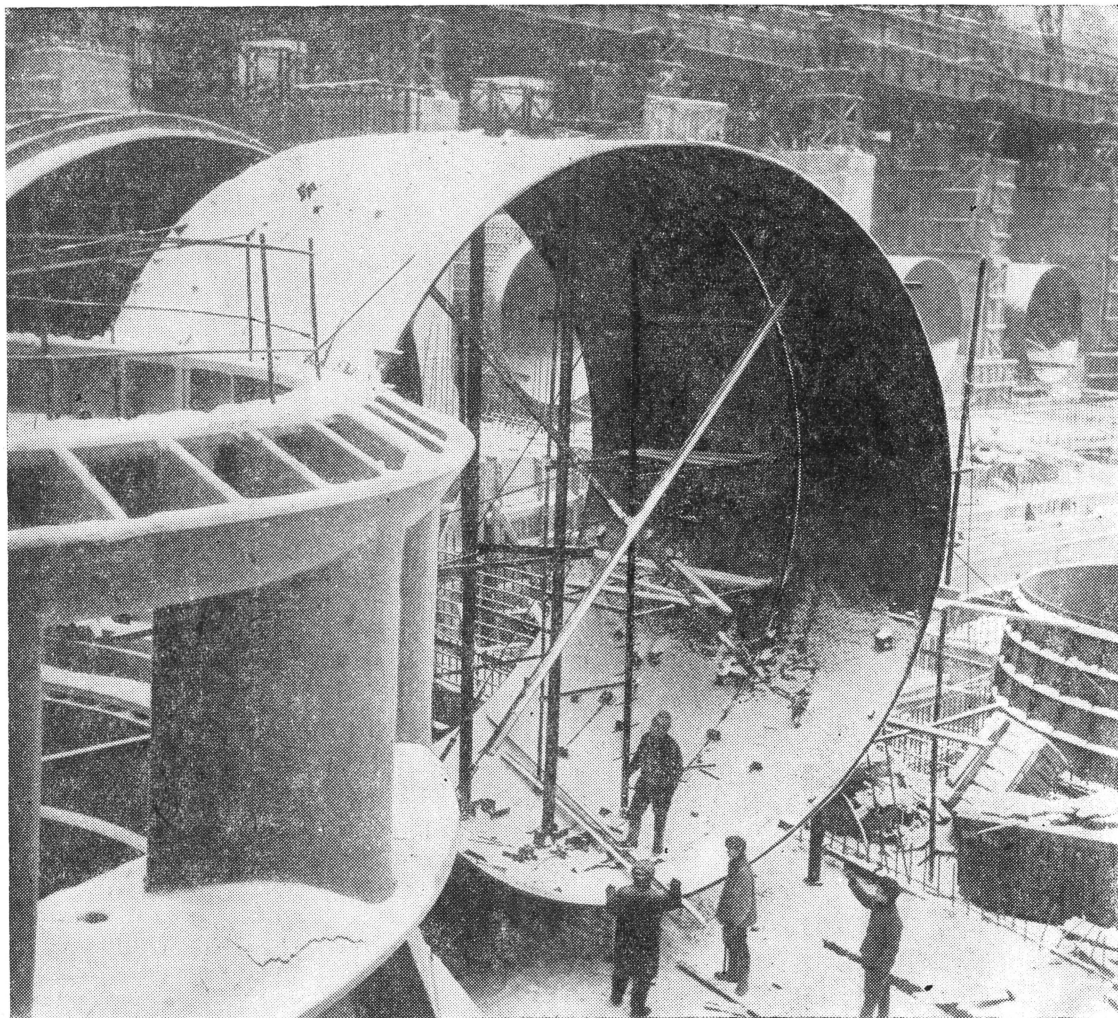
КОБЕЛЬКОВ, сварщик

ДИВНЫЕ ГОРЫ

На сто с лишним метров поднялась железобетонная плотина крупнейшей в мире гидроэлектростанции, перегородив одну из самых могучих на земле рек. Но Енисей, даже укрощенный, грозен и неистов. С грохотом и ревом, подобным старту гигантской космической ракеты, вырывается он из донных отверстий в плотине, поднимая в воздух сотни тонн водяной пыли.

ДИВНЫЕ ГОРЫ

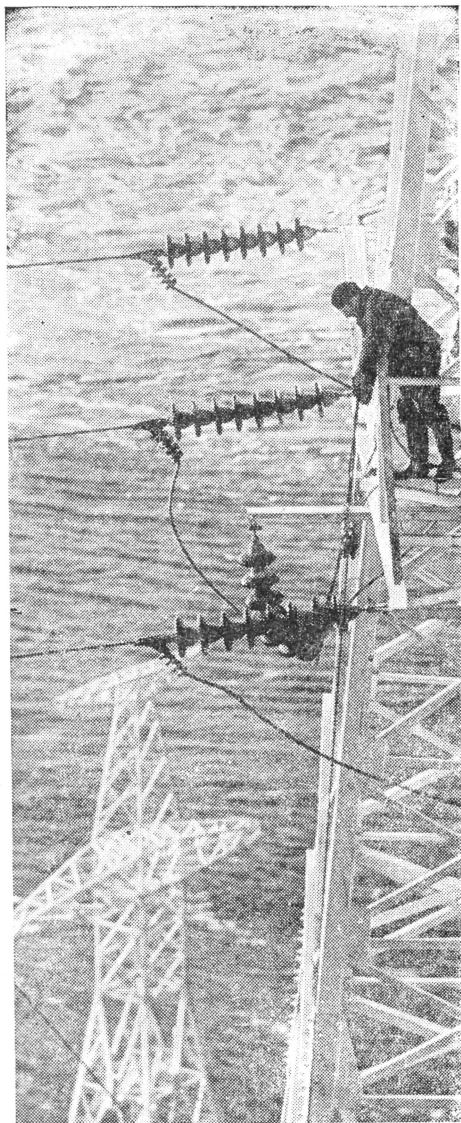

На Красноярской станции поражает своими масштабами, размерами каждый агрегат. Двенадцать гидротурбин, каждая мощностью в полмиллиона киловатт — такие турбины изготовлены впервые в мире. А рабочие колеса к ним, одно из которых видно на снимке слева, цельные, неразборные, пришлось перевозить из Ленинграда круглым путем Северный Ледовитый океан на специальных лихтерах. Но особенно поражают своими размерами трубы, по которым енисейская вода подводится к этим колесам. Наиболее удобное сравнение с железнодорожным тоннелем на этот раз кажется неточным — сквозь такую трубу может смело пролететь легкий самолет.

Поражает и удивляет и сам Дивногорск, вытянувшийся недалеко от гидростанции вдоль правого берега.

Город расположен своеобразными ступенями — каждая следующая улица выше предыдущей. А еще выше — скалы. Точно такие скалы и на противоположном берегу. Кажется, что они вырастают прямо из воды, и на трех-четырех самых высоких и труднодоступных пиках развеваются красные флаги, водруженные там строителями-верхолазами.

А тут же, рядом со скалами, шагают по Дивным горам мачты высоковольтных линий. Енисейская электроэнергия, бегущая по проводам, питает всю центральную Сибирь.

Сейчас на Красноярской ГЭС горячая пора у монтажников. Уже пущены в ход первые генераторы, готова железная дорога для судоподъемника, и недалек тот день, когда крупнейшая в мире гидроэлектростанция вступит в строй действующих. Это событие по решению строителей должно произойти в канун столетия со дня рождения В. И. Ленина.

Снимки Р. МАНЯФОВА 59

ОПЕРАЦИЯ

ПОДКЛЮЧИЛИСЬ ПЕРМЯКИ

Комсомольцы города Перми и Пермской области поддержали инициативу журнала «Уральский следопыт» и призвали молодежь, школьников, туристов, краеведов, всех природолюбов области принять участие в операции «Ч».

Создан областной штаб операции. В составе его представители от Пермского областного комитета ВЛКСМ, Общества охраны природы, Пермского отделения Северо-Уральской бассейновой инспекции по использованию и охране водных ресурсов, областной санитарно-эпидемиологической станции, редакции газеты «Молодая гвардия», детской туристской станции и облсовета по туризму.

Кроме областного штаба предполагается организовать четыре зональных — в городах Чусовом, Лысьве, Горнозаводске и Кунгуре.

По предложению детской туристской станции в поселках и селах, расположенных на Чусовой (на участке от устья Сылвицы до впаде-

ния Чусовой в Каму, то есть в пределах Пермской области), будут созданы постоянные посты, которые установят наблюдение за рекой, ее состоянием. Каждая сельская или поселковая школа организует постоянно действующий пост операции.

В июле — августе ДЭТС проведет рейд по проверке работы постов. Юные следопыты отчитаются о своем участии в массовом рейде по обследованию Чусовой, оказанию ей помощи.

Областной штаб еще в апреле приступил к работе. На комсомольском активе, который в том же месяце проходил в городе Перми, был рассмотрен вопрос об участии комсомольцев в охране природы. Член областного штаба операции Л. С. Кузьмина (Общество охраны природы) выступила перед комсомольцами области с призывом принять участие в массовом рейде по обследованию и защите реки Чусовой.

В. ГОЛОВКО

ЧТО ЧИТАТЬ О ЧУСОВОЙ

Чаще всего в ходу у туристов наиболее свежий путеводитель — Е. Ястребов «По Чусовой», второе издание которого выпущено Средне-Уральским книжным издательством в 1963 году.

Но пользуются и старыми справочниками-путеводителями — «Река Чусовая» Ф. П. Опарина (Свердловск, 1936), «По Чусовой» А. Анфиногенова, А. Баранова, В. Гензеля и Е. Ляшкова (Свердловск, 1931) и путеводителем «Чусовая» В. А. Воробьева (Москва, 1932).

Пригодятся и общетуристские путеводители,

вроде: В. А. Гензель «Туристские маршруты по Среднему Уралу» (Свердловск, 1952), Р. Б. Рубель «По Уралу» (Профиздат, 1953), Р. Рубель и Е. Масленников «Путешествия по Уралу» (Свердловск, 1956). А также и такие книжки, как В. К. Головки «Вдоль берегов уральских рек» (Свердловск, 1961), сборник «Голубые артерии» (Свердловск, 1936) ну и, конечно, произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка, и в первую очередь его «Бойцы (Очерки весеннего сплава по реке Чусовой)».

РЕКА ЧУСОВАЯ

Цифры и факты

● Чусовая — левый приток Камы. Принадлежит к числу крупных рек бассейна Камы—Волги. Ее длина 735 километров (по данным Географической энциклопедии).

● Чусовая принимает в свое русло до 150 рек, ручьев и ручьев. Из них наиболее значительны: левые притоки — Ревда, Сылва и Лысьва; правые притоки — Шишим, Сулем, Межевая Утка, Серебрянка, Койва, Усьва.

● Берега Чусовой издавна обитаемы: археологи обнаружили здесь следы человека, жившего в эпоху неолита и бронзового века.

● От Коуровско-Слободской турбазы до города Чусового длина реки лежит, в основном, в толщах известняков, а также песчаников и сланцев. Неодинаковые по цвету — от белого до темно-серого, с желтоватым, розоватым и другими оттенками — известняки придают берегам необычайно живописный вид.

Подземные воды, растворяя известняки, образуют пещеры. В долине Чусовой их около двух десятков. Глубина некоторых достигает 20—30 метров.

Почти все пещеры, известные в долине реки Чусовой, «слепые», то есть имеют один выход.

● Чусовая — удивительная река. По выражению В. И. Генина, «она Уралом прошла и оный расскла и пала в Каму». Начинаясь по одну сторону Уральского хребта, в Азии, она уходит в Европу.

● Планомерное заселение и земледельческое освоение бассейна Чусовой русскими началось с середины 16 века. Первым русским поселением на Чусовой были Чусовские Городки (1568 год). С 1616 года они стали называться Нижне-Чусовскими Городками. Отсюда в 1581 году отправился в поход на восток Ермак со своей дружиной.

● Первое упоминание о Чусовой в русских летописях относится к 1936 году. Позже река была изображена на «Большом Чертеже» и «Чертеже всей Сибири» С. Ремезова.

● Дно Чусовой каменистое, покрытое в большинстве мест хорошо окатанным галечником. На дне реки часты подводные камни — «таши». Они создают на реке пороги—«переборы».

● Главную красоту чусовских берегов составляют отвесные скалы, называемые здесь камнями или бойцами. Таких скал на Чусовой около двухсот. Каждая имеет свое название, свою историю, свои особенности, отличающие ее от других скал. Знамениты бойцы Горчак, Молоков, Разбойник. Они были самыми опасными для сплавлявшихся весной груженных барок. Особенно памятным на Чусовой был 1877 год, когда в течение одного только дня о камень Разбойник разбилось 23 барки и утонуло более 100 бурлаков.

● Название реки появилось в глубокой древности, поэтому трудно определить, от какого именно коренного слова и языка оно произошло. «Чусовая» — это уже видоизмененное, обрусевшее слово. По коми-пермяцки «чус» — светлый, чистый и «ва» — вода.

● Двести лет Чусовая служила транспортным путем Урала, миллионы пудов меди и железа ежегодно отправляли по ней в Россию более чем 50 горных заводов, расположенных вдоль реки.

● В XVIII веке для нужд горнозаводской промышленности на Чусовой были построены плотины и созданы пруды. Наиболее крупные из них — Ревдинский, Староуткинский, Шайтанский и другие — сохранились и в наши дни.

ИЗ НАШИХ ПРОСЫДЫ

Петр ДЕДОВ

ЛЕБЕДИНЫЙ КЛИК

Дивный закат горел в тот вечер над великим озером Чаны. Вначале весь западный небосклон был залит чистым малиновым светом, потом, когда померкло небо, малиновый свет осел, загустел, налился багрянцем, и до полной темноты все тледа и тледа темно-вишневая полоска, словно уголья умирающего очага. Но темнота держалась недолго: высветился вскоре и бордовым пожаром запылал противоположный край неба, из-за камышей поднялась огромная, алая, как июльское солнце, луна и стала медленно набирать высоту, постепенно уменьшаясь и как бы остывая, пока не превратилась в идеально круглую серебряную монету.

И в эту ночь ударил первый за нынешнюю осень мороз. Он тонким ледком схватил сначала краины недвижимого плеса, потом звездчатые кристаллы покрыли всю воду, и она отутюженной фольгой засияла под луною...

Лебеди на плес прилетели поздно. Они бесшумно покружились над седыми от изморози камышами, а когда опустились на тихую воду, то оба вскрикнули от удивления, далеко прокатившись с разлету по гладкому льду. Они неуклюже перебирали лапами, скользили и падали, потом самец решительно взмахнул крыльями, набрал высоту и, сложив крылья, камнем упал вниз. Ледок хрустнул под его грудью, и серебряные лучи брызнули во все стороны. Лебедь взлетел еще, ударил в то же самое место, и лед не выдержал, проломился, звонкие осколки раскатились далеко вокруг, а черная вода залила пробоину.

Лебеди клювами раздолбили прорубь пошире и стали медленно плавать в студеной воде, не давая ей снова замерзнуть. Птицы проделали большой путь, сильно устали с дороги. Они с ранней зари до поздней ночи летели на юг, летели отдельно от шумных утиных и гусиных

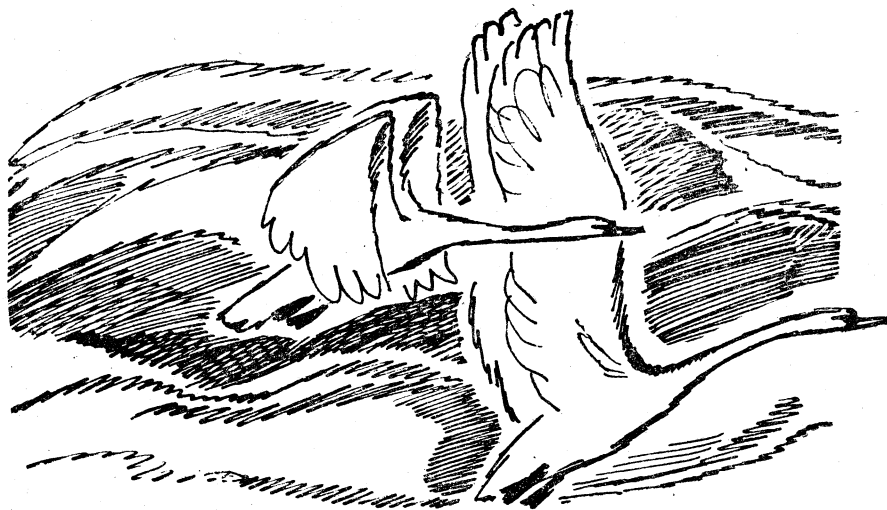
стай, нахлестанных охотничьей дробью. Бывало, что стреляли и в них, но лебеди шли высоко.

Больше всего хлопот доставляла лебедям зима, которая гналась следом за ними и, когда настигала, снежными бурями выкручивала им сильные крылья, секла, как дробью, ледяной круппой...

И вот теперь лебеди отдыхали на тихом замерзшем плесе, на одном из сотен подобных плесов великого озера Чаны.

Серебряной сказкою текла над ними звездная ночь, и сами они в лунном сиянии казались отлитыми из серебра, игрушечными, сказочными. Птицы все плавали в черной проруби, чутко прислушиваясь к далекому звукам, долетавшим с берега. Лишь на рассвете смолкли эти чуждые дикому озеру звуки. Сильно потеплело, на озеро пал густой, тяжелый туман, и лебеди, почуяв восход солнца, поднялись на крыло, и, хотя ничего не видно было вокруг в молочном тумане, их шеи сразу же вытянулись к югу, словно стрелки компаса. Птицы летели, тихо перегова-

риваясь между собой, как вдруг из камышей грохнул выстрел, и шея лебедки, тонкая и нежная, как девичья рука, надломилась.

Маленький седой старичок сидел у костра и ощипывал лебедя. Он аккуратно обирал пух с подкрылков и складывал его в газетные кульки. Но пух просачивался между пальцев и невесомыми снежинками кружил над огнем. Старичок натуживался до красноты и с треском вырывал крепкие перья.

— Прямо в шею угодил,— сказал он.— Метко стреляешь, молодец...

Сидевший по другую сторону костра парень, сын старика, поднял от книги голову и ответил как можно равнодушнее, стараясь погасить на лице радостную улыбку:

— Это что, отец! В такую мишень угодить — дело немудреное. Вот недавно на стрельбищах по летающим тарелкам били, так я из десяти девять — вдребезги.

— Метко,— снова похвалил старичок и надолго замолчал.

А парень уже не мог читать, он поднялся и стал оживленно ходить вокруг костра, стройный, подтянутый, не знающий, куда растратить свою молодую силу.

— Где-то вот читал про этих самых лебедей,— возбужденно заговорил он,— будто, убей одного, другой будет до самой смерти летать над тем местом. А то еще: будто поднимется в небо, сложит крылья и упадет камнем на землю, расшибется насмерть. Как бы не так! Когда я, значит, шлепнул эту лебедушку, так он, подлец, и единого круга над ней не сделал, шуганул прочь, только хвост мелькнул...

— Я вот всю жизнь охочусь, а лебедя не убивал,— неожиданно произнес старик.

— Это к чему? — насторожился сын.

— Рука, понимаешь ты, ни разу не поднялась на такую красоту. Святой она как бы считалась раньше, эта птица.

— А ты все тот же, отец,— помолчав, отозвался сын.— И ученикам, поди, продолжаешь свою святость втолковывать. Вот сам говоришь: всю жизнь охочусь. Если посчитать— сколько дичи загубил? Уток, рябчиков, косачей? Тоже ведь живые души. По-твоему рассуждать, так и блох, и тараканов трогать грешно.

— Не то говоришь.— Старик поднялся на ноги, стяхнул со стеганки перья.— Помнишь, у Пушкина в «Дубровском»? Горела усадьба, а в доме оставались люди, приказные, которые приехали эту самую усадьбу несправедливо отнимать у Дубровского. Так кузнец Архип, вместо того, чтобы предупредить приказных,— дверь на ключ запер, на страшную смерть людей обрек. А потом полез на крышу горящего сарая кошку спасать и сам из-за этого чуть в огне не погиб... Как это называется?

— Это называется литературой, отец. В жизни куда все сложнее. Нас вот тоже в институте учат: благородство, гуманность... А ну-ка случись война, дадут мне в руки оружие, так что, думаешь, разбираться я буду, кто мой подлинный враг, а кто обманутый, заблуждается?

Старик задумался.

— Это верно, жизнь сложна,— сказал он тихо.— Да только ведь и войну начинает, и заблуждается прежде всего тот, в ком благородство это самое из души вытравят...

Уже начинало смеркаться,— короток день

поздней осени. Тишина стояла над озером, лишь слышался изредка посвист утиных стай, что проносились высоко в поблекшем небе, да на дальних плесах тяжело ухало,— там еще стреляли охотники.

— Давай спать,— сказал старик.— Лучше завтра пораньше встанем.

Они устроились в палатке, но сон долго не приходил, каждый думал о своем, и когда сын

стал уже задремывать, то неожиданно вздрогнул от жалобного крика, который прозвучал, казалось, над самой его головою.

— Клинок-клик! Клинок-клик!

Он вскочил, путаясь в накинutom тулупе, выбрался на волю. И тут увидел: над плесом, в голубом лунном сиянии металась, плакала большая серебристая птица.

К СОЛНЦУ НЕЗАКАТНОМУ

Вожак, не замедляя лета, протрубил резко, повелительно,— и тотчас вся стая пошла на снижение. Гуси делали круги над плесами и все не решались, боялись опуститься. На землю уже не доходили солнечные лучи, и вода была алой от вечерней зари, а камыши — сумрачными и таинственными.

Кажется, ничего подозрительного не видно внизу, а гуси все кружили и кружили, не веря обманчивой неподвижности и тишине камышей. Лишь три дня назад потеряли они двух товарищей, когда вот так же шли к воде, а из густых зарослей вдруг полыхнуло...

Наконец, вождь отделился от стаи; выгнув книзу стрельчатую шею, полетал, рискуя, в разных направлениях над самыми камышами и только потом тихо опустился на воду. За ним села вся стая.

Голодные птицы расплылись по всему плесу в поисках пищи. Они ныряли на дно, раскапывали ил, жадно глотая шилки — нежные и сладкие побеги камыша. Когда какая-нибудь из птиц, увлекшись, начинала плескаться, раздавался негромкий, но сердитый гогот вожака.

Насытившись, птицы сбились у теневой стороны плеса и замерли в чуткой дремоте. Только вождь тихонько плавал вокруг стаи, испуганно вскидываясь при каждом шорохе. И уже не колыхались на мелкой ряби золотые слитки — отблески поздней зари, над плесом потянуло прохладой глубинных вод. Звездным одеялом накрыла землю черная апрельская ночь...

Краток, тревожен отдых у перелетных птиц, бесконечно длинен их путь. С первой полоской зари позовет их в дорогу трубный клич вожака, и снова поплывет внизу бурая весенняя земля, еще неуютная и неприбранная после снега. В синей дымке замаячат вдали большие города и маленькие поселки, как попало разбросанные на необъятном просторе.

Резко на буром фоне увидятся черные ручейки, а кое-где, у синих степных озер, покажутся снова странные птицы, точь-в-точь похожие на них, на гусей, но только почему-то не летящие на север, а спокойно гуляющие по земле, почти под ногами у людей. Порою непонятные птицы эти, услышав в небе призывный клик, отзываются хриплыми голосами и долго бегут следом за стаей, жалко трепыхаясь и падая, не в силах поднять на крыло ожиревшее тело...

И снова будет свистеть в крыльях голубой ветер странствий, и вечером, усталые и голодные, птицы снова будут кружить над тревожными плесами, где ждет их сытный ужин или, может быть, — наперсток дробы под крыло...

И в дикой радости захлебнутся их крики, когда, оставив позади тысячи верст и тысячи смертей, увидят они, наконец, ту суровую землю под незакатным северным солнцем, куда каждую весну настойчиво зовет их далекий, но могучий голос предков...

ПОЗДНИЙ ГРИБ

Рассказ

С. МУХИН

Все-таки молодец этот Вагизов, не испугался нежданного снегопада, приехал. Но нас, грибников, собралось всего трое: двое мужчин и бабушка. И мы сомневались, что Вагизов повезет в лес такую малочисленную группу.

— Путевка выписана,— сказал Вагизов.

Я промолчал, ожидая, что он еще скажет.

— Хотел за картошкой заехать в одну деревеньку,— проговорил шофер.— Вчера заказал, чтобы подготовили на всю зиму. Случай очень удобный — по пути...

«Так вот почему он сегодня аккуратен»,— подумал я и смело предложил:

— Тогда поехали...

Мы понимали, что едем в неурочное время — грибной сезон уже отошел. Но верили в удачу вопреки здравому смыслу.

В лесу мы бережно стряхивали снег с каждой тонкой, промокшей насквозь сивянки, клали их в корзины, наперед зная, что до дому доведем одну труху: очень хрупкие, они непременно искрошатся.

Мы шли по покосам, вытянувшимся вдоль оврага, по местам, где знакомы каждое дерево, каждый бугорок, каждая канавка. Это было почти универсальное место: здесь росли любые грибы. И почти всегда мы возвращались отсюда с богатой добычей. Но сегодня наши корзины были легкими.

А снег, вперемежку с дождем, все шел и шел. Разумнее всего — возвращаться. Но ждать машину на тракте — Вагизов уехал в деревню сразу же, как нас высидил,—тоже не лучший выход. И мы реши-

ли пересечь небольшой перелесок, за которым тянулась пашня.

На пашне и покосах снег лежал толстым слоем, надежды что-либо отыскать уже не было. Глаза рассеянно скользили от березы к березе. И вот тут-то я увидел ЕГО!

Он стоял на чистом месте, посреди поляны между двумя березами и пашней. Стоял, как мне показалось, живой, горячий, и снег на нем не задерживался, а подтаивал, смазывая, словно маслом, его коричневую, выходящую за пределы всяких стандартов шляпу.

В первое мгновение я остолбенел, ноги перестали слушаться. Хотел крикнуть товарищу, который огибал березу с другой стороны, и тоже не мог: пропал голос.

Прошло довольно много времени. Мне показалось, будто гриб, несомненно белый, заметил мою растерянность и сам шагнул навстречу. Тогда сорвался с места и я. Побежал бегом, будто кто-то другой мог раньше поспеть к нему.

Около гриба я опустился на корточки и левой рукой дотронулся до ножки. Не скажу: взял в руки. Обхватить ее и пальцами обеих рук было невозможно. Я просто дотронулся, как в детстве, бывало, в игре хватался за что-то и кричали: «Чур, мое».

Ощупываю, глубоко ли сидит грибница. Хочется оставить ее неповрежденной и в то же время снять всю мякоть гриба. Пальцы пробегают вокруг ножки, нажимают с силой на корень. Так и хочется спросить:

— Здесь больно?.. А здесь?..
Может, я даже спрашиваю, потому что явственно слышу в ответ:

— Нет, не больно.

Так отвечают здоровые.

Тогда я приступаю к операции.

Нож легко рассекает волокна, но не может одним ударом свалить великана: коротко лезвие. Обвожу ножом с другой стороны — гриб все сидит. Лишь после третьего надреза ножка перестает держаться за землю. Срез получился неровным, некрасивым, с углублением в середине. Так бывает, когда перочинным ножом отрезаешь ломоть хлеба от толстой буханки.

Белая, местами мягкая ткань проступает на месте среза. Ни червя, ни червоточины, ни трухи — признака старческой дряблости. Шляпка тоже достаточно тверда, и мне жаль отрывать ее от ножки. Однако надо убедиться, стоит ли брать гриб, не придется ли дома его выбрасывать. Тогда я решаюсь еще на одну операцию: на нижней, ставшей уже малахитовой, поверхности делаю разрез, ближе к корню, слегка раздвигаю его и убеждаюсь, что и там ткань крепкая, неповрежденная. Только после этого кричу товарища и бабушку.

В корзинке сразу стало тяжело. Казавшаяся сначала безнадежной, поездка превратилась для меня в самую радостную. Этот гриб — не просто лучший в сезоне. Это — редкостное произведение мастерицы-природы...

Когда мы вышли на тракт, Вагизов уже нас ждал, дремал в кабине. Я показал ему находку и тут увидел другое чудо: Вагизова подменили.

Он возил нас в лес не раз, видел грибников с полными корзинами мелких, как пуговицы, рыжиков, отборных белых,

величиною с кулак, ни с чем не сравнимых по яркости молодых подосиновиков. Иногда он кого-нибудь похваливал, чаще равнодушно хмыкал, и сам грибы собирал редко.

Сейчас Вагизов был другим. Его характерные татарские скулы округлились, губы дрожат. Он держит на коленях мою корзину и тихонько, как голову ребенка, гладит коричневую шляпку.

— Какой красавец, какой красавец! Сам бы не видел — не поверил...

Впервые я вижу, что Вагизов расчувствовался. Впервые он предлагает:

— Сходим еще в лес? Домой рано, а в машине бабушка посидит... Посидишь, бабушка? — спрашивает он.

И вот мы снова бредем по перелескам, в которых были и в которых не были. И странно, нам изредка попадают белые грибы, маленькие, крепкие, упорно стряхивающие с себя снег. Но второго великана, хотя бы отдаленно напоминающего моего красавца, нет.

Дома гриб, как букет цветов, решили поставить в вазу: жалко было просто так взять его и разрезать. Ни одна ваза не подошла. Приспособили белую кастрюлю с рыжим кленовым листом на боку. Корень вошел плотно, как пробка в бутылку.

Такой гриб грешно есть одним: зовем в гости друзей. До их прихода гриб стоит в кастрюле на почетном месте, и от него пахнет осенним лесом...

Про этот гриб я вспоминаю часто, особенно — когда что-нибудь не ладится. Невольно думается: если идти вперед, миновать самый последний перелесок, то где-то, на границе возможного, откроется чудо. Надо только попасть на тропу, на ту, единственную, на которой возможны и чудеса, и открытия...

ПОЧТА ПОД ЗЕМЛЕЙ

Вот таким штемпелем со средневековым гербом украсится письмо, если оно будет опущено в почтовом отделении, над потолком которого ни много ни мало 135 метров горной породы. Почта расположена в одном из подземных залов знаменитых соляных копей Велички—небольшого местечка под Краковом.

«Соляные копи Велички не менее замечательны, чем пирамиды Египта, но более полезны,—отозвался о них французский историк семнадцатого века Ж. Лабурер.— Они являются хвalebным памятником трудолюбия поляков, тогда как пирамиды свидетельствуют о тиранистве и кичливости правителей древнего Египта».

И он был не одинок в своем восхищенном отзыве об удивительных коях Велички. В памятной книге, существующей с 1772 года, можно найти сходные отзывы многих государственных деятелей, ученых и художников (между прочим, в 1790 году здесь побывал и Гете).

Около тысячи лет ведутся разработки копей. Соль добывается на нескольких горизонтах, до глубины более 300 метров. Самые старые, верхние горизонты, давно выработаны—они-то и сделали Величку одним из самых достопримечательных туристских объектов Польши. Еще в стародавние времена сюда наведывались, спустившись не в лифтах, как сейчас, а в бадьях, любопытствующие и любознательные... В 1424 году копи посетил датский король Эрик с целым

отрядом князей, прибывших в Краков на коронацию королевы Софии.

Удивительными, прекрасными сделала эти подземелья обыкновенная каменная соль. Но об обыкновенности ее не думается в Величке. Своды и стены причудливых пещер, оставшихся после выемки соленосной породы, выложены отливающимися всеми цветами радуги кристаллами. Из крупных многогранных кристаллов сделаны люстры в интереснейшей капелле королевы Кинги. Ее серебристо-серые, словно мерцающие, стены украшены статуями, изваянными из монолитов той же каменной соли, а в центральной нише, выложенной блестящими кубиками соли, и сама полусказочная королева Кинги—с ее именем местная легенда связывает возникновение копей Велички.

Подземных камер много—протяженность всей цепочки гrotов, выемок, переходов целых три километра. Вот камера «Спалена» (по-польски—сожженная), сохранившая в названии память о пожаре начала 18 века. Вот камера с женским именем «Урсула»—ее высота 64 метра! Вот огромная пещера «Сташица»—в годы оккупации немцы превратили ее в завод по изготовлению частей к авиационным моторам. Вот гrot Сенкевича с... теннисным кортом. А вот камера «Варшава»—здесь проводятся все празднества горняков—ее длина 54 и ширина 18 метров. И дальняя камера «Край», в которой сейчас хранятся извлеченные из старых обваленных копей части средневековых шахтных подъемных машин—они составляют часть экспонатов оригинального Музея горного дела, расположенного в гrotах с звонкими названиями «Модена», «Мария Терезия» и «Руссегер».

Соляные копи Велички—настоящее чудо, сотворенное природой и человеком, равного которому не вдруг сыщешь в целом мире. Потому-то так многочисленны приезжающие сюда туристы. Потому-то и работает здесь это уникальное почтовое отделение, почта под землей.

А. ТОКМАКОВ

ВТОРОЕ ПУТЕ- ШЕСТВИЕ ФИЛЕАСА ФОГГА

Опыт
научно-фантастического
плагиата

Виктор ГУБИН

В редакцию пришло письмо. «Расскажите, каким представляют фантасты транспорт будущего?» — просил Игорь Букин, любознательный пятиклассник из города Сыктывкара.

Мы показали это письмо литератору, о котором были наслышаны: любит фантастику, знает ее. Спросили: не возьмет ли он ответить нашему читателю?

— Видите ли, — замялся литератор. — Я бы с удовольствием. Но ведь получится статья! Сухая и неинтересная статья...

— А вы нам рассказ напишите на эту тему!

— Но... — литератор, похоже, вконец расстроился. — Все виды транспорта, о которых я смогу рассказать, уже описаны фантастами! Плагиат же получится! Нехорошо...

— Ну и пусть! Это даже интересно: добротный научно-фантастический плагиат! — настаивали мы, и литератор, в конце концов, сдался.

Через неделю он причес готовый материал. Орудя ножницами и клеем, он искромсал одиннадцать фантастических повестей и романов. Из одной книги он ухитрился выстричь даже главных героев!

— Вот только пришлось кое-где погрешить против истины, — смущенно пояснил он. — Скажем, «реальный» Стандарт-Айленд никогда не плавал в Атлантическом океане...

— Что ж, оно так и бывает, — рассудили мы. — Плагиатор всегда несколько «перерабатывает» списанное у других.

А чтобы читателям легче было определить, какими «пособиями» воспользовался наш автор, — описания фантастических видов транспорта и некоторые дословно списанные ситуации мы выделили в тексте курсивом.

Попробуйте, кстати, определить: какие это были пособия?

В 1895 году, через двадцать три года после знаменитого восьмидесятидневного путешествия вокруг света, Филеас Фогг снова собирался в дорогу.

Накануне, в перерыве между двумя партиями виста, он крупно поспорил со своими коллегами по Реформ-клубу. Джентльмены скептически отнеслись к промелькнувшему в газетах сообщению об опытах Изобретателя из Ричмонда, якобы сумевшего найти способ для передвижения во Времени. И Филеас Фогг вызвался на пари доказать правдивость этого сообщения. А когда англичанин держит пари — это всегда всерьез.

На следующий день, в восемь часов вечера, Филеас Фогг в сопровождении верного Паспарту был в Ричмонде. Возле дома, где жил Изобретатель, прибывших ожидали партнеры мистера Фогга по висту и Реформ-клубу.

Хозяина дома они нашли в лаборатории, возле машины, сплошь состоявшей из непривычных для глаза деталей. Посредине машины виднелось седло.

Некоторые части машины были сделаны из никеля, другие из слоновой кости; были и детали, несомненно, вырезанные или выпленные из горного хрусталя. На скамье, рядом с чертежами, лежало несколько прозрачных, причудливо изогнутых стержней.

— Что ж,— выслушав Филеаса Фогга, сказал Изобретатель.— Машина готова.

Он помог нашему джентльмену удобнее устроиться в седле, объяснил назначение прозрачных кварцевых стержней.

Один из партнеров протянул Филеасу Фоггу небольшой фотографический аппарат и сумку с кассетами.

— Транспорт наших дней мы знаем,— сказал он.— Было бы неплохо узнать, на чем ездят наши потомки. Если не возражаете, пусть это будет дополнительным условием нашего пари.

Мистер Фогг не возражал. Сдержанно попрощавшись с окружавшими его джентльменами, он поискал глазами Паспарту. Того в комнате не было.

Филеас Фогг потянул один рычаг, другой...

Лаборатория стала туманной и неясной. Сразу наступила темнота, но в следующее же мгновение вновь стало светло.

Шумело в ушах. Мгновенная смена темноты и света была нестерпима для глаз.

День и ночь слились, наконец, в сплошную серую пелену; небо окрасилось в ту удивительную синеву, приобрело тот чудесный оттенок, который появляется в ранние сумерки.

Был солнечный полдень двадцать первого века, когда Машина затормозила свой бег во Времени и замерла на теневой лужайке близ высоченного небоскреба.

Первым человеком, которого мистер Фогг встретил в будущем, был... Паспарту. Он заблаговременно спрятался за одну из непрозрачных никелевых станин Машины и, со всем упорством

вцепившись в нее, проделал весь путь вместе с Филеасом Фоггом.

— Вот мы и в будущем! — воскликнул Паспарту.— Но... Где мои башмаки?!

Он был бос: на башмаки чудесное влияние Машины, как видно, не распространилось...

За деревьями виднелась стоянка элмобилей. Путешественники приблизились к ним; после того, как Филеас Фогг, повозившись с фотоаппаратом, заснял одну из машин,— проникли внутрь нее.

— Куда вас везти? — произнес ровный голос, когда дверца за ними захлопнулась.

Паспарту вздрогнул. Он не был знаком с элмобилями и тем более — с Автоматическими Водителями Транспорта, Обладающими Речью. АВТОРами,— как называли их в обиходе люди будущего.

Но Филеас Фогг и в будущем оставался тем же невозмутимым членом Реформ-клуба.

— В порт,— кратко отвечал он.

— С перепрыгом или без? — поинтересовался АВТОР.

— Мы спешим.

— Везти с разговором?

Последний вопрос АВТОРа остался без ответа. Мистер Фогг явно не желал прибегать к услугам самой совершенной техники, если та становилась чересчур назойливой.

Элмобилей было в этот час много. Когда впереди, за несколькими машинами, намечался прожект, элмобилей вытускал подкрылки и перелетал через идущие впереди машины, занимая свободное место.

В порт они прибыли как раз вовремя: из устья Темзы готовился отойти Стандарт-Айленд, искусственный остров на гребных винтах. Катер на воздушной подушке перенес выходцев из прошлого на причал этого «образцового острова», и второе путешествие Филеаса Фогга по земному шару благополучно началось.

Остров выглядел привлекательно. Его поверхность покрывал толстый слой чернозема, и этой почвы вполне хватало для газонов, клумб, кустарников, садов, небольших рощ и даже лугов, на которых паслись стада коров и овец.

Стандарт-Айленд — остров из стали. Он состоит из двухсот шестидесяти тысяч понтонов. Все эти понтоны, накрепко соединенные болтами, образуют площадь примерно в двадцать семь квадратных километров. При овальной форме острова он имеет семь километров в длину и пять в ширину, а окружность его равняется приблизительно восемнадцати километрам.

Путешественникам отвели уютный коттедж. Но недолго наслаждался Паспарту размеренной и несложной жизнью. Он примерял новомодные сандалии, выполненные по образу и подобию их древнегреческих прапрабабушек, когда...

— Вот как! — вырвалось у мистера Фогга. На девятнадцатой полосе газеты транспортников, которую добросовестно штудировал почтенный джентльмен, была помещена сенсационно озаглавленная заметка: «Летайте волноходами!»

Филеас Фогг тут же вызвал по видеофону дежурного диспетчера и попросил подготовить какой-нибудь вид транспорта, могущий доставить двух пассажиров на берег Каспийского моря.

Небольшой оранжево-красный аппарат быстро и бесшумно летел над землей, направляясь на северо-восток.

В кабине аппарата было трое: Филеас Фогг, неизменный Паспарту и высокого роста пожилой мужчина, назвавшийся Муцием.

Муций сидел впереди, откинувшись на спинку мягкого сиденья.

Перед ним находился только маленький, изящно оформленный щиток с двумя миниатюрными циферблатами. Ничего, что можно было бы назвать системой управления, в кабине не было: ни штурвала, ни педалей, ни каких-либо рукояток.

Аппарат управлялся при помощи биотоков. Под его гладким удлиненным корпусом, не имевшим ни крыльев, ни каких-либо внешних дви-

жущих частей, стремительно пронеслась поверхность земли.

Но вот остались позади последние отроги Кавказских гор, впереди засинело море.

Машина остановилась. Она неподвижно повисла в воздухе на высоте около двухсот метров, потом, как на невидимом парашюте, вертикально опустилась на землю.

Путешественники очутились на берегу Каспия, близ Дербента. Они торопливо попрощались с Муцием: у кромки прибоя их уже ожидал «Гром и молния», корабль без двигателя.

Овальная платформа, выкрашенная пронзительной желтой краской. На платформе — обыкновенный планер. Малиновый планер на желтом диске.

«Гром и молния» стоит у входа в узкий залив. Как снаряд в жерле заряженной пушки. Когда все будет готово, у берега, позади, подорвут две сотни зарядов, расположенных так, чтобы дать направленныйкумулятивный взрыв. И тогда в заливчике поднимется гигантская волна. Направленное цунами... Отсюда, из жерла залива, вырвется волна высотой метров в пять. В открытом море водяной бугор станет ниже, но скорость его увеличится, а у противоположного берега волна поднимется на высоту пятиэтажного дома.

Волнующие минуты!.. Подхваченный гребнем волны, волноход промчался через Каспийское море со скоростью около семисот километров в час!

У восточного берега корабль «соскочил» с волны. Планер нашим путешественникам не понадобился.

Городок, куда прибыли Филеас Фогг и Паспарту, был невелик. С миром его связывала сеть ракетопланов, да вот еще волноходы. Но повторяться в выборе транспорта Филеасу Фоггу не хотелось. А рейсовых ракетопланов на сегодня не предвиделось.

На базе индивидуального транспорта им удалось получить «водяные коньки Сергея Кладезева».

Но их нашлась лишь одна пара, и Паспарту уже с досадой прикидывал, как это он останется здесь один, без мистера Фогга... Девушка-кладовщица успокоила их.

Им выдали водяные башмаки с подошвой из аквафобита, усиливающего поверхностное натяжение, в просторечьи называемые иисусками, потому, что в них можно было ходить «по морю, аки по суку». Иисус, герой христианских сказок, будто бы умел это делать.

Паспарту тут же сбросил опостылевшие сандалии и в новой обуви, тяжелою несколько, но не лишенной изящества, гордо зашагал к берегу моря. За ним, с водяными коньками под мышкой, двинулся и Филеас Фогг. У моря переоблачился и он, и вот они —

пошли, пошли, пошли по воде, чуть продавливая поверхность, разглядывая камешки на уходящем в глубину дне, отпрыгивая, когда рыба подплывала под ноги.

Собственно, камушки и рыбок разглядывал один Паспарту. Филеас Фогг катил на коньках в спокойной, полной достоинства манере: заложив руки за спину, невозмутимо глядя прямо перед собой. Так, как он обычно прогуливался по круглой галерее Реформ-клуба.

Коньки скользили очень хорошо. От них оставался на воде легкий узкий след, который быстро сглаживался.

Путешественники двигались на север. Они были уже довольно далеко от берега — он даже не просматривался, — когда на море появилась легкая рябь. Рябь постепенно переходила в волну, и наступил момент, когда продвижение вперед стало немислимым.

Тут-то и пригодились вингеры — авиаранцы с комбинезоном и крыльями, навязанные мистру Фоггу и его спутнику там же, на базе индивидуального транспорта, заботливой кладовщицей.

Поддерживая друг друга на неторопливо перекатывающихся волнах, путешественники облачились в непроницаемые комбинезоны и прозрачные шлемы с пробковой подкладкой. Нащупали кнопки на груди. Шипение, свист, за спинами расправились темно-зеленые крылья... и они уже в воздухе, они — летят!

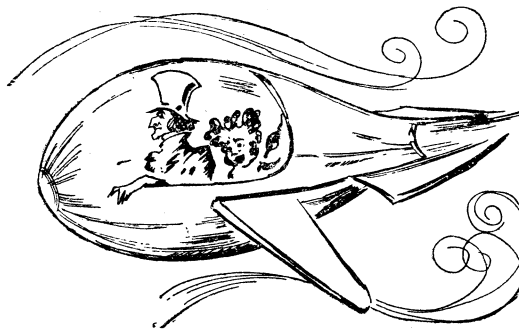
Паспарту откровенно ликовал. Еще бы, он стал хозяином неба!

Может летать высоко и совсем низко, взвиться свечой вверх, поравняться с облаками, обойти стороной эти надутые подушки или нырнуть в них, разгрести туман крыльями, проникнуть в заоблачный сине-белый вечно солнечный мир...

Скорость вингера была достаточно велика: сто пятьдесят-двести километров в час, и незадолго до заката Филеас Фогг и Паспарту были уже на северном берегу Каспия, в двух-трех километрах от волжской дельты. Они опустились на лужайку среди бурно разросшихся кустарников, свернули крылья, сбросили комбинезоны, по узкой тропке миновали живую изгородь и остановились как вкопанные. Перед ними была самодвижущаяся дорога.

Их начали строить давно, и теперь они тянулись через многие города, образуя непрерывную разветвленную материковую систему.

Дорога текла в нескольких шагах шестью ровными серыми потоками. Полосы двигались с разными скоростями и отделялись друг от друга вершковыми белыми барьерами. На полосах сидели, стояли, шли люди.

Филеас Фогг решительно шагнул на первую из полос. За ним с куда меньшей решительностью последовал Паспарту.

Дорога текла плавно, без толчков; зеленые кусты и коричневые стволы сосен весело бежали назад; в просветах между ветвями появлялись и исчезали большие стеклянные здания, светлые коттеджи, открытые веранды под блестящими пестрыми навесами.

Словоохотливый попутчик объяснил любознательному Паспарту устройство этих бесконечных лент.

Он говорил, будто дороги эти не потребляют энергии и не боятся времени; будучи разрушенными, восстанавливаются сами; легко взбираются на горы и перебрасываются мостами через пропасти.

Дорога привезла наших путников в Свердловск — большой, тихий, удивительно красивый, утонувший в зелени город. Здесь мистер Фогг объяснил Паспарту, что путь их лежит через Мурманск и Туннель-Сити в Нью-Генск, малоизвестный американский город, где как раз заканчиваются опыты по телепортации человека.

На перроне вокзала «Мурманск-подземный» было тихо. Станный поезд, без окон и дверей, напоминавший непомерно длинную цистерну, уже стоял у перрона.

Паспарту любовно потрогал цилиндрическую обшивку вагона.

— До Америки — два часа ходу!..

Вагон плавно тронулся. Цилиндрическое тело поезда медленно скрылось в воздушном шлюзе. Автоматически поднимаясь крышка закрыла люк.

Послышался легкий, едва уловимый шум. Заработали насосы, выкачивавшие из шлюза воздух. Медленно текли минуты. Наконец, вакуумметр показал достаточное разрежение. Готово! Сейчас автоматически откроется люк, отделяющий воздушный шлюз от туннеля. Через мгновение поезд помчится по туннелю, набирая скорость...

Делая две тысячи километров в час, поезд пролетел по трубам плавающего океанского моста и благополучно высадил наших путешественников на берегу Аляски, в городе Туннель-Сити.

Отсюда Филеас Фогг и Паспарту выехали на автомобиле, к полудню они были в Нью-Генске.

Кибершофер затормозил на Пайрид-стрит, прямо возле экспериментальной лаборатории Всеобщей компании электрических машин. Отправив автомобиль на ближайшую стоянку так

си, Филеас Фогг и Паспарту вошли в лабораторию.

В главном операционном зале мелькали многочисленные разноцветные сигнальные лампочки, пахло озоном.

Профессор Гелоу отнюдь не был обрадован появлением незнакомцев, предлагавших свои услуги в качестве подопытной живой массы. Однако в голосе мистера Фогга сквозила такая уверенность в успехе всего предприятия, а Паспарту глядел столь подкупающе доверчиво, что профессор просто не решился отказать им.

— Но должен предупредить вас, джентльмены, — только и сказал он, — что наша установка всего лишь экспериментальна, до сдачи ее в эксплуатацию еще далеко...

Мистер Фогг хладнокровно направился к отправной установке — великолепному креслу под поднятым прозрачным колпаком.

Он быстро взмохнул на площадку и сел в кресло, заложив ногу на ногу. Прозрачный колпак опустился, и тотчас же загорелась изумрудным светом сигнальная лампа — «приготовиться».

Соседний колпак занял Паспарту.

Вспыхнула рубиновая лампа, щелкнули секундомеры. Под прозрачными колпаками камер как бы заструились потоки горячего воздуха, ступившаяся контуры человеческих фигур. Еще одна-две секунды... Паспарту и Филеас Фогг на глазах друг у друга бесследно растаяли, подобно кускам рафинада в воде.

В то же мгновение раздался оглушительный грозовой разряд, ослепительно вспыхнули и тут же погасли сигнальные лампы. Короткий осмотр выяснил, что сгорели все предохранители.

Ликвидация аварии потребовала не больше нескольких минут.

Но последствия аварии... Под прозрачными колпаками принимающей установки, находившейся в тысяче километров от лаборатории, появились: в первом — паривший в воздухе великолепный цилиндр стального цвета, во втором — несколько тяжеловесные, хотя и не лишённые изящества водяные башмаки.

Ни мистера Фогга, ни спутника его под колпаками не было.

Примерно в это же время (хотя, как увидит читатель, как раз со временем дело обстояло не совсем благополучно) в другой точке планеты произошло два одинаково сенсационных события.

Первое имело место в Ричмонде конца девятнадцатого века, в лаборатории Изобретателя.

Перед глазами еще не успевших прийти в себя коллег мистера Фогга по Реформ-клубу, на том месте, где три-четыре минуты назад размещалась загадочная Машина, вдруг появи-

лись — словно из тумана вынырнули — две фигуры.

Одна из них оказалась самим мистером Фоггом, вполне невозмутимо оглядывавшим теперь опеших в другорядь партнеров. В руке благородный джентльмен сжимал сумку с использованными кассетами, фотоаппарат болтался у него на боку.

Рядом с Филеасом Фоггом протирал кулаками глаза Паспарту. Вот его-то в благородстве облика никак нельзя было упрекнуть: курчавая шевелюра вздыблена, пестрый шейный платок сбился набок, на ногах... Да у него ничего же нет на ногах!..

Впрочем, Паспарту уже разглядел в двух шагах от себя отлично разношенные, чуть потертые, но еще крепкие башмаки, пребывавшие в счастливом неведении относительно приключений их хозяина.

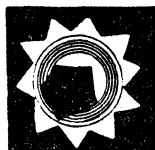
— *Мои башмаки!.. — вскричал Паспарту.*

— Папа, папа!.. Посмотри, что я нашел!..

— М-м... ну? — без должной заинтересованности буркнул папа и, на ходу дочитывая фантастический роман древнего писателя Уэллса, медленно двинулся в ту сторону, откуда прозвучал торжествующий крик первооткрывателя.

Там, на тенистой лужайке, радостно пыхтя и отдуваясь, трехгодовалый малыш силился сдвинуть необычное сооружение с того самого места, где два столетия назад находилась лаборатория мистера Изобретателя.

Рисунки Е. Стерлиговой

ПОДВИГ НАТАШИ КАЧУЕВСКОЙ

В прошлом году в шестом номере журнала был опубликован очерк следопытов московского клуба «Красная гвоздика», в котором они сообщали о том, что собрали интересный материал о Наташе Качуевской, девятнадцатилетней комсомолке, погибшей в годы Великой Отечественной войны.

С тех пор в редакцию пришло немало писем, в которых читатели просят подробней рассказать о жизни и подвиге отважной москвички.

Мы обратились к Александре Леонидовне Спириной — матери Наташи — и попросили ее поделиться своими воспоминаниями о дочери.

Наташа родилась 22 февраля 1922 года. Она рано научилась читать, писала стихи.

В 1940 году моя дочь поступила в Государственный институт театрального искусства имени Луначарского. Здесь ее выбрали в комитет комсомола, а вскоре она стала комсомольским вожаком.

Через год уходили на фронт первые добровольцы-студенты. Рвется на фронт и Наташа, но в военкомате ей отказали, и она вместе с другими рыла окопы и противотанковые рвы под Москвой.

Наташа организовывала концертные бригады, выступала с товарищами перед ранеными, училась на снайперских курсах. Но все ее мысли были на фронте. Наконец, в ЦК ВЛКСМ ей выдали путевку в 16-ю авиадесантную бригаду, в медчасть. И вот Наташенька — воин Красной Армии. В первых числах августа 1941 года она уехала на фронт.

Письма шли долго. Многие не доходили. Но те, что я получала от Наташи, были полны ласковых слов, веры в скорую победу, ненависти к фашизму.

Когда началось наступление, она, секретарь комсомола медсанбата 34-й гвардейской дивизии, настойчиво просит командование направить ее на передовую.

В ночь с 19 на 20 ноября 1942 года, во время двенадцатичасового боя, Наташа, сама дважды раненая, вынесла с поля боя семьдесят человек с оружием (об этом писали центральные и фронтовые газеты). Командир приказал ей сопровождать двадцать тяжелораненых в медсанбат. В пути их заметили фашисты. Спрятав бойцов в заброшенный блиндаж, Наташа отстреливалась от гитлеровцев. Несколько фашистов упало от метких выстрелов девушки. Но вот израсходован последний патрон. Наташа бросила гранату.

Подоспевшие на помощь гвардейцы спасли раненых, но Наташе они уже помочь не смогли. С ее именем пошли они в бой и отразили атаку.

Когда окончилась война, я долго искала Наташину могилу. И только в 1961 году мне сообщили, что моя дочь похоронена на высоте возле поселка Халхута, в Калмыцкой степи. Теперь здесь бывают пионеры, комсомольцы, советские воины.

В Яшкуле, куда перенесли останки Наташи, в Москве и Астрахани есть улицы ее имени. В поселке Халхута ее имя носит также школа, в Москве — бригада коммунистического труда на фабрике «Рот-Фронт».

ЛЕТОПИСЬ НЕ- ОБЫЧАЙ- НЫХ ЯВЛЕНИЙ

На страницах газет и журналов нередко мелькают краткие сообщения о чрезвычайных явлениях природы, то величественных и прекрасных, то грозных и беспощадных.

Огромные волны-цунами, рожденные подводными землетрясениями, смывают с берегов города. Ураганы, тайфуны, тропические циклоны, о чудовищной силе которых свидетельствуют развалины городов и селений, выброшенные на берега океанские лайнеры. Ливни и наводнения, засухи... Ареной этих явлений служат, в основном, приморские и тропические страны.

Наш Урал, древний Каменный пояс, принято считать одним из спокойных районов земного шара, далеким от мест, где бушуют свирепые стихии.

Однако старый Урал не такой уж тихий и безобидный. Разнообразный рельеф и ландшафт создают здесь благоприятные условия для возникновения необычных явлений погоды. Здесь бушуют сильнейшие грозы, пронесаются смерчи и ураганы. Полярные сияния украшают небо, возникают миражи, выпадают окрашенные осадки и даже бывают... землетрясения.

Итак, попробуем перелистать нашу летопись, в которой занесены эти необыкновенные явления, и выберем наиболее значительные из них.

ИЮЛЬ

УРАГАН, возникший 22 июля 1951 года на юго-западе Башкирии, промчался на северо-восток к верховьям реки Конды. Там, где он прошел, осталась полоса разрушений шириной до 50 километров. Страшный ветер ломал и вырывал с корнями деревья, выворачивал телеграфные столбы, рвал линии электропередач, разрушал дома. Градом побило много скота и

домашней птицы, пострадали посевы. Были и человеческие жертвы.

Перед этим на Урале стояла сухая, очень жаркая погода. Термометры в тени отмечали выше 30 градусов. А в Коми АССР, Кировской области и Удмуртской АССР было холодно. Здесь температура не поднималась выше 14—18 градусов. Так продолжалось около десяти дней. Наконец, холодный воздух двинулся на юго-восток. На границе между холодным и теплым воздухом, называемой атмосферным фрон-

том, шли ливни и грозы. Когда фронт переместился на Предуралье, на нем возник вихрь-циклон, с ураганной скоростью сместившийся на северо-восток.

13—14 июля 1912 года в горных районах Урала — Тагиле и Бисере — выпал снег, в Красноуфимске прошумел ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ, а в низких местах Свердловска (тогда Екатеринбург) сильный иней покрыл землю, повредив листья картофеля.

РАЗНЫЕ РАЗНОСТИ

74

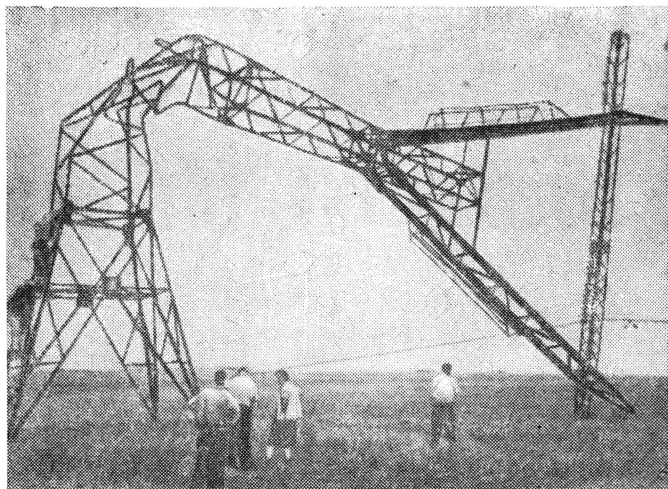
Сталагмиту 6500 лет

Известно, что дождевые воды, проходя через поверхностные слои земли, обогащаются углекислым газом и активно воздействуют на горные породы. Потом при соприкосновении с известняками происходит выпадение углекислого кальция, который и дает начало образованию сталагмитов и сталактитов.

В пещере Авен-Ориньяк (Франция) ученым удалось определить первоначальное содержание углерода и процент углерода атмосферного происхождения. И тогда они вычислили, что сталагмиту 6500 лет и что каждые сто лет он вырастал на 32 миллиметра.

Б. ПИЛЬЩИКОВ

ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ зимой на севере Урала — обычное явление. Но летом для северных широт оно редкость. А в 1959 году, когда наблюдалась исключительная активность солнца, этим зрелищем любовались в самый разгар лета жители Среднего Урала.

В ночь на 15 июля в Свердловске на небе были замечены светлые пятна с меняющейся окраской от зеленого до фиолетового. В следующую ночь сияние в северной части горизонта повторилось, появились

пульсирующие вспышки света. Одновременно в зените засветились радиальные фиолетовые полосы. Затем они слились, и ночное небо украсила необычайная яркая радуга, опоясавшая через зенит весь небосвод с запада на восток. Сопровождалось полярное сияние сильной магнитной бурей, нарушившей радиосвязь.

14 июля 1950 года на Среднем Урале прошли сильные грозы. В районе Свердловска гроза сопровождалась настоящим

ТРОПИЧЕСКИМ ЛИВНЕМ. За сорок минут выпало 94 миллиметра осадков, что составляет 9400 тонн воды на гектар! На улицах города бушевали мутные потоки, в которых глохли моторы автомашин.

10 июля 1967 года вблизи села Звериноголовское, Курганской области, прошел СМЕРЧ. Перед грозовой тучей, надвигавшейся на окрестности села, катился облачный вал. Навстречу ему с земли поднялся завихренный столб пыли, напоминающий огромную воронку, узкий конец которой соединился с облаком. Смерч прошел стороной и никаких разрушений в селе не вызвал.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ на Урале сравнительно часты. Но все они тектонического происхождения и особой силой не отличаются. Лишь в редких случаях колебания почвы заметны. Так, например, 9 июля 1967 года в районе Кизела случился подземный толчок, от которого падали печные трубы, а во многих домах образовались трещины.

Л. ФЕДОРОВ

Птицы сеют жень-шень

Довольно часто жень-шень находят на скалах, едва прикрытых землей, на вершинах сопок и в других местах, где по всем признакам «корень жизни» не мог вырасти. Однажды крупный четырехлиственный плодоносящий жень-шень был найден... в дупле старой липы на четырехметровой высоте.

Ученые доказали, что это растение с его сочной мякотью, прикрытой ярко-красной оболочкой, лакомство птиц: семена и плоды «корня жизни» обнаружены в желудках рябчиков, соек и дроздов. Многие наблюдали, как стайки птиц слетались к месту, где позднее находили жень-шень, у которого были расклеваны ягоды, поломаны стебли, побеги.

М. РЫБАКОВ

«Медвежата» морского дна

Около ста видов креветок, или шримсов, водится в дальневосточных морях СССР. Есть совсем мелкие рачки, почти прозрачные «невидимки», прячущиеся в зарослях морской травы. Есть шримсы-гиганты, которые по своим вкусовым качествам не уступают омарам и лангустам. Среди них — «медвежонок» длиной более тридцати сантиметров. Название свое он получил за то, что его хитиновый покров, представляющий своеобразную «мохнатую» защитную одежду, напоминает медвежью шкуру.

М. РЫБАКОВ

АЗЪ, БУКИ, ВЪДИ

Разнообразна лексика народных уральских говоров. Возьмем для примера сравнительно небольшую ее часть — глаголы на букву П. Думаете, мало их наберется? Свыше тысячи! И это, не считая таких известных, как петь, плясать, приходиться, побывать и так далее. Речь идет о тех, которых нет в литературном языке. Они встречаются в устной речи, чаще всего — у жителей сел и деревень. Одни из них бытуют только на Урале, другие известны также северным, южным, сибирским и прочим русским говорам. Например, *пелэгать* — смотреть свойственно лишь диалектам Урала, а *патрать* — пачкать известно и южным говорам.

Итак, рассмотрим уральские глаголы на букву П. Вот слово *падерить* — бушевать, от *падера* — снежная буря, пурга. «Ишь как *падерит* — в двух шагах ничего не видно». Нередко встречается на Урале фамилия Падерин, от того же корня.

Очень выразителен глагол *паздить*, имеющий несколько значений. Первое из них — драть кору с дерева: «Березу пошла *паздить*, много *напаздила*». Это прямое значение. Кроме него, есть и косвенные: тщательно мыть или чистить что-либо. «*Паздирай* ложки-то, чтобы блестя!»; «*Чугунки как начну песком паздить*». Дальше — бить, стегать. «*Вот я тебя начну видцей паздираты!*» — говорит иной

строгий родитель непослушному сыну. Еще одно значение — громко кричать, плакать, глосить. «Ну и *паздира*т твой Ванька, в ушах больно», или «И ты *паздира*ш на всю деревню, я ишо тебя не тронул». Глагол *паздить* интересен тем, что сохранил древнейшую приставку *паз-*, не встречающуюся в других словах, кроме древнерусского *пазногъ* — ноготь.

А вот еще глаголы — *палькаться* и *пёрхаться* (пурхаться). Первый из них означает возиться в воде, бродить по воде, по лужам: «Не *палькай*ся в лыве!» — говорят матери ребятишкам, пускающим кораблики по весенним ручьям. Второй тоже означает возиться, но — в песке, пыли, снегу, первоначально — о птицах, купающихся в песке: «*Глухари порхаются*»; «С утра воробьи *порхаются*». Затем слово стали употреблять в переносном смысле — возиться, медленно работать, копаться: «*Весь день с работой порхаемся*», «*Запурхалась* совсем с огородом». Оба глагола — *палькаться* и *пёрхаться* (пурхаться) — звукоподражательные. В одном из них слышен плеск воды, в другом — сухой шелест песка, сыпучего, по-уральски, *порхлого*.

Некоторые уральские глаголы многозначны. Так, *пластать* имеет одно общее значение «делать что-либо быстро, энергично», но проявляется в целом ряде частных значений:

1) разрывать, разрезать: «Заробился наш отец, *пластат* траву-ту!», «Мама, только книжку *испластала!*», «*Весь фартук испластала*, одне ремки остались», «Погодите, *напластаю* вам бобов»; 2) сильно бить: «В огород ко мне во-ришка забрался, помала его и *пластаю*», «*Вот я тебя палкой пластну!*»; 3) бежать: «*Зайсы* страсть быстро бегают — *пластать* за им, не догонишь», «*Я пластаю*, *пластаю* вдоль озера — *допластал* ведь до краю»; 4) гореть пламенем: «*Ишь как пластат* пожар-от, из речки воду зыбают, не помогают», «*Карасину* ленешь — дрова-те и *запластают*»; 5) работать изо всех сил: «*Настасья* Егоровна теперь на покосе *пластат*, не сидит дома», «*До зафтраку* вовсю *пластам*, после зафтраку — потише, жарко дак»; 6) болеть: «*Вот у меня и поняло* (начало) ногу *пластать*», «*Ухо-то пластат*», «*Старуха-та у их шыпко* зиму *пластала*». (Здесь мы приводим некоторые глаголы с приставками — *запластать*, *испластать*, так как образование видов часто невозможно без приставок).

Итак, мы видим, что глагол *пластать* многозначен. Но большинство диалектных глаголов однозначно. Так, *подсудобить* значит подсунуть, *переказать* — сообщить другому, *пересказатъ*, *поджабить* — надломить, *перехропать* — переломать и так далее.

Некоторые глаголы характе-

ризуют занятия местного населения. Например: **пестюжничать** — заниматься бондарным промыслом, делать бочки, кадушки: «Теперь уж он старой, на дому пестюжничает»; **подлѣдничать** — заниматься подледным ловом рыбы: «Ну, как подлѣдничаете? — Да ково — одне чебачишки да окунишки»; **покосничать** — работать, на покосе: «Целу неділю покосничали»; «Где он? — Да покосничат»; **пастушить** — пасти скот: «Лонишной год Шура пастушила, нонче не знаю, хто будет» и другие.

Немало и таких глаголов, которые по внешнему виду похожи на общенародные, но имеют другое значение. Так, глагол **падать**, кроме значения валиться (падать с крыши), имеет значения **впадать** (о реке): «Наша речка Глинчевка в Чусову падат»; **происходить**, **случаться**: «Така измена в тот год пала» (такое изменение произошло), «Эка беда пала»; **доходить**, **проникать**: «До нас пали слухи, что плотину строить тут будут».

Глагол **пасти** тоже с особенностями. Мы говорим: «пасти овец, телят», но как можно пасти платье, посуду, грибы, дрова? А на Урале можно: «Хорошую одежду к празднику паси», «Мало топила, дак ушаты пасли, штобы складывать», «С осени опеныши пасли, зимой ели грибницу да, жареху да», «Дрова с весны пасем». В этих примерах значение **запасать**, **припасать**. Неспроста здесь общий корень **пас** — **Пасти** (в том смысле, в каком

он шире всего известен), в сущности, значит охранять. Пасти стадо коров — оберегать их от хищников, следить, как бы не забрели куда не надо, не наелись ядовитых трав. В диалекте, по сравнению с литературным языком, этот глагол имеет более широкий смысл. Точно так же **пасть** (страдательный залог к пасти) имеет здесь более широкое значение: «Дрова у нас в дровянике **пасутся**», хранятся. Кроме того, глагол **пасти** имеет интересную «однократную» форму: **пасать** «Мы в этих местах сроду коров не пасали»; «Пасал ли ты овец? — Нет, не пасал»; сравни: не едал, не пивал, не видал. Такие формы являются устаревшими, они часто встречаются в фольклоре, но в современном литературном языке редки. А жаль. Ведь они точны: не едал — значит не ел ни разу, никогда (точно так же не пивал, не пасал, не бивал: «Нас отец сроду не бивал»).

Среди глаголов немало экспрессивных, дающих выразительную оценку действию, ярко окрашенных. Примерами могут служить: **палыснуть** — ударить (не просто ударить, а сильно, с размахом или с оттяжкой): «Вершиной (дерева) так палыснуло, што еле стал», «Вот я тебя палысну витнем!»; **плюхать** — работать медленно, возиться, с трудом делать что-либо: «Ладно, што ишо около печи-то плюхаю; а ну как совсем не замогу?»; **побуткать** — крепко побить: «Рядились в чертей, ну, которых ряженных

и побуткали в домах-то; **поголчить** — поговорить, поболтать: «Поголчили только, а ниче не сделали»; **подбаюкиваться** — заискивать, угодничать: «Он едак ко всем подбаюкивается»; «Не подбаюкивайся, вижу, што ты удумал»; **подгогуливать** — насмехаться, издеваться: «Че ты надо мной подгогуливаш?», «Он всю дорогу над емя подгогуливал». При этом имеется немало глаголов с неясной внутренней формой, то есть неясных по корню, например: **подековаться** — случиться: «Што у вас тут подековалось?»; **подзукивать** — дразнить: «А ты сиди и не подзукивай»; **подконтыривать** — прихрамывать; **пенегать** (о лампе) — плохо светит, мигать; **пеньшить** — жить кое-как, болеть; **пекорчить** — давить. Подобных слов в говорах много, и разрешить загадку их происхождения, видимо, не скоро удастся. Возможно, некоторые из них заимствованы из языков коренного населения Урала (коми, удмуртского, мансийского, татарского), но это еще нуждается в проверке. Можно привести еще много примеров как выразительных и ярких, так и загадочных, уральских глаголов на П, на одну лишь букву.

Буду рад, если читатели «Уральского следопыта» пришлют мне услышанные интересные слова родного уральского края.

В. ЖИТНИКОВ

КОГДА

СБЕЖАЛА

ОХРАНА...

В феврале 1943 года в городе Макеевке, недалеко от шахты Пролетарская, немцы устроили лагерь заложников. Было арестовано много советских граждан, в том числе коммунистов. Однажды в зону этого лагеря прошли два мальчика и сообщили арестованным, что немцы бегут из города, а лагерь не охраняется. Двери камер, где сидели арестованные, были заперты на замки, но ключи, по словам мальчиков, валялись в дежурной комнате вместе с оружием и полицейскими повязками. Среди заключенных нашлись опытные организаторы. Они рассудили, что если открыть сразу все двери камер и одновременно всем бежать из лагеря, немцы могут заподозрить неладное: ведь их колонны двигались по дороге мимо лагеря. И вот несколько человек надели полицейские повязки, взяли в руки винтовки и небольшими партиями стали отводить арестованных в сторону от дороги. Продолав проход в проволочном ограждении лагеря, узники вышли на волю. Буквально в тот же день охранники вновь вернулись в лагерь, но он уже был пуст.

Кто же были те двое ребят, сообщившие узникам о бегстве охраны? Кто выводил людей из лагеря?

Может быть кто-нибудь из читателей журнала знает этих людей?

Мне известно, что среди узников лагеря был коммунист Куршин, ранее работавший начальником смены механического цеха на Кировском заводе, мастер Макеевского ремесленного училища № 3 Селезнев и еще один человек по фамилии Аверин.

Вера ГОЛОМОЛЗИНА

**НАЙДИ,
УЗНАЙ,
ПОДУМАЙ!**

ИСЧЕЗНУВШАЯ ПЛОТИНА

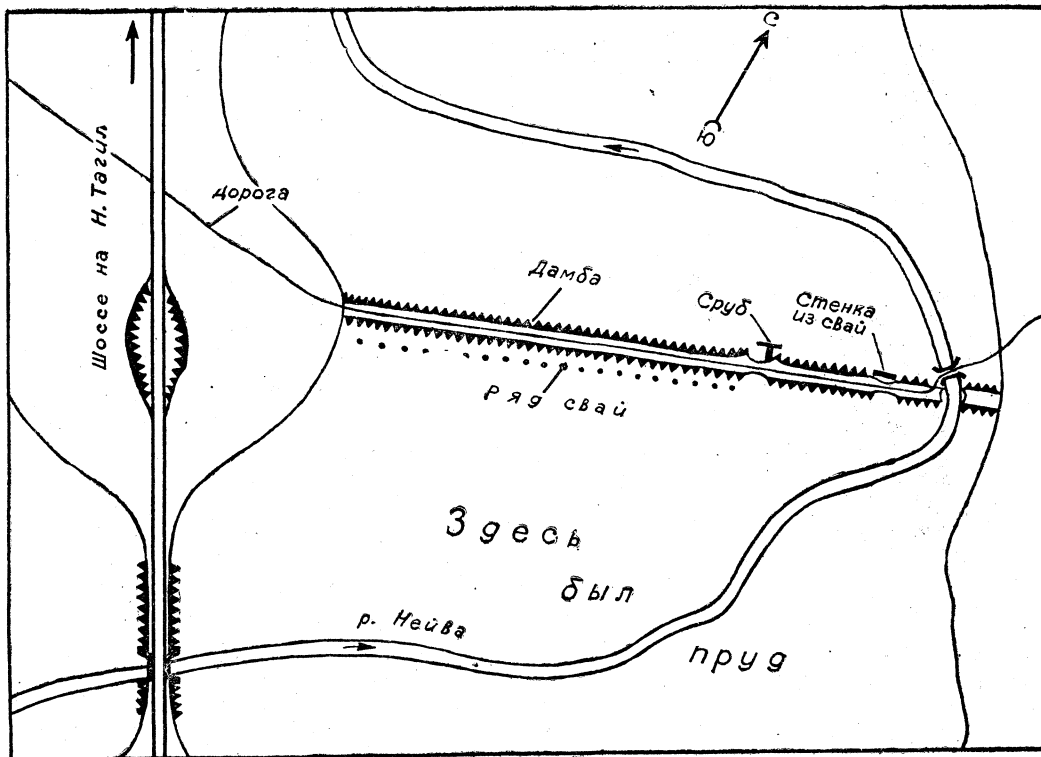
В XVIII веке небольшая горнотаежная речка Нейва в верховьях украсилась целым ожерельем многоводных прудов. Верх-Нейвинский, слившись с озером Таватуй, образовал водоем площадью более пятидесяти квадратных километров. Ниже Нейво-Рудянский и Невьянский пруды. Созданы они были трудом «рабочих людишек» и приводили в движение различные заводские механизмы. Все три существуют и по сей день.

Но оказывается, что между Нейво-Рудянским и Невьянским был еще один пруд, оставивший свой след. Теперь здесь пролегло новое шоссе Свердловск — Нижний Тагил. На семьдесят первом километре Нейва пересекает шоссе и теряется в зарослях мелкого березняка. Если с моста посмотреть в сторону Нижнего Тагила, то будет видна выемка в скальной гряде. За ней вправо лесная дорога, которая выходит к дамбе, много лет преграждавшей путь водам Нейвы. На некотором расстоянии от того места, где река минует дамбу, в насыпи имеются две седловины, видимо, остатки водосливных желобов. Первый желоб перегорожен свайной стенкой, на которой видны следы огня. У второго — в насыпи остатки бревенчатого сруба. Вдоль дамбы на расстоянии полутора-двух метров друг от друга выступают толстые сваи. Можно предположить, что они составляли деревянную стену, защищавшую дамбу от размыва.

Сейчас это сооружение — историческая загадка.

Когда и для чего оно было создано? Когда и почему перестало существовать? Жители Нейво-Рудянки на мои вопросы отвечали, что их деды уже не застали здесь пруда и плотины. Но, сказывали, были, и рядом с ним завод какой-то... Какой?

Н. ЯКОВЛЕВ

* * *

История строительства и эксплуатации старых гидротехнических сооружений Урала очень интересна и может дать много любопытных сведений для изучения горнозаводской промышленности нашего края. Между прочим, сведений о плотине, построенной на Нейве между Нейво-Рудянским и Невьянским прудами, в общеизвестных работах по гидротехническим сооружениям старого Урала нет. Нет их и в таких современных работах как «Реконструкция старых уральских плотин» В. С. Гвоздева, «Зодчие ста-

рого Урала» А. Алферова. Поэтому сообщение Н. Яковлева представляет интерес.

Судя по описанию автора, плотина входила в состав каскада гидротехнических сооружений, построенного в верхнем течении Нейвы. По своей конструкции она типично уральская — «ряжевая», с деревянными водосливами, «вешняным прорезом» (водосливом для сброса весенних вод).

Я думаю, что с помощью следопытов мы получим более полные сведения об исчезнувшем пруде и плотине.

В. ГОЛОВКО, инженер-гидролог

ОТВЕТ НА ЗАГАДКУ, ОПУБЛИКОВАННУЮ В НОМЕРЕ ШЕСТОМ

Судя по деталям пейзажа, рисунки следует расположить в таком порядке: И, Ж, Г, О, Б, К, В, Н, М, А, П, Л, Д, З, Е.

К сведению подписчиков

При обнаружении типографского брака недоброкачественные экземпляры журнала следует высылать по адресу: Свердловск, проспект Ленина, 49. Типография издательства «Уральский рабочий».

В случае несвоевременной доставки журнала обращайтесь в местные почтовые отделения или в Свердловский областной отдел «Союзпечати» [Свердловск, проспект Ленина, 39].

Ю. Я. ХАЗАНОВИЧ

Умер Юрий Яковлевич Хазанович, известный уральский писатель, член редколлегии нашего журнала и давний друг его. Нашим читателям памяты произведения Ю. Хазановича «Егор Васильевич — младший», «Байкаловские огоньки» и повесть «Дело», печатавшиеся в «Уральском следопыте». Знакома им и талантливая книга «Свое имя» — повесть о жизни рабочего паренька, выдержавшая несколько изданий.

Чуткий и отзывчивый товарищ, неизменно доброжелательный и мудрый советчик, обаятельный человек — таким он останется в нашей памяти.

Редакция

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова
Корректор В. Бурангулова
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36,
комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

НС 13202 Подписано к печати 19/VI 1969 г.
Бумага 84×108/16—2,62 бум. л.—8,82 печ. л. 9,31 уч.-изд. л.
Тираж 132 000. Цена 30 коп. Заказ 269.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике
офсетной печати.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ПОГОНЯ В ТУМАНЕ
С. Снегов, В. Черносивтов,
Приключенческая повесть 26
- ЛЕБЕДИНЫЙ КЛИК К СОЛНЦУ
НЕЗАКАТНОМУ
П. Дедов 62
- ПОЗДНИЙ ГРИБ
С. Мухин 65
- СТИХИ
Лев Сорокин 19

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

- 50 ЛЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ УРАЛА ОТ КОЛЧАКА
Красные вступают в город. С. Шмерлинг,
Д. Алексеев. На девятой версте. В. Альтов.
Последний пролет. А. Артамонов. Конец
Колчака. М. Голубых. 2

КРАЕВЕДЕНИЕ

- НА САМОМ ТЕМЕНИ АЗИИ
К. Ткаченко 17
- АВТОГРАФ ГЕРЦЕНА
С. Гомельская 37
- ЛЕТОПИСЬ НЕОБЫЧАЙНЫХ ЯВЛЕНИЙ
Л. Федоров 74

ДОРОГАМИ ПОИСКА

- ИЗ ПОДАТНОГО СОСЛОВИЯ
Е. Шнайдитейн 22
- ГДЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?
А. Добрынин 25
- СТРАНСТВИЯ МАНГАЗЕЙЦА ПЕНДЫ
Е. Ананьев 44

НАУКА, ТЕХНИКА, ТРУД

- САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ — ПРОСТО ВОДА
Б. Сергеев 39
- ДИВНЫЕ ГОРЫ
В. Кобельков 55
- АЗ, БУКИ, ВЕДИ
В. Житников 76

ОПЕРАЦИЯ «Ч»

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

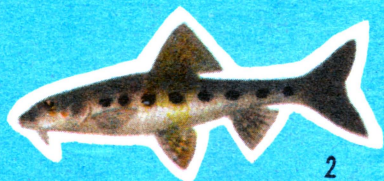
- ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ФИЛЕАСА ФОГГА
В. Губин 68

НАЙДИ, УЗНАЙ, ПОДУМАЙ

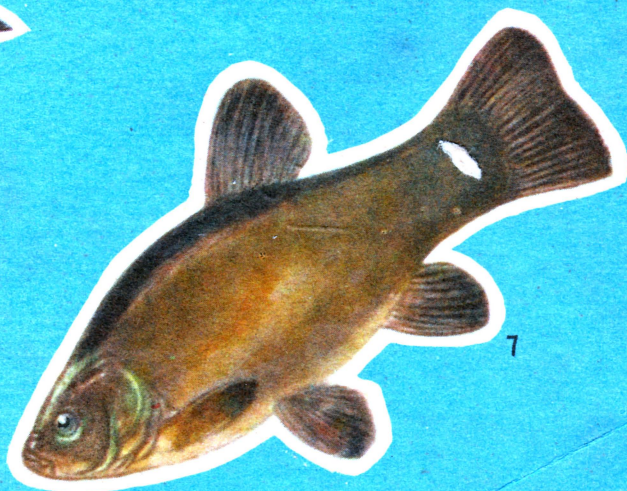
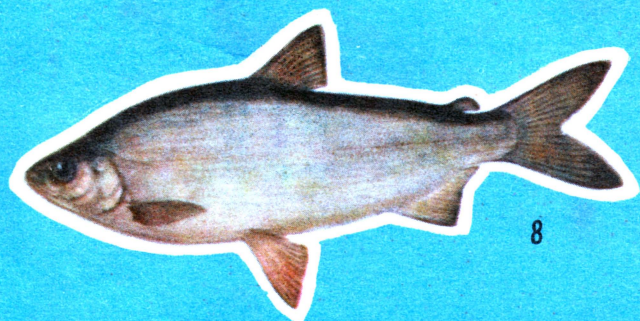
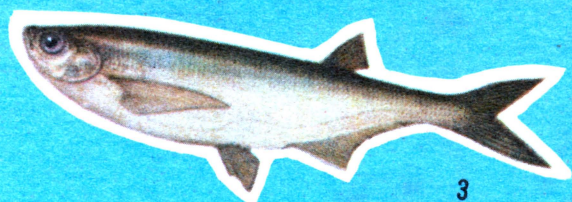
- ИСЧЕЗНУВАША ПЛОТИНА
Н. Яковлев 78

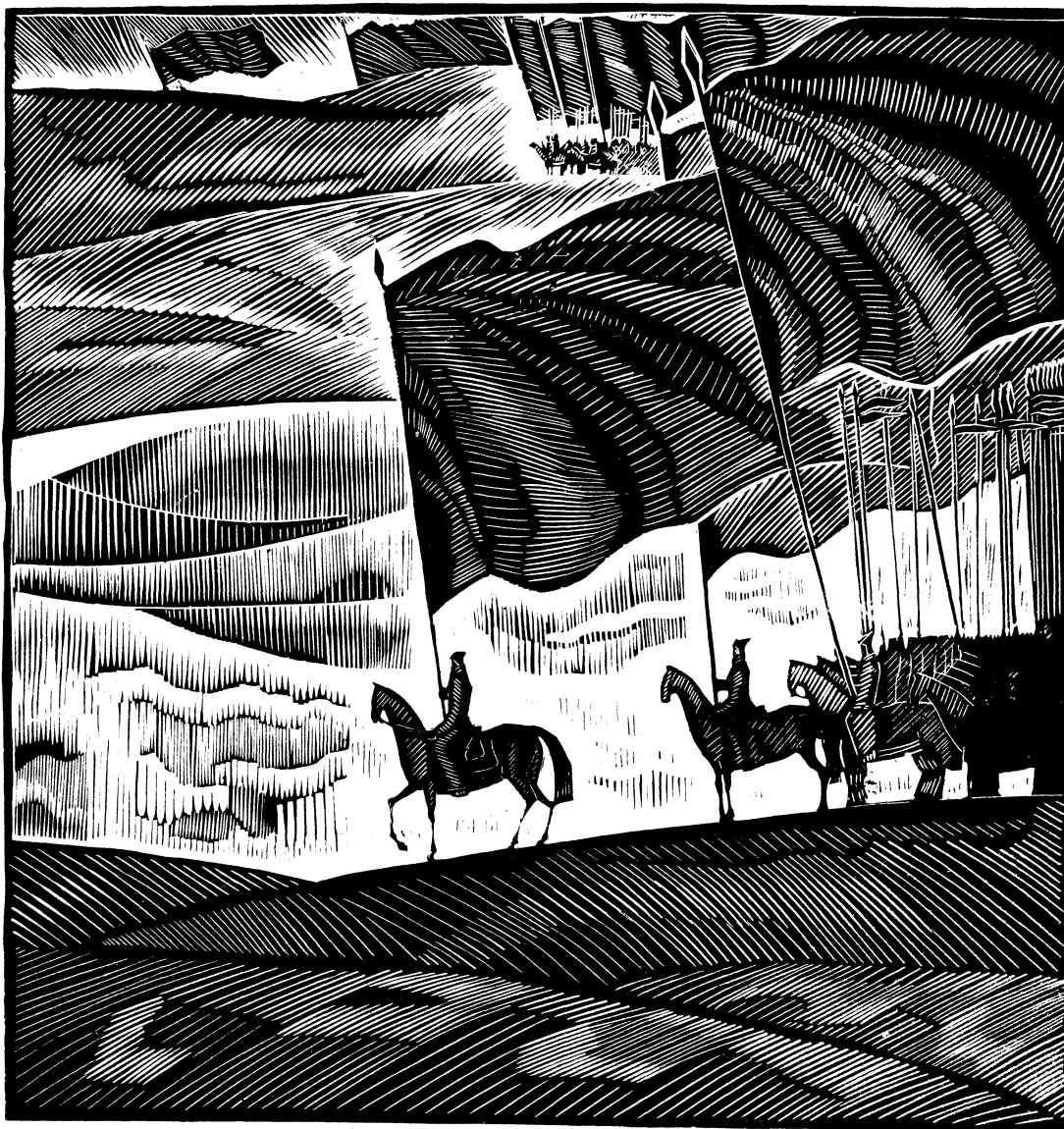
Обложка В. Воловича и С. Киприна

**НАЙДИ,
УЗНАЙ,
ПОДУМАЙ!**

*Как называются
эти рыбы?*

В ПРОКОФЬЕВ

МАРШ

80 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ